

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

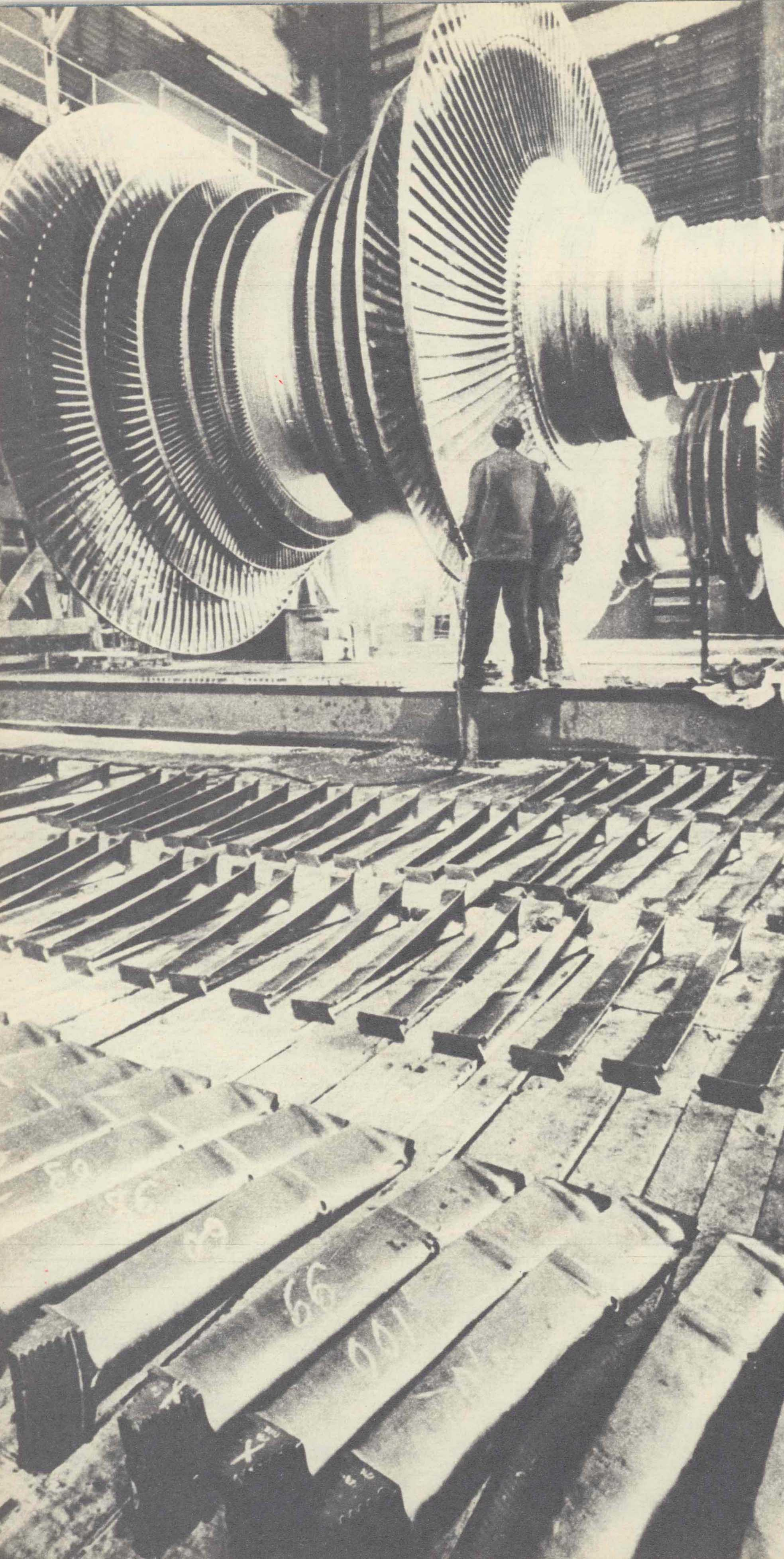
№ 3 ЯНВАРЬ 1984

НАРОД НИКАРАГУА НЕ СЛОМИТЬ!

●
ПОЭТ СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ.

●
РАССКАЗ ОБ АКТРИСЕ
ВЕРЕ ВАСИЛЬЕВОЙ.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОКТОР!

«Здравствуйте, доктор! К вам можно на прием!» Пока с такими словами к Людмиле Павловне Шурыгиной обращаются как к доктору. Она заведующая терапевтическим отделением московской поликлиники № 79. Но, вероятно, через некоторое время на прием к Шурыгиной пойдут уже и как к депутату Верховного Совета СССР. Недавно Людмилу Павловну выдвинули кандидатом в депутаты высшего законодательного органа страны по Ворошиловскому избирательному округу № 6. Ее хорошо знают в Ворошиловском районе столицы. Знают как умного специалиста, прекрасного организатора, доброго и отзывчивого человека. Не случайно Л. П. Шурыгину уже избирали депутатом райсовета. Она награждена орденом Трудового Красного Знамени.

На снимке: Л. П. Шурыгина.

Фото В. Кошеного (ТАСС).

ФОТО НЕДЕЛИ

Массовая демонстрация протеста против агрессивной политики американского империализма на Ближнем Востоке состоялась в Дамаске. Демонстранты прошли по улицам и площадям города с лозунгами, осуждающими вооруженное вмешательство Соединенных Штатов во внутренние дела арабских стран, заговоры империализма и сионизма против народов, борющихся за свободу и независимость. Манифестация завершилась грандиозным митингом.

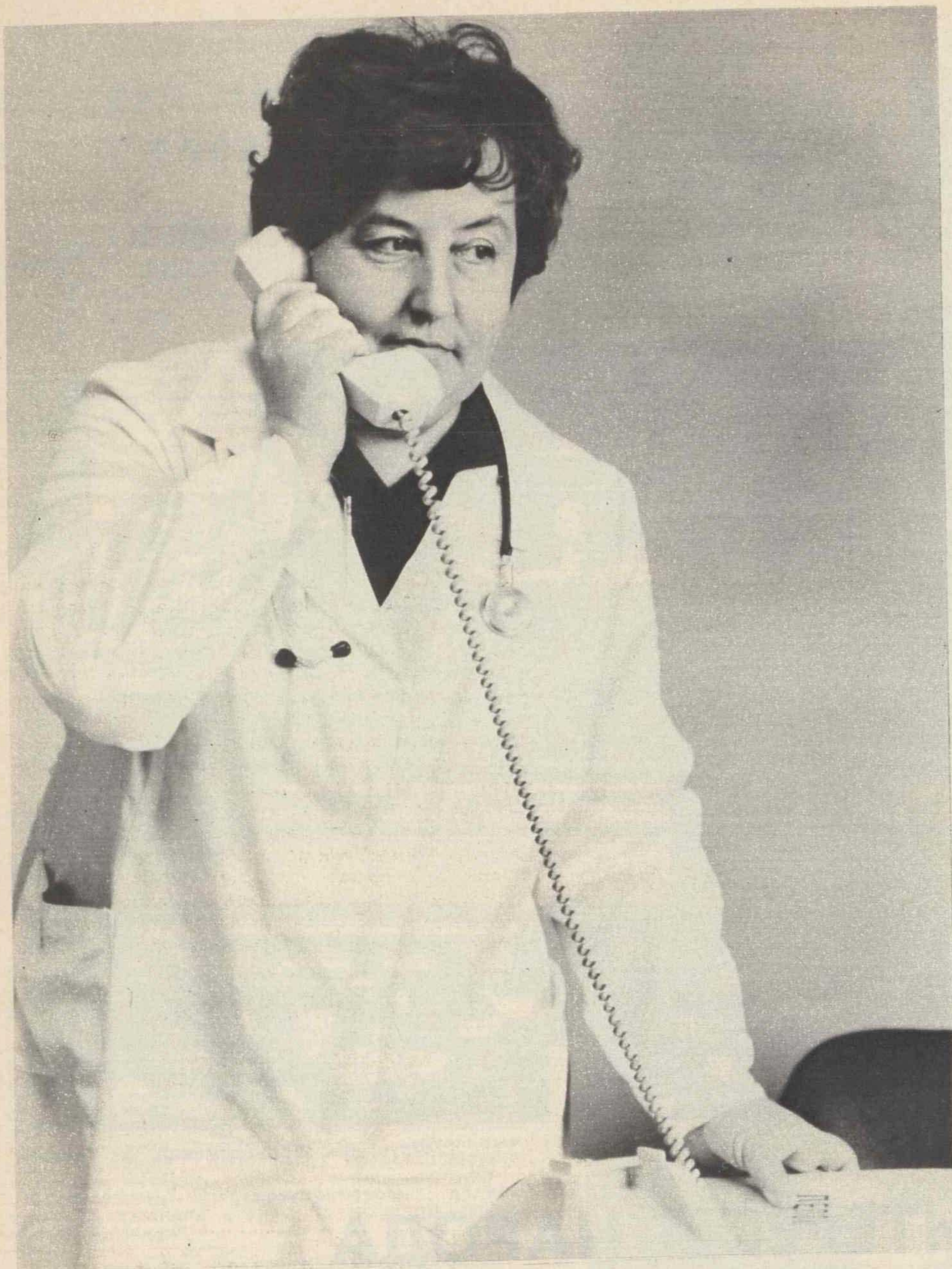
На снимке: во время демонстрации.

Фото САНА — ТАСС

Сбор ротора турбины на Калининской АЭС.

Фото Ю. Крылова

См. в номере репортаж Л. Коробовой «Миллионник». Стр. 6.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 3 (2948)

14 ЯНВАРЯ 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

В НОМЕРЕ:

«Нас было пять братьев,— говорит Доминго,— но в живых остался я один».

Репортаж И. Петушкова «Никарагуа строит и сражается» и цветная фотовкладка Г. Надеждина (ТАСС). Стр. 16.

Чем занимается вновь созданная коммерческая служба при исполкоме Заводского района Тбилиси?

Об этом репортаж И. Месхи «Партнеры из Заводского района». Стр. 12, 13.

«За любовью неизбежность смерти». Рассказ выдающегося колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса.

Стр. 26—27.

За два с половиной года в Саратове возникло 85 новых предприятий службы быта — впятеро больше, чем за то же время в прошлой пятилетке.

Фоторепортаж З. Кряквиной и Л. Шерстеникова «Сервис у проходной». Стр. 10—12.

«В ней предстали на экране русские люди, их сердечность, краса и стать».

Статья К. Андреева о народной артистке РСФСР Вере Васильевой. Цветное фото Л. Шерстеникова. Стр. 17.

К 100-летию со дня рождения С. М. Городецкого — неопубликованные автобиография, стихи и рисунки поэта.

Стр. 14, 15.

В зале заседания восьмой сессии Верховного Совета РСФСР десятого созыва.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева

ПРЕВЫШЕ ВСЕГО—ИНТЕРЕСЫ НАРОДА

6 января 1984 года в Москве, в Большом Кремлевском дворце, состоялась восьмая сессия Верховного Совета РСФСР десятого созыва. Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, депутаты и гости сессии встретили товарищей Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, В. В. Гришину, А. А. Громыко, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонову, Д. Ф. Устинову, К. У. Черненко, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. В. Зимянина, И. В. Капитонову, Е. К. Лигачева, К. В. Русакова, Н. И. Рыжкова.

С докладом о Государственном плане экономического и социального развития РСФСР на 1984 год и о выполнении Государственного плана

экономического и социального развития РСФСР в 1983 году выступил заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, председатель Госплана РСФСР депутат Н. И. Масленников.

Доклад о Государственном бюджете РСФСР на 1984 год и об исполнении Государственного бюджета РСФСР за 1982 год сделал министр финансов РСФСР депутат А. А. Бобровников.

Верховный Совет РСФСР единогласно принял Закон о Государственном плане экономического и социального развития РСФСР на 1984 год и Закон о Государственном бюджете РСФСР на 1984 год.

ТЕМП НЕ ПОТЕРЯЕМ!

Читаю текст выступления Юрия Владимировича Андропова на декабрьском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС и несколько раз останавливаюсь на словах: «Ныне назрел вопрос о разработке программы комплексного совершенствования всего механизма управления, который должен полностью отвечать экономике развитого социализма и характеру решаемых задач». Да, назрел! Потому что усилия отдельных коллективов часто сводятся на нет, если в механизме управления не все отлажено, не все действует в интересах общего дела. Сужу по нашему коллективу. Люди понимают ответственность, живут чувством долга и работают на совесть. Хороший темп взят в одиннадцатой пятилетке. Об этом свидетельствуют хотя бы итоги истекшего года. Более чем на шестьсот тысяч рублей выпущено продукции сверх плана, годовой план по производительности труда выполнен на сто и восемьдесят процентов, на полпроцента снижена плановая себестоимость продукции, удельный вес изделий высшей категории качества составил 56 с половиной процентов, что превышает плановый показатель. Мы ни разу не подвели потребителей нашей продукции.

Самая большая наша забота сегодня — резервы. В коллективе знают, что один-два наших современных станка могут и должны заменить на предприятиях более десяти действующих. Это так важно для роста эффективности производства! Знают в коллективе и другое: высокопроизводительных станков мы выпускаем недостаточно. Хотя делаем все, чтобы поднимать интенсивность труда, совершенствовать технологию, культуру производства. Активно взялись, например, за внедрение комплексно-механизированного и автоматизированного оборудования. В 1984 году намеряем за счет новой техники и технологии

довести уровень автоматизации и механизации основного производства до 84,2 процента.

Ищем, перестраиваемся, стараемся заглядывать в будущее. И как бывает досадно, когда, казалось бы, до конца выверенные и продуманные решения не реализуются в полном объеме и в установленные сроки. А это зачастую порождает неоправданные трудности.

С 1976 года началась подготовка к реконструкции головного завода. Она абсолютно необходима, так как не хватает производственных площадей для освоения новых видов продукции, в том числе автоматических линий. Документация на расширение предприятия готова, идея реконструкции поддерживают министерство, республиканские инстанции. Однако дальнейшие работы приостановлены.

Неполадки в механизме управления, особенно в системе планирования, мешают нам двигаться вперед. Взять так называемый принцип планирования от достигнутого. Нынешние условия диктуют необходимость заменить его научными, технически обоснованными расчетами возможностей производства.

Не служит делу прогресса плановый показатель реализации продукции в том виде, в каком он у нас существует. Ведь вот что порой получается: станки по договорным обязательствам мы отгрузили, свою заповедь выполнили, а у потребителя неблагополучно с финансами, и он вовремя поставки не оплачивает. Наш коллектив страдает, хотя и работает успешно.

Теперь, как сказал товарищ Андропов, самое важное не потерять набранный темп, общий положительный настрой на дела, активнее развивать позитивные процессы. Мы приняли это как важнейшую установку партии. В своих обязательствах на 1984 год коллектив записал: сверх установленного плана выпустить продукции не менее чем на четыреста тысяч рублей, добиться сверхпланового повышения производительности труда не ниже чем на один процент, снизить себестоимость продукции дополнительно к плану на полпроцента. Хороший заряд дал декабрьский Пленум ЦК КПСС. Своими успехами в четвертом году пятилетки мы подтвердим это.

Н. КОСТИКОВ, генеральный директор Минского ордена Трудового Красного Знамени производственного станкостроительного объединения имени Кирова

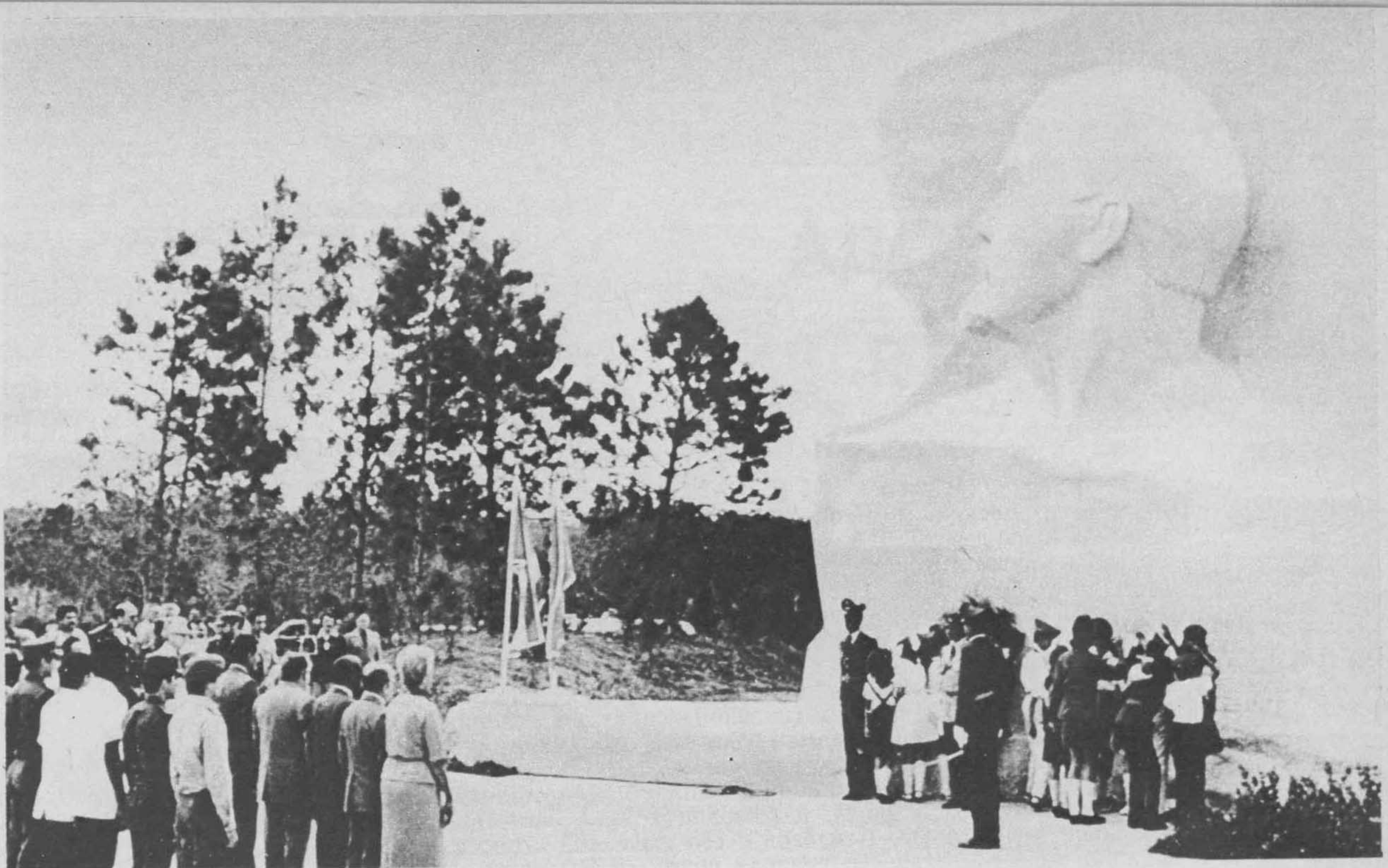
ВОЖДЮ МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА

В Гаване 8 января состоялось торжественное открытие памятника Владимиру Ильичу Ленину. В парк, носящий имя Ленина, где установлен первый на американском континенте монумент вождю мирового пролетариата, прибыли Первый секретарь ЦК Компартии Кубы, Председатель Госсовета и Совета Министров республики Фидель Кастро, второй секретарь ЦК компартии, первый заместитель Председателя Госсовета и Совета Министров, министр Революционных вооруженных сил Рауль Кастро, другие кубинские руководители. Вместе с ними — советская партийно-государственная делегация во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, министром культуры СССР П. Н. Демичевым. Их горячо приветствовали многие тысячи трудящихся кубинской столицы.

Авторы памятника В. И. Ленину — народный художник СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, действительный член Академии художеств СССР скульптор Л. Е. Кербель и видный кубинский архитектор, почетный член Академии художеств СССР А. Кинтана.

На снимке: во время торжественной церемонии.

Телефото Пренса Латина — ТАСС

С ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Советского правительства 3—4 января 1984 года в Советском Союзе находился с дружественным визитом член ЦК СЕПГ, министр иностранных дел Германской Демократической Республики О. Фишер.

Между членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и О. Фишером состоялись переговоры, в ходе которых в атмосфере сердечности и полного взаимопонимания были обсуждены вопросы развития братских отношений между обоими государствами и актуальные международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

Переговоры продемонстрировали полное единство взглядов сторон по всем обсуждавшимся вопросам.

На снимке: во время переговоров.

Фото А. Гостева

АВАНГАРД ТРУДЯЩИХСЯ

С 6 по 8 января в Нюрнберге работал VII съезд Германской коммунистической партии.

В работе съезда участвовало свыше 800 делегатов и гостей, а также посланцы более сорока братских коммунистических и рабочих партий, национально-освободительных движений. Тепло встретили участники форума западногерманских коммунистов делегацию КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Г. В. Романовым.

Нюрнбергский съезд ГКП проходил под лозунгом «Мир должен победить. Наше требование: работу вместо ракет!».

С отчетным докладом Правления ГКП на съезде выступил Председатель ГКП Герберт Мис.

В выступлениях делегатов, представлявших на съезде докеров Гамбурга и корабелов Бремена, горняков и машиностроителей Рура, крестьян Баварии, была подчеркнута тесная взаимосвязь между борьбой западногерманских коммунистов за мир, против гонки вооружений и размещения нового американского ракетно-ядерного оружия первого удара на территории страны, а также в защиту социально-экономических прав рабочего класса и всех трудящихся.

На форуме коммунистов ФРГ выступил глава делегации КПСС, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Г. В. Романов. Его выступление было встречено с огромным вниманием.

На съезде состоялись выборы руководящих органов партии. Председателем ГКП вновь избран Герберт Мис, заместителем Председателя — Герман Готье.

На снимке: во время работы съезда.

Фото АДН — ТАСС

ТРИ ГОДА СПУСТЯ

Юрий КОРНИЛОВ

Через несколько дней, 20 января, исполнится три года с тех пор, как нынешний президент США официально стал хозяином Белого дома. Позади три четверти президентского срока. Что же является характерным, главным для сегодняшней Америки?

Это, несомненно, культ силы, тотальная милитаризация страны.

Ставка на силу, на «большую дубинку» — не только стержень агрессивной внешнеполитической линии Вашингтона, вознамерившегося любой ценой, любыми средствами перекроить на удобный ему манер политическую карту мира. Это и стержень всей внешнеполитической структуры Америки. Зловещий союз «большого бизнеса» и милитаризма — вот что определяет сегодня содержание пресловутого «американского образа жизни».

Могущественный военно-промышленный комплекс США — это не только тысячи концернов и фирм, наживающихся на изготовлении орудий разрушения и смерти, и не только Пентагон с его огромной агрессивной армией, за плечами которой пепел Хиросимы, грязная война во Вьетнаме, бандитский захват Гренады и геноцид против арабов, осуществляемый заодно с сионистской военщиной на земле многострадального Ливана. Это и сами «высшие эшелоны власти» в США. Известно, что президент США — ставленник крупного капитала американского Юго-Запада, и прежде всего Калифорнии, этой военной кузницы страны. Среди ста высших должностных лиц, окружающих хозяина Белого дома, каждый четвертый — миллионер. Доходы, превышающие миллион долларов, имеет каждый третий американский сенатор. Никогда еще процесс слияния, сращивания американских правящих верхов с большим бизнесом США, с «королями оружия» не обнажался так явственно, так отчетливо, как ныне!

Нагнетая международную напряженность, раздувая миф о несуществующей «советской угрозе», правящие круги США стремятся не только оправдать свои гегемонистские амбиции, свой курс на безудержное взвинчивание гонки вооружений. Злонамеренные выдумки об «агрессивности СССР» рассчитаны и на «внутреннее потребление», ибо именно муссирование этих выдумок помогает насаждать в США антисоветизм и милитаристский психоз, культивировать атмосферу «осажденной крепости» — атмосферу, в которой Вашингтону легче и проще расправляться с теми, кто поднимает свой голос против милитаризма и социальной несправедливости. Характерно, что именно нынешнее «правительство миллионеров» с особым рвением укрепляет и расширяет аппарат насилия, созданную в США систему государственного произвола. Именно это правительство, придя к власти, отменило все ограничения на деятельность «специальных служб», таких, как ЦРУ и ФБР, опутавших страну сетью тотального всепроникающего сыска. Дымящиеся кварталы «колыбели американской революции» Бостона, где вооруженные до зубов «блюстители порядка» жестоко расправляются с борцами против расизма, и закованные в наручники активисты «взбунтовавшегося» профсоюза авиадиспетчеров, брошенные за решетку участники массовых антивоенных манифестаций и 34 миллиона накопленных в ФБР досье на «неблагонадежных» американцев — таковы сегодня «визитные карточки» хваленной американской демократии. Недаром сенатор У. Фулбрайт говорил в свое время: «Мы создали общество, главным занятием которого является насилие».

Три года назад, став у руля американского государственного корабля, Р. Рейган не скупился на обещания оздоровить экономику США и во всеуслышание возвещал, что, дескать, его администрация «уже садится на коня». Сегодня всем очевидно, что «республиканский конь» отнюдь не вытаскивает американскую экономическую телегу из трясины проблем. Очевидно и другое: в то время как бюджет Пентагона на 1984 финансовый год достиг 280 миллиардов долларов — суммы, рекордной в истории страны, трудовой Америке Вашингтон преподнес «рекорд» иного рода — небывалое «урезание» самых важных, самых насущных социальных программ. Выше мы уже говорили о том, кто находится на вершине американской «пирамиды власти». Теперь сопоставим это с другими, не менее характерными данными. Десяток министров-миллионеров — и свыше 30 миллионов американцев, чей жизненный уровень, по данным самой же американской прессы, находится «ниже уровня бедности». Горстка сенаторов, чьи доходы превышают миллионы, — и 34 миллиона граждан США, которые, по свидетельству английской газеты «Обсервер», ежедневно ложатся спать голодными.

Наступивший год — особый для Америки: в ноябре — президентские выборы. Готовясь к этому событию, буржуазная пропаганда усердно разглагольствует о «подлинной демократии», якобы царящей в США, о том, что, дескать, существующая в стране система обеспечивает всем американцам «равные возможности». Но какие же, спрашивается, «равные возможности» могут быть у 400 мультимиллионеров, которых американский журнал «Форбс» зачислил недавно в касту сверхбогачей Америки, и у десяти миллионов тружеников, находящихся «вне сферы занятости»? Вдумайтесь в эти цифры: 400 купающихся в роскоши миллиардеров — и десять миллионов обездоленных людей, лишенных права на труд, куска хлеба, а часто и крыши над головой. Как тут не вспомнить полные горькой иронии слова Анатоля Франса, вскрывающие лицемерие и фальшь буржуазного законодательства: «Закон в своей величавой справедливости одинаково запрещает как богатым, так и бедным спать под мостом, просить милостыню на улице и воровать хлеб»!

Да, тяжкие, очень тяжкие недуги, подобно зловеющим метастазам, разъедают сердце и душу Америки, не оставляя камня на камне от ее хваленной «демократии». И как суровое предостережение, как страстный призыв звучат сегодня слова павшего от руки наемного убийцы Мартина Лютера Кинга, выдающегося американца, одного из лидеров борьбы американских негров за гражданские права: «Остановись, Америка! Вернись к здравому смыслу! Прекрати насилие дома и за морями!»

Фото спец. корр. АПН
В. ПЕРВЕНЦЕВА

Вновь льется кровь на юге Анголы. Вновь рвутся артиллерийские снаряды и небо раскалывает грохот реактивных моторов. Не прекращается начатая в середине декабря минувшего года новая неспровоцированная агрессия ЮАР. Экспедиционный корпус Претории численностью в десять тысяч солдат и офицеров регулярной армии при поддержке артиллерии и авиации вторгся примерно на 250 километров

АНГОЛА: НАПРЯЖЕНИЕ БОРЬБЫ

в глубину территории независимого государства.

«Оправдание» агрессии не новое: войска ЮАР преследуют, дескать, партизан СВАПО. «Однако, — подчеркивает издающаяся в Луанде газета «Жорнал ди Ангола», — они ведут бои там, где не было и нет партизан СВАПО». Фактически армия ЮАР ведет бои с Народными вооруженными силами освобождения Анголы. Цель агрессии — оказать помощь действующим на юге страны бандам контрреволюционной организации УНИТА, а заодно заставить ангольцев отказаться от поддержки патриотов Намибии в их борьбе за свободу и независимость своей страны, которую незаконно оккупирует ЮАР.

Попытки, надо сказать, тщетные. Народ Анголы уже не раз давал достойный отпор южноафриканской военщине. Людей, уверенных в правоте своего дела, невозможно заставить свернуть с избранного ими пути. Последнее слово в этой борьбе будет за ними.

«Враг не пройдет!»

Вертолетчики на тренировке.

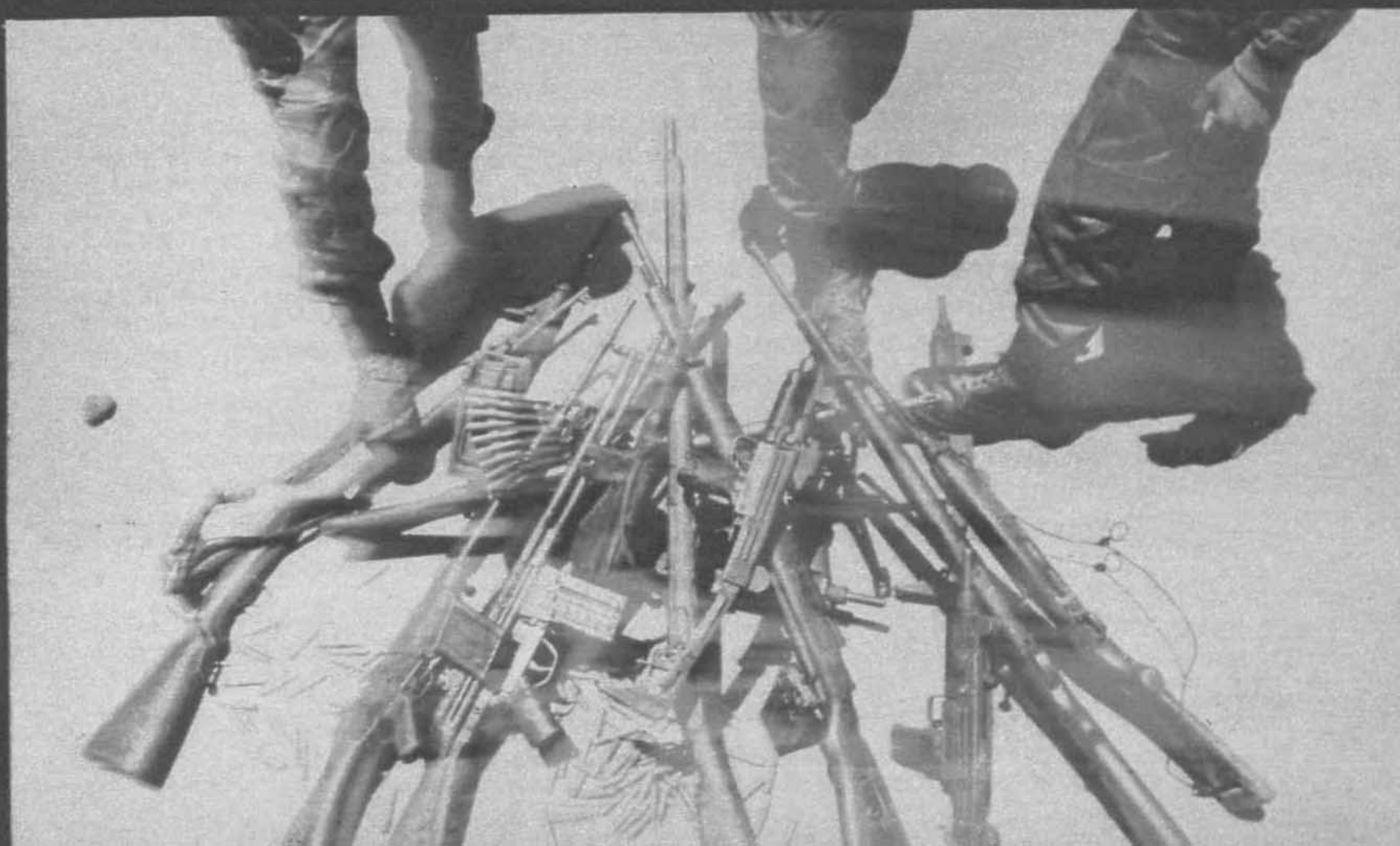
Боец народного ополчения Симао Бамби. Вся его семья погибла от рук бандитов УНИТА.

В морском дозоре.

Оружие, захваченное у интервентов.

СТРОИТСЯ КАЛИНИНСКАЯ АЭС * ИНИЦИАТИВА МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ * НОВОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ — ОТЛИЧНЫЕ АГРЕГАТЫ * ПРОБНЫЙ ПУСК ПРОШЕЛ УСПЕШНО.

**адреса
великих
свершений**

Миллионник

Л. КОРОБОВА

Около десяти лет назад началось строительство Калининской атомной электростанции. Место для атомного гиганта выбрано не случайно, оно целесообразно и экономически оправдано: почти на равном расстоянии от Москвы и Ленинграда. А что значит электроэнергия для таких городов, как Москва и Ленинград, разьяснять не надо. Первоначальная мощность АЭС — четыре миллиона киловатт.

Сейчас на стройке уже ведутся пусконаладочные операции на первом энергоблоке. Более ста бригад различной специализации сооружают атомную электростанцию. Одна из них — бригада Вячеслава Моисеева — трудится на ответственнейшем участке: турбине.

— Принцип работы турбины сегодня тот же, что и десять и тридцать лет назад, — рассказывает Моисеев, останавливаясь у необычного вида металлической громады, — и, вероятно, долго еще останется таким. Во всяком случае, до тех пор, пока не появится совершенно новая техника для производства электроэнергии, например, МГД — магнитно-гидродинамические установки. Наша турбина мощностью один миллион киловатт, или, как мы говорим, «миллионник», — лишь вторая в стране. Первая — на Южно-Украинской АЭС.

Сам я со Смоленщины, технику очень любил, но больше всего меня турбины привлекали. Мальчишкой на турбину как на чудо смотрел, как на вершину, которой едва ли удастся достигнуть, — признается Вячеслав. — Училище выбрал, где турбинистов готовили... Не один год в подмастерьях ходил, а наставники у нас были строгие, немолодые, с солидным опытом, десятком пущенных электростанций. Если б мне, двадцатилетнему парню, тогда сказали, что к тридцати годам я стану бригадиром турбинистов-монтажников, не поверил бы: работа тонкая, опыт нужен. И время.

Для накопления этого опыта и знаний Слава Моисеев учился в двух техникумах, но оба пришлось оставить на последнем курсе: его переводили на стройки, где начинался монтаж новых турбин: в Экибастуз, Запорожье, Конаково, а теперь вот в Калининскую область.

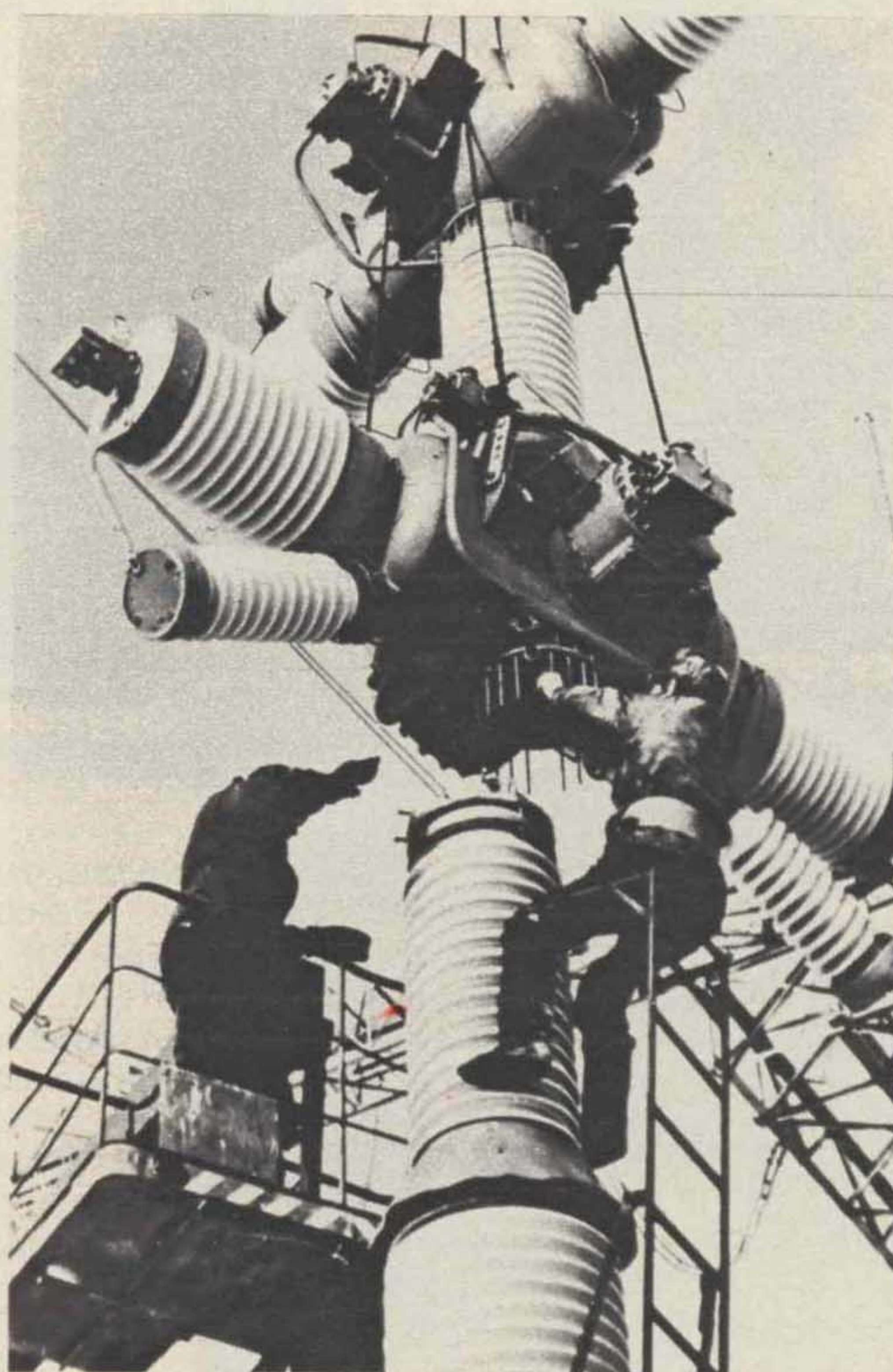
Первую турбину Калининской АЭС общим весом в 16 тысяч тонн по частям доставили из Харькова. В августе прошлого года приступили к сборке. Моисееву предстояло не просто создать бригаду, но и обучить за короткий срок молодых рабочих особенностям монтажа такого рода турбин. Бригадир неразговорчив, он из тех мастеров-умельцев, у которых слово не расходится с делом. Добросовестное отношение к работе, чувство ответственности — вот что привлекло в его бригаду Владимира Наумова, Сергея Беликова, Сергея Шапошникова. Все они молодые: средний возраст турбинистов — 26 лет. Оба Сережи, ви-

Бригадир Вячеслав Петрович Моисеев.

Монтажники.

Фото Ю. Крылова

девшие прежде турбину только на телеэкране, сегодня стали квалифицированными слесарями-монтажниками.

По словам бригадира, не так трудно собирать разноликий металл в единый узел, как сколачивать из пришлых, разномастных людей единый коллектив. Моисеевцы, как называют их на первом энергоблоке, выступили с инициативой: «Не выполнив сменного задания, не уходи с рабочего места». Вообще трест «Севзапэнергомонтаж», который послал сюда Моисеева, славится по стране своими специалистами.

— Что касается дисциплины в бригаде, — добавляет старший прораб Николай Ильинский, — то с этим у нас строго. Ни один случай прогула не остается безнаказанным. Применяется коэффициент трудового участия, нарушителей дисциплины лишаем премии.

Да и как же здесь без строгой дисциплины?! Сколько деталей весом от грамма и до десятков тонн нужно собрать воедино! И если б еще не мешали чужие недоделки.

— Не будь мелких дефектов, — говорит звеньевой Анатолий Высокий, — мы сократили бы время монтажа турбины вдвое. Не поверите: всего на стройке потеря рабочего времени из-за бракованных узлов и деталей составила более пятидесяти дней!

И три бригады электромонтажников написали открытое письмо министру электротехнической промышленности СССР А. И. Майорцу. Областная газета «Калининская правда» опубликовала это письмо. «...Как же нужно не уважать себя, свой труд и труд других, чтобы поставлять такую продукцию! — возмущались рабочие. — На Ташкентском электротехническом заводе, судя по всему, попустительствуют бракоделам. К такому выводу мы пришли, когда пытались по паспорту установить фамилию исполнителя. Паспорт чист. Неизвестно, кто и когда выпустил этот брак...»

Конструктивные недоработки на монтаже турбины, как правило, устраняются вручную: на стройплощадке нет тех специальных приспособлений и оборудования, которыми оснащен завод-исполнитель. Да и условия не те, что на предприятии.

Ручной труд по-прежнему остается. Например, установка 116 тысяч конденсаторных трубок, их вальцовка и подрезка — все это выполняется вручную.

— То, что чувствуют руки, прибор не ощущает, — говорит старший прораб Н. Ильинский. — Турбина, несмотря на свои гигантские размеры (только одна линия вала протянулась на семьдесят метров), допускает отклонения от нормы всего в три сотых миллиметра!

Турбинист, монтажник — это профессии чисто мужские, требующие и ума, и силы, и ловкости. На Калининской атомной собрались настоящие специалисты, и вот тому подтверждение: пробный пуск первой турбины показал, что агрегат собран хорошо. Значит, скоро он, приведенный в движение атомным реактором, даст первые киловатты электроэнергии.

В НОЧЬ

ПОД НОВЫЙ ГОД...

...Ветер летел по югу Эстонии со скоростью 30 метров в секунду, ломал и выворачивал с корнем деревья, опрокидывал столбы электропередач. В сотнях домов в эту предновогоднюю ночь люди лишились света. Сгоряча их больше всего возмущало то, что после праздничного ужина не удастся посмотреть телевизор.

А Антсом Ильвесом все те тридцать предпраздничных часов, что он провел в корзине на телескопической вышке, владело другое желание: скорее бы починить электролинию и подвести ток к животноводческим фермам.

Этот ураган был далеко не первым за годы его работы. Как-то некий горожанин, возражая против спешки Антса на место повреждения электролинии, воскликнул сердито:

— Подумаешь, доярки привыкли к электродойке! Могут и вручную подоить один раз.

— Как это вручную? Кто будет доить? В какую посуду? При каком освещении? — изумился Антс. Оказывается, в городах не так уж мало еще людей, не понимающих, что на крупных фермах главный работник — электричество. Что давно уже нет вручную работающих доярок, а есть на всю ферму несколько сменных операторов машинной дойки, им-то никоим образом не выдоить одновременно четырех коров.

Вот Антс и встретил новый, 1984 год на распределителе, дающем ток животноводческой ферме Камбья. К утренней дойке все уже было готово, и у Антса поднялось настроение.

Мы познакомились с ним сразу после нового года. Антсу немного за сорок, родился он в пяти километрах от Эльвы в старом дедовском доме. Окончил сельскую семилетку, поступил в ремесленное училище, где готовят электриков. Время поступления в училище совпало с пуском Балтийской ГРЭС, было совершенно очевидно, что электричество начнет повсюду властно входить в сельскую жизнь.

Отслужив в армии, Антс вернулся в родные места и стал работать монтером на высоковольтных сетях. Женится на хорошенькой учительнице Тийю, старшему их сыну Андрусу теперь уже пятнадцать, а Тоомасу тринадцать. И есть еще одиннадцатилетняя беловолосяя смешливая дочь Терье. Видно, как им хорошо вместе. И оба — Антс и Тийю — очень гордятся тем, что их рабочий стаж подходит к четверти века.

— А ведь многое изменилось за эти годы здесь, — говорю я.

Антс всплеснул руками и пошел сыпать междометиями:

— О! Ну что вы! Как же! Неворотно. Целая революция произошла, я от лопаты перешел на механизм самого что ни на есть высшего порядка, люди от керосиновых ламп — к электричеству даже в сараях и подвалах, не только в домах. Уже в конце пятидесятых годов в Эстонии на селе стали повсюду тянуть электросети. Опоры тогда деревянными были, без пропитки. В нашем сыром климате они быстро выходили из строя. За пять лет — с 1967 по 1972-й — мы заменили их бетонными. Этим-то долго стоять. В год ставили по тысяче новых опор. Хотелось скорее дать ток на фермы и поля и в дома — свет и телевизоры.

Нетерпеливо ускоряя электрификацию родных мест, коммунист Антс Ильвес, его приятель Энно Юуст и работавший тогда здесь старшим мастером Велло Вольмер придумали очень стоящую машину, которую они называют тракторным буром. Создавалась машина сначала в воображении трех электриков, а потом стали ее воплощать в металл. Для начала приобрили давно списанный колесный трактор, известный тем, что был он некогда одной из первых машин, поступивших в Эстонскую ССР из Советской России.

Антс Ильвес на своем постоянном рабочем месте.

К трактору элентрики приварили бур от старой установки. Гидравлику позаимствовали у экскаватора. И еще взяли на вооружение бульдозерную подвеску. В своих мастерских они все это обновляли, варили, собирали и в конце концов сделали весьма компактную и по-своему даже красивую машину. Она может многое: строить подступы к подстанциям, работает за подъемный кран, бурит ямы для опор, а с прицепом доставляет эти самые опоры на ме-

сто. Кроме того, на нее можно навешивать корзинку для работ в воздухе, чтобы не висеть на «кошках» с проводами. Приезжали латыши, им понравилась машина, и они у себя в республике уже три такие сделали. Еще бы — у этого железного мастера на все руки еще и отличная маневренность, проходимость, а довольствуется тракторный бур дизельным топливом. Так и получилась универсальная машина для линейных электротехнических работ.

— На этой машине Ильвес и Юуст вдвоем установили всю новую осветительную систему эльваских улиц, — рассказал директор высоковольтных сетей юга Эстонии Аво Безк.

Из Эльвы в Тарту мы возвращались в одной машине с Аво Безком. Он дополнил наши впечатления от знакомства с Антсом Ильвесом.

— Двадцать пять лет ежедневной работы с электричеством, всегда на улице, в дождь и мороз и еще хуже — на солнцепеке — это само по себе о многом говорит. Трудовой день начинается в половине восьмого, а если ЧП — но ведь у монтеров устранение ЧП — главная забота, — то часов он не считает. Антс все эти четверть века работает на распределителях, то есть на тех самых узлах, где электричество от линии высокого напряжения идет к домам, к фермам, к людям. А если человек и его труд необходимы людям, награда его не обойдет.

Сказал он это к тому, что, побывав у Антса дома, мы попросили его показать ордена. Тийю достала награды из плетеной коробки, и Антс, смущаясь и краснея, прикрепил их к пиджаку. Были это орден Трудовой Славы III степени, полученный в апреле 1975 года за успешный труд в девятой пятилетке, и орден Трудовой Славы II степени, который вручен электрику в марте 1981 года за стабильный рост профессионального мастерства, за творческое отношение к работе.

Словом, как говорят в таких случаях эстонцы, «Au tööle», что дословно означает «Честь труду».

Н. ХРАБРОВА

Фото В. Сальмре

ШЕСТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ «СМЕНЫ»

Январь 1924 года. В год, когда умер Ленин, в год, когда комсомол стал называться Ленинским, вышел первый номер комсомольско-молодежного журнала «Смена». На его обложке сивоз символические руины прошлого шагают люди в рабочих кипках с красным знаменем и транспарантом «Мы строители новой жизни».

С первого номера и до нынешних дней «Смена» выполняла важное поручение партии: быть пропагандистом, агитатором и коллективным организатором молодежи в борьбе за строительство коммунизма, за воспитание человека новой, коммунистической нравственности. Со страниц журнала, как живая, встает история героических свершений, в которых участвовал комсомол. — Турксиб, Магнитка, Днепротэс... В 1934 году «Смена» опубликовала статью, которая называлась «Штурм атомного ядра». С фотографии глядел вихрастый молодой человек с упрямым подбородком и волевым взглядом. Подпись под фотографией гласила: «Игорь Курчатов, старший комсомолец, бригадир бригады ленинградских физиков, бомбардирующих атомное ядро».

В пору войны «Смена» становится военно-патриотическим журналом ЦК ВЛКСМ. Последний, декабрьский номер журнала за 1942 год открывала статья секретаря ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР Ю. В. Андропова. Автор рассказывал, какой натиск добровольцев пришлось выдержать, когда в республике создавался комсомольский лыжный батальон. На фронт ушло больше половины комсомольцев Карелии. Так было везде. Готовность к подвигу Ленинского комсомола с особой силой проявилась во время Великой Отечественной войны.

Готовность эта оставалась его определяющей чертой и в мирное время. Публицистическая летопись славных дел советской молодежи на страницах «Смены» помогала воспитывать у новых поколений строителей коммунизма любовь к Отчизне, неуспокоенность, стремление к творческому поиску.

От Комсомольска-на-Амуре до газопровода Уренгой — Ужгород и БАМа протянулась замечательная эстафета комсомольских поколений. Немало городов, появившихся

на карте пятилеток, могли бы носить имя Комсомольск. История грандиозных преобразований на бескрайних просторах нашей страны, история крупнейших строений неотделима от биографии Ленинского комсомола, и об этом убедительно свидетельствуют подшивки «Смены» за шесть десятилетий. Репортажи, очерки, специальные номера, продолжающие из года в год рубрики «Экспедиция «Смены», «Западная Сибирь: проблемы, открытия, факты», — это яркий рассказ о великих свершениях молодого поколения Страны Советов.

Сегодня в столице газиковов Сибири — городе Новый Уренгой можно пройти по улице имени журнала «Смена», заглянуть вечером в светящиеся окна двух комсомольских библиотек, созданных по инициативе журнала «всем миром», когда книги собирали в разных уголках страны, чтобы прислать их сюда, где они особенно нужны и где особенно трудно...

Каждым своим очередным номером «Смена» добавляет яркие, выразительные штрихи к социальному портрету советской молодежи, утверждая великую преемственность комсомольских традиций.

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ

Внимательно ознакомившись с проектом ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», нельзя не прийти к выводу, что суть ее в дальнейшем приближении обучения к требованиям жизни, производства, экономики. Это касается и качества обучения и его содержания. Даже то нововведение, что дети теперь начнут ходить в школу с шести лет, в конечном счете имеет своей целью дать нашей молодежи к семнадцати годам более полное образование, лучше подготовить юношей и девушек к вступлению, как говорится, в жизнь.

В связи с этим, на мой взгляд, возникает несколько вопросов, которые нужно обсудить уже сейчас, чтобы быть готовыми к тем сложностям, с которыми мы неизбежно столкнемся, когда реформа вступит в силу. Прежде всего я имею в виду материальную базу. Привести в школу шестилетних детей, в те самые классы, в которых до сих пор учились семилетние, не так просто, как может показаться на первый взгляд. Учеба, во всяком случае, на первых порах, будет иметь игровой характер. Правда, игры эти будут всерьез, учебные игры, но их необходимо обеспечить материально — комнатами, оборудованием, пособиями. Кроме того, необходима основательная подготовка учи-

телей. Мы должны помнить, что шестилетний ребенок не просто моложе семилетнего на один год, — на этот возраст падает переломный момент в формировании человека, и на наших юных учеников нельзя механически перенести все те приемы, методы обучения, требования, которые оправдают себя при обучении семилетних детей.

Изменится и группа продленного дня — понадобятся игровые комнаты, спортивные площадки, спальни, наконец. Если сейчас в нашей школе в группах продленного дня занимаются ученики с первого по восьмой класс, то мы должны быть готовы к тому, что к ним присоединится еще один поток учеников, причем самых требовательных и беспокойных.

Возникает еще одно соображение. Поскольку, как сказано в проекте, в детских садах с шестилетними детьми будут заниматься по школьной программе, то необходимо обучение самих воспитателей, сейчас они явно не готовы к тому, чтобы учить детей. Им предстоит овладеть методикой преподавания, опять же потребуются материальная база, изменится и сам характер пребывания детей в детском саду — это будет школьная группа со всеми особенностями, условиями и требованиями школы.

В проекте много внимания уде-

ляется профессиональной подготовке молодежи, предполагается, что гораздо больше учеников, нежели сейчас, будут получать обязательное у нас среднее образование с четким профессиональным уклоном, то есть после получения аттестата зрелости выпускники смогут работать в различных областях народного хозяйства. Вообще, мне кажется, одним из наиболее существенных положений реформы является положение нашей молодежи наряду со средним образованием нужной в данном городе профессии.

Мы должны отдавать себе отчет в том, что сейчас не все получающие из наших рук аттестат зрелости действительно овладели средним образованием. Нередко школы попросту вынуждены ставить некоторым ученикам положительные отметки, хотя всем ясно, что те и не заслуживают их. Реформа исправляет это положение тем, что люди, из-за слабых знаний не поступившие в высшие учебные заведения, могут безболезненно влиться в производственную жизнь и проявить себя там, попытаться добиться успехов в другой области.

В связи с этим возникают соображения, касающиеся формализма и процентомании, как об этом сказано в проекте реформы. То, что это явления отрицательные, то, что с ними надо бороться, —

это вне всякого сомнения. Действительно, учителей, школьную администрацию буквально захлестнула волна отчетностей, справок, планов, которые необходимо посылать в вышестоящие органы народного образования, а те, в свою очередь, посылают отчеты и планы еще выше, и в общем-то пользы от такой многоступенчатой отчетности, многоступенчатого рапортования не много. А если учесть, что на каждом этапе цифры вольно или невольно округляются и, конечно же, не в сторону уменьшения, то в конце концов создается картина, весьма отличающаяся от действительного положения вещей. Мы постоянно готовим планы и отчеты по нравственному, трудовому, правовому, идеологическому, атеистическому воспитанию, составляем планы проведения каникул, посещения всевозможных музеев, выставок, спектаклей, имеющих, на наш взгляд, воспитательное значение. Подобная канцелярская деятельность отбирает зачастую столько времени и сил, что на само воспитание у нас уже не остается ни того, ни другого.

Но, с другой стороны, нельзя же всю эту отчетность попросту отменить и работу в школе пустить на самотек. Как бы мы ни возмущались формализмом, но есть отчетность, статистика, они полезны, они позволяют знать общую картину и в школе, и в городе, и в стране. Важно только, чтобы эта статистика соответствовала действительности. Мне кажется, необходимо очень четко продумать критерии оценки работы школьного учителя. До тех пор, пока его работа будет оцениваться по отметкам учеников, искажения неизбежны.

Представьте себе такой разговор. Подходит ко мне учительница и говорит:

— Я не могу, понимаете, не могу обучить этого ученика основам высшей математики.

— Но нужна хотя бы тройка, — отвечаю я. — Мы должны его выпустить.

— Но он знает, что тройка ему обеспечена в любом случае, и она его устраивает.

— Что же делать, — развожу я руками. — Придется ставить тройку.

А может быть, не ставить? Возможно, есть смысл в аттестате просто не выставлять отметок по тем предметам, которые ученик явно не усвоил? Может быть, указывать, что он просто прослушал курс по тому или иному предмету, без обязательного указания на какую отметку он его усвоил? Ведь когда в обязательном порядке ставят удовлетворительные отметки, это, простите, обман. Мы обманываем самих себя, вводим в заблуждение выпускника и в конце концов — общество. Зачем? Пусть все станет на свои места, пусть аттестат соответствует знаниям выпускника. Тогда, конечно, сократятся конкурсы в высшие учебные заведения, но зато туда будут поступать достойные по своим знаниям, способностям, устремлениям. Но главное — более серьезным, ответственным станет отношение к учебе. Это, кстати, предусмотрено реформой: «Усилить ответственность учащихся за качество учебы».

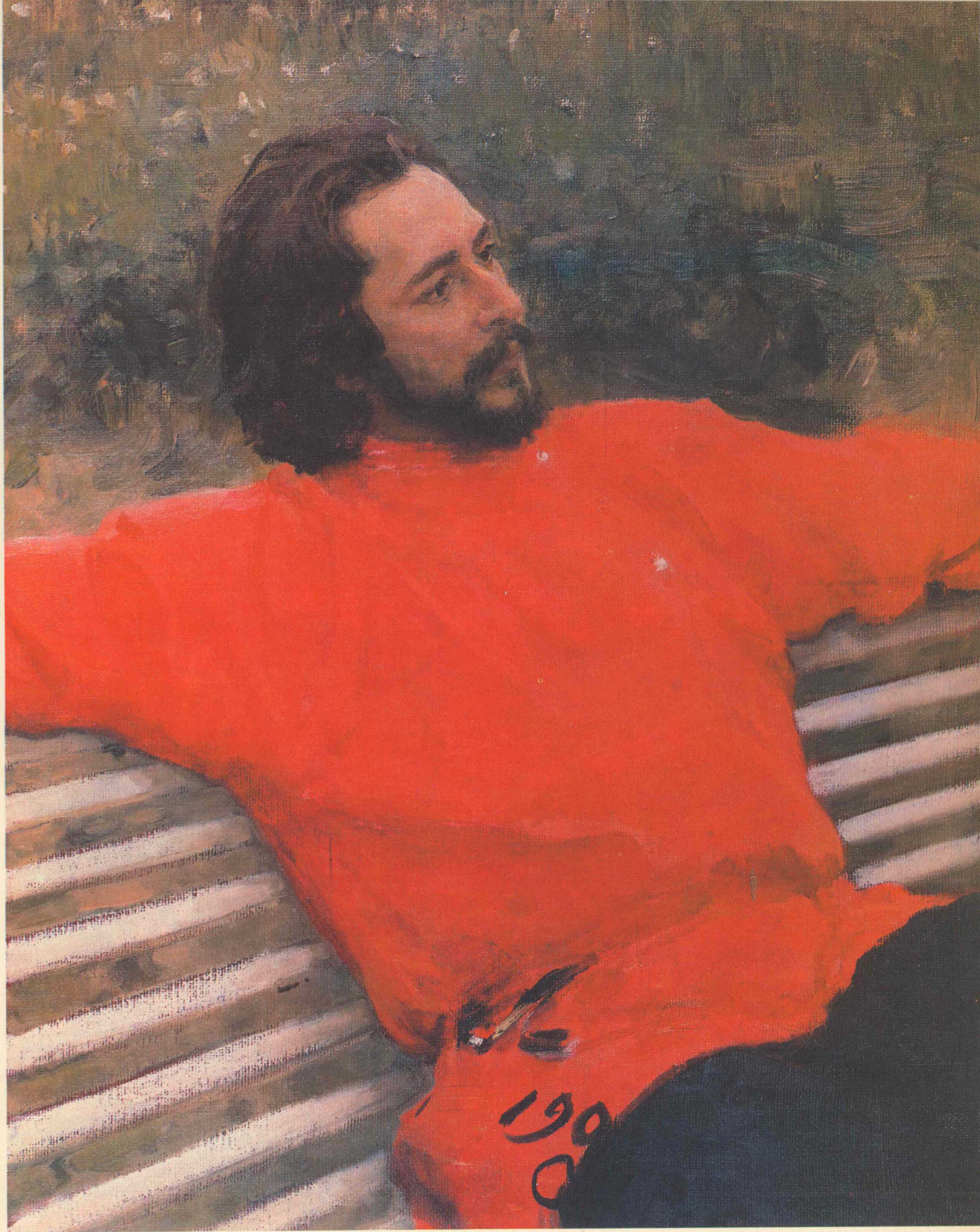
З. БАЙРАМОВА, завуч 527-й школы Москворецкого района Москвы

В стране все шире разворачивается обсуждение «Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Здесь не может быть равнодушных — дело касается каждого. Какой должна быть школа завтрашнего дня, как добиться того, чтобы наши дети получили не только прочные знания, но и убежденность, нравственную закалку, нужную обществу профессию, — эти вопросы волнуют и родителей и учителей.

На снимке: учителя 64-й школы Сокольнического района Москвы обсуждают проект предстоящей реформы.

Фото И. Гаврилова

И. Репин. 1844—1930. ПОРТРЕТ Л. Н. АНДРЕЕВА. 1905.

Омский музей изобразительных искусств

М. Врубель. 1856—1910. РОЗЫ И ОРХИДЕИ. 1890.

Омский музей изобразительных искусств

ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ...

Михаил ЩУКИН

Еще трепались на деревянных заборах лохмотья колчаковских приказов, а в освобожденном от белых городе уже наводился революционный порядок. В бывшем дворце генерал-губернатора Сухомлинова расположился штаб молодого командарма Михаила Тухачевского. Спустя несколько лет в этом здании начнет свою долгую интересную жизнь первый за Уралом музей изобразительных искусств, который скоро отметит свое шестидесятилетие.

В то суровое, горячее время представители Советской власти думали не только о патронах и хлебе, но и об искусстве. Картины, старинная мебель, изделия из стекла и фарфора, брошенные бежавшими, — все было бережно собрано и сохранено. Так начинался музей. В начале двадцатых годов по инициативе А. В. Луначарского сюда были переданы произведения из фондов Третьяковской галереи, Эрмитажа, Русского музея, из частных коллекций Юсуповых, Морозовых, Рябушинских, Шуваловых...

...Мне повезло. Моим экскурсоводом была Ирина Григорьевна Девятьярова, заведующая отделом русской и западноевропейской живописи. Много лет она работает в музее, влюблена в него, в свое дело и знакомит с художниками, с картинами, как со своими старыми друзьями, о которых знает, кажется, буквально все. Я слушаю ее взволнованный рассказ, вижу дивную живопись и вместе с тем саму российскую историю на всех ее крутых поворотах.

Необозримые весенние поля раскинулись на полотне Н. Дубовского «Родина». Вглядываясь в просыпающуюся после долгой зимы землю, словно чувствуешь дыхание свежего весеннего ветра, который в эту пору всегда приносит надежды на перемены, на лучшую долю. Эта картина открывала павильон России на Всемирной выставке в Риме в 1911 году и имела большой успех. «Ах, какая вещь!.. Лучший пейзаж всей выставки, всемирной, римской! Оригинальный, живая и красивейшая картина!» — так отзывался о ней И. Репин.

Вот и работа самого Репина «Портрет Л. Андреева». В тревоге замер известный писатель, резко, ярко выделяется на темном фоне алая рубашка, а на лице будто предчувствие большой человеческой трагедии.

А сколько страсти и внутренней силы, какое буйство души таится под темным одеянием «Монаха» В. Сурикова! Яростная борьба между смиренным служением богу и неукротимостью человеческого характера...

В опасное плавание в неведомую даль, к неведомым морям от старинного русского града устремились загадочные «Лады» Н. Рериха. В двадцатые годы художник оказался в Омске, зашел в музей и, к немалому своему удивлению, увидел здесь, в сибирской глубинке, свои картины. Директора музея на месте не оказалось, и Н. Рерих оставил у служителя записку, в которой просил изготовить рамы для его картин. К записке были приложены деньги. Рамы, конечно, сделали, а записка и сейчас, как реликвия, хранится в музее.

Минуем зал за залом. Передвижки: И. Крамской, Г. Мясоедов, И. Шишкин, Товарищество московских художников. В. Борисов-Мусатов — поэтический мир этого живописца нашел отражение в произведениях, где прошлое переплеталось с настоящим, где царят задумчивый покой и легкая, мечтательная грусть. Произведения И. Левитана, К. Коровина, Б. Кустодиева, Валентина Серова... Одно только перечисление имен заняло бы немало места. Огромное национальное богатство хранится в сибирском музее. Здесь представлены все этапы развития русского изобразительного искусства.

Особую гордость составляют три декоративных плафона, созданные одним из самых сложных и интересных художников рубежа столетий, Михаилом Врубелем. Он родился в Омске, здесь прошли его первые детские годы, и сейчас в память о нем в городе установлена мемориальная доска.

Кроме картин, в коллекции Омского музея много старинной мебе-

ли, изделий из стекла и фарфора, которые поражают филигранностью отделки, вкусом, мастерством, умением человеческих рук.

В зале, где выставлены портреты, на одной из картин изображен пожилой человек, держащий в руках том Вольного Экономического Общества. На заднем плане — пахарь, склонившийся над плугом, и небольшой дом. До недавнего времени табличка бесстрастно извещала: «Неизвестный художник. Портрет Козлянинова». Ирина Григорьевна Девятьярова задалась целью выяснить личность человека, изображенного на картине, и имя художника. О том, как шли эти поиски и что удалось узнать, можно написать увлекательный рассказ. Удалось выяснить, что это портрет отставного артиллерийского офицера, участника Отечественной войны 1812 года Владимира Петровича Козлянинова. А писал его (есть, правда, пока некоторые сомнения) художник Карл Рейхель. Чем дальше Ирина Григорьевна погружалась в поиски, тем все более удивительные факты она обнаруживала. И вот уже возникают имена Герцена, декабриста Юшневского, сосланного в Иркутск и даже Пушкина...

Этот случай не единственный в практике Ирины Григорьевны. Некоторые ее поправки и уточнения в атрибуции картин приняты не только в Омском музее, но и в Государственной Третьяковской галерее.

Мы уже хотели пройти в зал, где экспонируются произведения советских художников, как вдруг оттуда донеслись звуки рояля и зазвучала старая, полузабытая песня. Заметив мое недоумение, Ирина Григорьевна пояснила:

— Сегодня мы встречаем гостей, ребят из профтехучилища, и вместе с филармонией проводим своеобразный урок эстетики. — Она тут же поспешила добавить: — Но это только одна из форм нашей разнообразной работы.

Подробнее об этом рассказал директор музея Александр Михайлович Скрягин:

— Любая коллекция, любая выставка будут мертвыми, если нет заинтересованного зрителя. Поэтому мы большое внимание уделяем пропаганде искусства, ищем пути к сердцам людей, прежде всего — молодежи. В городе постоянно действует девятнадцать лекториев. Наши научные сотрудники читают лекции в городе и в области. Как с хорошими знакомыми встречаемся мы с тружениками многих заводов и учреждений. Традиционными стали и передвижные выставки подлинников. Особое внимание уделяем труженикам села: в этом году жители пяти сельских районов познакомились с интересными произведениями советских, в том числе и наших, омских, художников. В Черлакском районе на передвижной выставке «Мастера советского искусства» побывало две с половиной тысячи человек. Лекции и беседы об изобразительном искусстве проходят в районных домах культуры, в клубах, в красных уголках животноводческих ферм.

...Закончился урок эстетики у ребят из профтехучилища. Вижу их глаза, выражение лиц и понимаю, что сегодня они прикоснулись к вечной тайне, обладающей самой притягательной силой, имя которой — искусство.

Уже на улице я придержал невысокого, широкоплечего паренька. — Часто ходишь в музей?

Он засмущался, поднял глаза и ответил честно:

— В первый раз пришел. Я еще только на первом курсе в училище. Но теперь буду ходить... — И на минуту задумался. — Это ж такая красотища, жить даже веселее становится...

Вот тут и хотелось бы закончить короткий рассказ о музее в старинном сибирском городе. Но он будет неполным, если не сказать о бедах, а они есть, и немалые. Не буду их перечислять — в Омске о них хорошо знают, но исправить положение дел пока, к сожалению, не торопятся. Просто хочется напомнить руководителям города об одной простой истине: в музее хранятся произведения, принадлежащие стране, народу.

как служишь, служба быта?

Сервис у проходной

З. КРЯКВИНА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Дом бытовых услуг «Волжский».

Когда я обратилась в Министерство бытового обслуживания населения РСФСР с просьбой назвать город, где лучше других работает служба «сервиса у проходной», мне прежде всего назвали Саратов. И уже в поезде получила косвенное тому подтверждение от попутчиков. Правда, разговор начался не с этого. Соседями по купе оказались саратовцы и, как истинные патриоты своего города, рассказывали о его славной истории, связанной с именами выдающихся революционеров, писателей и художников. С жаром перечисляли уникальные станки и приборы, которые выпускают местные заводы, не забыли, конечно, о самолетах ЯК-40, распространенных повсеместно...

Я поинтересовалась: а можно ли в Саратове быстро сшить красивое женское платье?

На этот вопрос сразу отозвалась соседка по купе:

— Я работаю на подшивничьем заводе. У нас на предприя-

тии есть Дом бытовых услуг, где без всяких очередей можно заказать любую одежду. Я заметила, как вы разглядывали мое платье. Его шили наши мастера. Дом услуг расположен прямо у проходной. Удобно, можно управиться с заказом даже в обеденный перерыв.

...Подъезжала я к Саратову, обнадёженная этим разговором. Раз работающая женщина не предъявляет особых претензий к сфере бытовых услуг, значит, дело действительно обстоит неплохо.

И вот я в областном управлении бытового обслуживания. Беседую с заместителем начальника Виктором Алексеевичем Орловым. Рассказываю о своей встрече, о том, какие добрые слова слышала в поезде о местном сервисе.

Виктор Алексеевич улыбается: — Кое-какие сдвиги есть, но проблем, увы, еще хватает. Давайте побываем на некоторых наших предприятиях, посмотрим, что они собой представляют.

Татьяна Гнедко и Ирина Суровцева, учащиеся учебно-производственного комбината, будут портнихами.

Пункт у заводской проходной.

Будет все как на картинке!

Возле завода «Серп и молот» — пункт бытовых услуг.

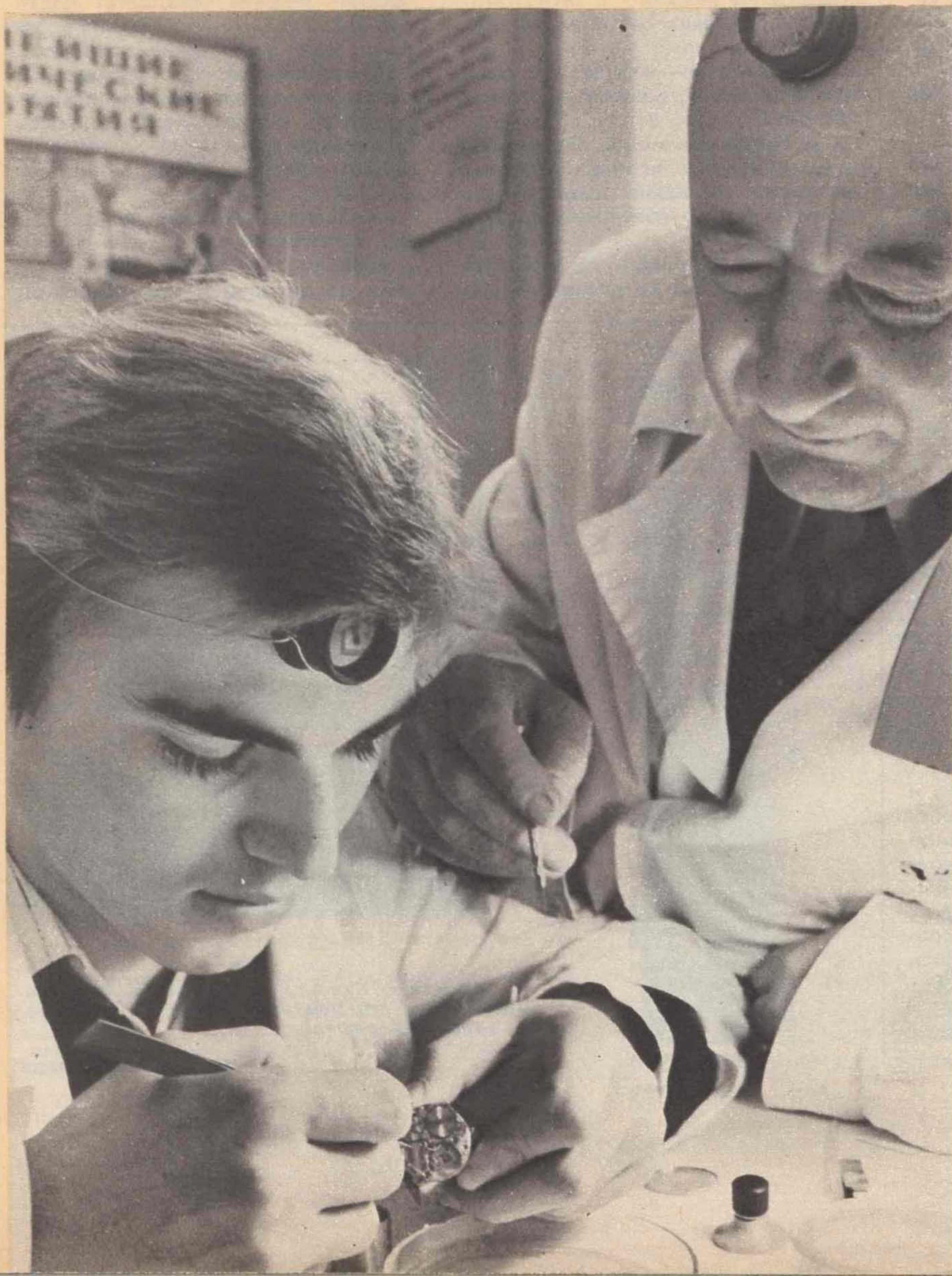
Заместитель начальника областного управления бытового обслуживания населения В. А. Орлов, главный инженер фабрики «Волжанка» Е. В. Сарана и вязальщица Ирина Ступина (справа налево).

Старший инженер-технолог лаборатории парикмахерских работ Валентина Мерзеликина — мастер международного класса.

Часовых дел мастера: преподаватель Григорий Петрович Срабоянц и ученик Саша Чумак.

Большая стирка — прачечная самообслуживания.

Предварительно Орлов коротко познакомил меня с тем, как в относительно короткие сроки удалось коренным образом перестроить сферу обслуживания.

— Еще в 1979 году наше управление «задолжало» населению услуг на 1 миллион 590 тысяч рублей. Саратовская заняла чуть ли не самое последнее место в этой отрасли среди областей Российской Федерации. Как случилось, что крупнейший индустриальный центр Поволжья так отстал в службе сервиса? Этот вопрос стал предметом острого разговора на совместном заседании бюро обкома партии, облисполкома и коллегии Министерства бытового обслуживания населения РСФСР. Тщательно разобрались, в чем причина отставания, какие меры надо принять.

Прежде всего нужна была развитая материально-техническая база. Решили: создать базу помогут сами предприятия — они возьмут на себя строительство домов быта и вообще окажут шефскую помощь. Должен сказать, что заводы и производственные объединения дружно принялись за дело. Среди предприятий родилось как бы негласное соревнование. На каждом старались создать свой Дом быта — быстрее и лучше. Уже через полгода сдали, например, на долевых началах Дом бытовых услуг «Заводской» и комплексный приемный пункт при заводе «Серп и молот». Всего же за два с половиной года в Саратове построено 85 предприятий службы сервиса, в пять раз больше, чем за этот же период в десятой пятилетке. Причем каждое второе — за счет средств заводов и фабрик.

— А как это сказало на выполнении плана?

— Уже в 1980 году мы справились с государственным заданием, еще через год оказали услуг на 450 тысяч рублей сверх плана. Сейчас тоже дела идут неплохо. В значительной степени благодаря помощи предприятий-шефов. Они нашли возможность изыскать для нас оборудование и кое-какое сырье без ущерба для собственного производства.

— Расширение сферы услуг требует квалифицированных специалистов. Кто и как их готовит?

— Ежегодно мы обучаем более двух с половиной тысяч работников. Только наш учебно-производственный комбинат выпускает специалистов шестнадцать профессий, кстати, одной из них — приемщицы — обучают здесь впервые. Раньше этой специальности не придавали особого значения. Приходил человек, его знакомили с работой и через неделю-другую «бросали» на рабочее место. Но, как показала практика, именно приемщице нужен профессиональный опыт, ведь именно к ней обращаются тысячи людей, и нередко на первый взгляд по досадным мелочам. А помочь надо каждому...

На заводе «Серп и молот» несколько лет назад открыли бюро бытового обслуживания. Организовали торговлю товарами повышенного спроса, помогли рабочим в период отпусков приобретать железнодорожные и авиационные билеты. Прошло некоторое время. Здесь провели анкетный опрос «Ваше мнение о работе бюро бытового обслуживания?» Выяснилось, что заводской коллек-

тив доволен новым начинанием, но хотел бы расширить сферу услуг.

Директор завода Александр Николаевич Горчаков провел нас по огромной заводской территории, показал продовольственный и овощной магазины, кулинарию, комплексный приемный пункт бытового обслуживания. В новом семиэтажном здании — заводской профилакторий и амбулатория. В перспективе — сберкасса, почта, книжный магазин, прачечная самообслуживания. Можно представить, сколько времени сэкономят работающие здесь люди!

— Велики ли затраты на все эти удобства?

— Вложены, конечно, немалые средства. Но все это окупается сторицей. За добро — добром. Рабочие полюбили свой завод, растет их мастерство, крепнет дисциплина, а значит, увеличивается производительность труда и улучшается качество наших изделий.

Опыт «Серпа и молота» широко использовали станкостроители. Это и неудивительно: не так давно директор станкостроительного объединения С. Д. Кривой сам работал на «Серпе и молоте» и был там инициатором создания бюро бытового обслуживания. Придя в новый коллектив, он энергично взялся за решение социально-бытовых проблем. Начал создавать подсобное хозяйство, теперь свиноферма дает пятьдесят тонн мяса в год, осваивается пчеловодство, закладываются теплицы. Строится поликлиника с грязелечебницей. Есть и свой комплексный приемный пункт бытового обслуживания.

...В цехах я беседовала с рабочими.

— Приятно, что администрация заботится о наших нуждах, — говорила токарь Рязина. — Выказали мы как-то на профсоюзном собрании пожелание: хорошо бы свою прачечную иметь! Директор пообещал этим заняться. И что же — полгода не прошло, как просьбу нашу выполнили.

— Все, что делается у нас, — заключил С. Кривой, — подсказано самой жизнью. Посмотрите, как просторно, светло в наших цехах, какие удобные рабочие места. Но этого мало: залог бодрого настроения — хорошо отлаженный быт и здоровый отдых. Мы решили переложить домашние заботы на плечи машин, высвободить нашим работницам часы для воспитания детей, театра, чтения. Все это не могло не сказаться на стабильности кадров, текучесть снизилась вдвое.

И так на многих предприятиях Саратова. Поражает уютом и комфортом Дом бытовых услуг на заводе технического стекла. Широкие окна открыты солнцу. Резные деревянные лестницы, зеркальные стены, многоцветный паркет. Современная мебель и богатое оборудование. И все это — дело талантливых рабочих рук. На субботники выходил весь коллектив завода.

...В гостиницу шла пешком. То и дело попадались на глаза вывески: парикмахерская, швейное ателье, фабрика химчистки и крашения одежды «Заря», Дом бытовых услуг «Волжский»... «Таких предприятий сегодня в нашем городе шестьсот, — вспоминались мне слова В. А. Орлова. — Но будет еще больше. Приезжайте к нам годика через три — увидите сами...»

«В г. Поти и Заводском районе г. Тбилиси осуществляется экспериментальный поиск конкретных форм усиления организующих и координирующих функций Советов народных депутатов».

Из постановления ЦК КПСС «О работе ЦК Компартии Грузии по совершенствованию системы управления, повышению уровня экономической работы, рациональному использованию ресурсов».

ИЯ МЕСХИ

ПАРТНЕРЫ ИЗ ЗАВОДСКОГО РАЙОНА

В маленькой комнате коммерческой службы при исполкоме тбилисского Заводского района шумно и тесно. Пять столов и проход между ними, подобный узкой извилистой трещине в льдине. Передвижение только танцевальными шажками, притом «в профиль», а не «анфас». То и дело звонят два телефона. И в «трещине» маячат по меньшей мере две фигуры — посетители. Быстрые, почти неуловимые разговоры о кусках листового стали, о производстве швабр, о дробилках для резины. И это в райисполкоме?

Так, все еще в недоумении, занимаю пятый, бесхозный стол, листаю пачку выданной мне канцелярской литературы и держу ухо востро: только умолк разговор, кидаю свой вопрос:

— Чем же вы все-таки тут занимаетесь?

— Если коротко, то делаем деньги. Из ничего.

— Что значит «из ничего»? Расшифруйте.

— «Ничего» — это то, что раньше оставалось, мешало, выбрасывалось...

— Старо как мир!.. О том, что отходы следует использовать, знает теперь каждый школьник, не говоря уж о руководителях предприятий...

— Знать-то знает... Но поезжайте вот хотя бы на деревообра-

тывающий комбинат в нашем районе, спросите у директора Гоги Германовича Самушия, знал ли он цену своим древесным стружкам.

Поехали, спросили Гоги Германовича.

— Понятия не имел. Мусор, чистый мусор! А тут вот приходят эти ребята из коммерческой службы и говорят, что такая стружка из твердых лиственных пород очень нужна на заводе шампанских вин. Необходима она для производства шампанского, и получает ее завод издалека. Бывает, что и не вовремя, и тогда им приходится брать уже использованную, промывать, снова пускать в дело. А мы в том же городе, как говорится, под боком, от этой стружки не знаем как избавиться. Смешно, правда?.. А теперь с помощью коммерческой службы заключили договор. Виноделам от этого договора годовой экономический эффект двадцать тысяч рублей. И нам, пусть немного, но тоже идут неожиданные деньги...

Провожая нас по жужжащим цехам, где пахнет тропиками и где мощные стволы превращаются под пилой в листы не толще египетского папируса, директор говорит:

— Пустить стружку в дело — это хорошо. Но не менее важно и другое: посмотрели мы вокруг себя после визита коммерсантов

ПРИЗЫ —
ЛУЧШИМ БРИГАДАМ

Бригадир КамАЗа В. Старостин с завоеванным его бригадой переходящим призом «Огонька».

Фото К. Ситдикова

из райсовета, и появился у нас вкус к подобным делам. Вот глядите, сколько обрезков ценнейшей древесины — называется шпон-рванина. Мы же их раньше в котельную пускали!

Пересекаем заводской двор и заходим в мастерскую. Это экспериментальный участок, в котором царит человек преклонных лет Бидзина Пименович Сирбиладзе. По профессии лесовик, инженер-технолог, по склонностям художник и выдумщик. На столе и полках вещицы, при виде которых возрадовалось сердце хозяйки. Все из плетеных древесных поло-сок: корзина для белья, абажур, ведерко для ягод (разновидность сибирского туюска), разные варианты хлебниц. Уже одобрено торговыми организациями. Берут, только давайте. Но не решена еще проблема рабочих рук: кто будет плести? Очевидно, надомницы. А началось все с вешалки (как в театре?). Коммерческая служба подсказала делать из отходов плечики для одежды (дефицит!), помогла добыть и приспособить для этого специальный пресс. Плечики теперь в серии, идут в торговлю...

Уже в воротах директор комбината вспоминает:

— Служба предупредила нас, что фабрика модельной обуви нуждается в каблуках. Если будете на фабрике, передайте, пожалуйста, что мы готовы стать партнерами: отходы есть!

Поехали и на фабрику модельной обуви Минлегпрома Грузии. Поговорили с секретарем парткома Автандилом Курашвили.

— О каблуках, конечно, с комбинатом договоримся. Но ведь у нас уже есть два договора, действующих в полную силу. На фабрике скапливались отходы резины десятками тонн. Их сжигали, что, разумеется, тоже лишние хлопоты. А тут товарищи из коммерческой службы нашли нам партнера — Лилейский комбинат стройматериалов, которому нужна резиновая крошка для производства изоло — кровельного покрытия. Комбинат получал ее издалека, платил десятикратную дорожку. Нам же платят по пятнадцать рублей за тонну. Выгодно и нам и им. А что самое главное, в результате договора вместо дыма — кровля!

Секретарь парткома просит старшего инженера по подготовке кадров Гиви Георгиевича Кавташвили зайти, прихватив с собой «пачучеби». Чуть погодя появляется Кавташвили, и в руках у него очаровательные меховые тапочки — домашняя обувь для маленьких ребятшек. Оставались на заводе крохотные обрезки мягкой хорошей кожи, а «коммерсанты» предложили к ним такие же маленькие обрезки меха, отходы производственного комбината «Цекавишири». Составили взаимовыгодный договор, изготовили первые партии...

— Теперь объясню, при чем тут я, мастер по обучению, — говорит Гиви Георгиевич. — Дело в том, что у нас в районе есть межшкольный производственный комбинат, на котором у фабрики свой цех. Раз в неделю в цех этот приходят старшеклассники из нескольких школ. Не думайте, что шить для маленьких легко. Вовсе нет. Работают девушки на машинах, и мы присваиваем им разряд...

Тут же, в фабричном парткоме, узнаем еще об одном направлении деятельности «коммерсантов» из райисполкома. Рассматриваем выпущенный службой бюллетень о наличии на промышленных предприятиях района залежей сверхнормативных и неиспользуемых материальных ценностей.

— Почему образуются эти залежи? — размышляет Автандил Курашвили. — Потому что заводские снабженцы стремятся ухватить побольше, с запасом. Но вдруг что-то снимается с производства или один материал заменяется другим, и добытое лежит мертвым грузом годами. А кому-то этот «мертвый груз» очень нужен! Посмотрите, в бюллетене отмечено 536 наименований таких залежалых неликвидов. И именно из бюллетеня мы узнали, что рядом с нашей фабрикой есть предприятие, хранящее вовсе не нужный ему компонент для литья подошв, а в другом месте залежались термопластавтоматы. Все это очень кстати, поскольку мы сейчас обсуждаем возможность самим изготовлять подошву литейным способом...

Вот такие полезные начинания обнаружили всего лишь на двух предприятиях района в связи с появлением коммерческой службы. Но ведь в районе не два, а 53 крупных предприятия, и на большинстве из них тоже уже что-то в этом плане делается.

...Снова сидим в маленькой комнатушке. Поздний вечер. Схлынули посетители, смолкли звонки. Передо мной все четыре сотрудника службы, очень разные, очень дружные, деятельные и молодые. Малхаз Попиашвили, 1958 года рождения, окончил инженерно-экономический факультет Тбилисского университета, взят сюда из «Грузсвета». Темури Басилия, 1957 года, выпускник того же факультета, пришел с завода «Тбилис-прибор». Александр Никонов, единственный, кому уже стукнуло тридцать, инженер-механик, работавший до службы на комбинате стройматериалов. Вахтанг Сихарулидзе, 1957 года рождения. Работая на заводе «Грузсельмаш», окончил вечернее отделение Тбилисского университета, стал экономистом. Сейчас начальник коммерческой службы.

— Всех нас, — говорит он, — отбирал в разных организациях первый секретарь Заводского райкома партии Константин Вахтангович Капанадзе. Кстати, он тоже молодой: тридцать пять лет. И идея создания нашей службы принадлежит ему. А сама служба входит в объединение по координации планирования управления социально-экономической и коммерческой деятельностью района. Объединение, выросшее на базе инертного и маломощного планового отдела, тоже, естественно, подчиняется райисполкому. Но поскольку все это еще, так сказать, в эксперименте, первый секретарь не снимает руку с пульса, — начальник службы делает выразительное движение в сторону телефонного аппарата, соединяющего его напрямую с первым секретарем, — вникает в каждый наш шаг...

— Вот, о первых шагах, будьте добры, — когда они были сделаны?

— Месяцев десять тому назад. Прежде всего мы провели полную паспортизацию всех производственных отходов на предприятиях

района, сгруппировали по разделам и обнародовали. Но тогда мало кто взволновался: сила инерции велика. Потом стали подбирать партнеров — кого бы чем заинтересовать. Вот тут дело задвигалось, хозяйственники почувствовали выгоду от сделок. Теперь уже заключено сорок шесть договоров по отходам и двадцать три по залежалым материалам. Мы тоже как инициаторы участвуем в договорах и имеем свой, правда, весьма скромный процент.

— Какой именно?

Темури Басилия, как специалист по экономической эффективности, подсчитывает: за год район в результате договоров выпустил дополнительно продукции на полмиллиона рублей, что дает предприятиям около 60 тысяч рублей прибыли (это «из ничего»!). А службе как инициатору партнерства перепадает, может быть, тысяч шесть. Эти деньги пойдут в фонд материального поощрения предприятий и развития производства при партнерстве.

— Интересно? — спрашивает начальник службы, и все четыре пары глаз выжидательно вглядываются в меня. Ведь начало нашего знакомства, признаюсь теперь, было несколько настороженным и скептическим. А их самих столкновение с жизненной практикой не ввергло в разочарование. Они твердо убеждены, что практика жизни — это они сами, вернее, мы все вместе. Все зависит от самих людей. Молодость и энтузиазм гонят их по всем уголкам района, заставляют выискивать, узнавать, тормошить, соображать, объединять. Вахтанг Сихарулидзе признался, что он даже маму свою замучил, вопрошая, каких вещей не хватает хозяйкам, «народным потребителям». И мама сказала: «Хлеб в кастрюлях держим! Разве это дело?» Так появились на домо-строительном комбинате варианты хлебниц на разные вкусы...

А в общем-то вдумайтесь: районный исполнительный комитет пустил в ход экономические рычаги, дисциплинирующие производство и производящие основательную чистку «авгиевых конюшен». Ради одной этой чистки, не говоря уж об упомянутых прибылях, стоит поэкспериментировать. Не так ли?

Десять лет тому назад началась творческая дружба «Камгэсэнергострой», а позже и КамАЗа с редакцией журнала «Огонек», учредившего ежегодные призы для лучших бригад этих объединений.

На «Камгэсэнергострое» в соревнование вступили бригады, работающие по методу подряда, и если в 1973 году, до объявления конкурса «Огонька», в объединении было всего двадцать таких коллективов, то сейчас их уже больше трехсот семидесяти — почти семь тысяч человек!

Нелегко завоевать редакционный приз и рабочим бригадам КамАЗа, где, кстати сказать, была разработана своя, заводская, многоступенчатая система подсчета результатов работы. В соревнование включались за эти годы самые различные коллективы, представители множества заводских специальностей — «огоньковский» приз переходящий, и, по условиям конкурса, одна и та же бригада дважды завоевать приз не может.

...И вот подведены очередные годовые итоги. В объединении «Камгэсэнергострой» среди коллективов, работающих по методу бригадного подряда, наилучших показателей добилась бригада монтажников из СМУ-4 Автозаводстроя, возглавляемая Владимиром Зубовым. Организованная еще в 1971 году, она работала на строительстве завода двигателей, постоянно оставаясь в числе лучших. Сейчас бригада, которой недавно присвоили звание коллектива коммунистического труда, строит завод транспортного электрооборудования.

В производственном объединении КамАЗ огоньковский приз завоевала комсомольско-молодежная бригада имени XIX съезда ВЛКСМ, состоящая из наладчиков и операторов цеха наладки валов агрегатного завода. Руководит ими Виктор Старостин.

Много хорошего можно было бы рассказать об этом коллективе. За семь лет его существования оттуда никто не уволился; высокое качество работы ребят (средний возраст в коллективе 26 лет) позволило бригаде перейти на самоконтроль, получить личное клеймо; среди

ее рабочих многие — студенты, есть и дипломированные специалисты.

Победители названы. В торжественной обстановке член редколлегии журнала Н. Иванова вручила им призы и почетные грамоты.

Б. СМЕРНОВ

Награда вручена представителям бригады монтажников СМУ-4 «Камгэсэнергострой».

ПОЭТ СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

О замечательном русском поэте Сергее Митрофановиче Городецком (1884—1967), друге и современнике А. Блока, учителе С. Есенина, воспитателе многих советских поэтов; о С. Городецком-художнике, прозаике, драматурге, общественном деятеле в дни его векового юбилея «Огонек» расскажет языком документов и его неопубликованных произведений — стихотворений, рисунков, автобиографической прозы.

Среди рукописей в архиве С. М. Городецкого сохранился неопубликованный краткий вариант автобиографических записок «Мой путь». Мы печатаем отрывки из них.

«МОЙ ПУТЬ»

«...Писал с детства. В 1904 г. познакомился в университете с Блоком, которому обязан первой помощью в стихах. К 1905 году определил свой стиль и жанр в поэзии и в 1907 г. выпустил первый сборник стихов «Ярь» в издательстве «Кружка молодых», организованного мной при университете. Эта книга оказала влияние как на группу крестьянских поэтов во главе с Есениным, так и на зачинателя футуризма В. Хлебникова, а также и на Асеева. Сила ее в близких народу языке и образах, разрушавших эстетику символизма и открывавших дальнейшие перспективы для русской поэзии. В 1907 г. вышла и вторая книга «Перун», своеобразно отражавшая революцию 1905 года. В том же году подвергся аресту и недолговременному заключению в «Крестах» за провоз запрещенного историко-революционного альманаха изд. «Шиповник» из Финляндии. В тюрьме было написано большинство стихов третьей книги «Дикая воля» (1908 г.).

В тюрьме прочел Вл. Соловьева, результатом чего был сдвиг мировоззрения в сторону мистических надежд на освобождение. Эти настроения выражены в книгах стихов «Русь» и «Ива».

Выходом из этого тупика пред-

ставлялась тогда новая школа поэзии, созданная мною совместно с Н. С. Гумилевым и названная нами «акмеизмом».

Параллельно со стихами шла работа и над прозой, из которой можно отметить повести «Сутуловское гнездовье», «Адам» и книгу рассказов «На земле».

В 1916 г. я уехал на фронт в качестве корреспондента «Русского Слова», в котором и писал, и служащего Союза Городов по сбору сирот в Турецкой Армении, из которой я вывез не одну сотню детей. Местом моей работы был г. Ван в Турецкой Армении, к которому я проезжал по всем трем возможным дорогам: из Джульфы через Хой и Котурское ущелье, из Игдыря через Суван и Паиз, и из Урмии через Башкалу и Хошаб. Сломал ногу в конце 1916 года, я эвакуировался для лечения в Петроград, откуда по выздоровлении был направлен в Персию, потому что Ван был уже сдан. В Персии меня и застала февральская революция.

Все эти события изображены в книге стихов «Ангел Армении» (Тбилиси, 1918) и в романе «Алый смерч» («Роман-газета», «ЗИФ»), а также в романе «Сады Семирамиды». Многочисленные зарисовки (акварелью) точно изображают все пути, по которым я проехал.

Конец 1917—18—19 годов я жил в Тбилиси, работал в газете «Кавказское слово» фельетонистом и редактором журнала «Арс» (№№ 1 и 2). В конце 1919 года я был арестован меньшевистским правительством Грузии и выслан из Тбилиси. Поселившись в Баку, я начал пробовать свои силы на театре, работал в театрике «Момус», для которого написал целый ряд одноактных пьес, из которых отмечу «Еврейскую мистерию», рассказывающую о денкинских еврейских погромах (музыка С. Паннева).

На заре майского дня 1920 года,

как только Красная Армия вошла в Баку, я был назначен зав. художественной пропагандой Кавк. РОСТА и провел большую работу, выпуская плакаты, окна сатиры, давал пьесы для «Сатир-агит-театра», руководимого моей женой. (Между прочим, плакат-портрет К. Маркса, воспроизведенный в начале книги Полонского о плакатах, вышел из моей мастерской.) При выпуске брошюры об XI армии мне досталась радость беседовать с Серго Орджоникидзе и С. М. Кировым.

Вскоре я был командирован в Петроград, где конец лета и осень 1920 г. работал начальником литчасти политуправления Балтфлота, организовывал беседы по искусству и литературе для краснофлотцев. Осенью я вернулся в Баку к прежней работе, во время которой совершил поездку в Персию (Энзели—Решт), где читал лекции и участвовал в газете «Красный Иран».

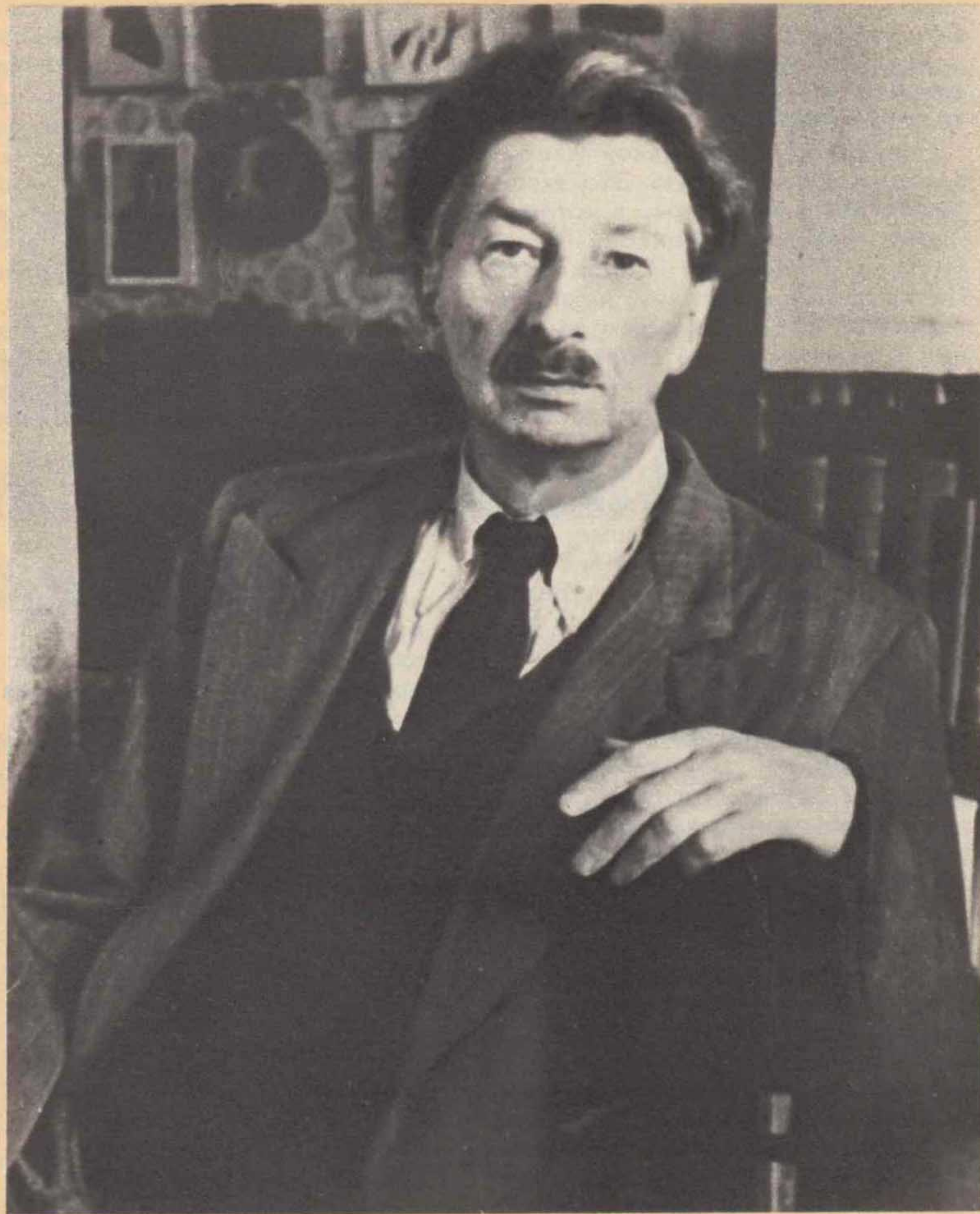
Весь этот период отражен в книге стихов «Серп».

Осенью 1921 года я переехал в Москву, одновременно начав работу в «Известиях ВЦИК», где печатал стихи и вел литературный отдел, и в Реввоенсовете, где участвовал в плакатном отделе, выпустив со своими подписями два плаката.

В 1924 году т. Луначарский привлек меня к работе в Большом театре, в котором я и работаю до сих пор по либретто.

В 1937 году я написал новый текст к опере М. Глинки «Иван Сусанин». Параллельно мною написаны новые тексты к «Валкирии», «Фиделио», «Водоносу» и «Чародейке».

За эти же годы я писал много статей и исследований по литературе (о Блоке, Есенине, Короленко), статьи по поэзии в «Новом мире» и «Красной Нови», рецензии в «Известиях» и журналах. Архив мой по этим отделам еще не приведен в порядок, но мне кажется, что там есть кое-что ценное и теперь».

С. Городецкий. (Автошарж). 1910 год.

РИСУНКИ ПОЭТА

Многие русские поэты оставили нам свои рисунки, живописные работы, графические портреты современников. Пушкин и Лермонтов, Жуковский и А. Белый — трудно перечислить всех отечественных литераторов, которые владели кистью и пером точно и умело. Среди этих поэтов-художников С. Городецкий, настоящий мастер рисунка и акварели, занимает достойное место.

Некогда его талант художника отметил сам И. Е. Репин. Сохранились и не опубликованы еще многие графические работы С. Городецкого. Вошедшие в эту публикацию рисунки печатаются впервые.

В 1946 году Сергей Митрофанович Городецкий подготовил сборник стихов «Нимфа» (лирика 1907—1945 годов). Это должна была быть 20-я книга стихов Городецкого. Не увидевшая свет по не зависящим от автора причинам, работа сохранилась в единственном машинописном экземпляре в архиве поэта. Публикуемые стихотворения из сборника «Нимфа» (Русская любовь). «Вторая вереница восьмистиший» продолжает известный цикл стихов, вошедших в сборник Городецкого «Цветущий посох».

«ВТОРАЯ ВЕРЕНИЦА ВОСЬМИСТИШИЙ»

Прилетай ко мне почаще
В блеске алых майских роз,
В нежном шуме вешней чащи
И в слезинках первых рос.

В плеске песни соловьиной,
В искрах дали голубой.
Я живу душой единой
С улетевшею тобой.

Поделись со мной солнцем своим,
Чтоб понять непонятное горе,
Чтобы мне без тебя чуть живым
Окунуться в житейское море.

Жили мы в лучезарном бреду,
Ты цветущий мой посох держала,
Не понять, как теперь я живу,
В жизнь вонзив, в свою, смерти жало.

Мы бессмертны. Но если останусь
Без тебя я на шаре земном,

Анна (Нимфа) Алексеевна Городецкая. Ее памяти посвящен цикл «Вторая вереница восьмистиший». Рис. С. Городецкого.

То лишь с тем, чтоб житейскому
Рассказать о сиянье твоём.

О твоей, метеором зовущим
Пролетевшей по миру мечте,
Завещавшей всем, ныне живущим,
Верность правде, любви, красоте.

Как птица вешняя из клетки,
Из рук ты вырвалась моих,

Из всплесков счастья, слишком
редких,
И частых горестей глухих.

И я смотрю душой земною
В звездистый сумрак голубой.
Где ты — не знаю. Но со мною
Твой образ, светлый и живой.

Все о тебе, все о тебе
Мечты колышатся, как ветлы,—
О нашей каторжной судьбе
И о порывах к жизни светлой.

Что нам мешало? Что сожгло
Мечту о счастье невозвратном?
Все раздроблю я, как стекло,
Поэмы молотом булатным.

Я догоню тебя в пустыне
И там стремглавый путь возьму,
Где в ночи вечной, черно-синей,
Созвездья режут блеском тьму.

И хоть параболой кометы
Умчись в бездонность темноты,
Вонжусь лучом, быстрее света,
В орбиту, где несешься ты.

Неутихающее горе,
Неумолкающая скорбь,
Надвинься, старость!—
Я не спору —
И спину гордую мне скорбь.

Ведь все, чем молодость играла,
Давно успело присмиреть.

И я за сорванным забралом
Подругу жизни вижу — смерть.

Жить невозможно без тебя.
И все же надо, надо жить,
Чтоб в вечность, горя раздробя,
Вплести судьбины нашей нить.

О, как была она тонка!
О, как она крепка была!
Светлей, чем горная река,
Темней, чем горной ночи мгла.

Мы нашли друг друга в буре.
Грозы стлали ложе нам.
Как Петрарка о Лауре,
О тебе я пел векам.

И когда-то кто-то где-то
В бесконечности людской
О тебе над строчкой этой
Загрустит моей тоской.

Он, счастливый, честный,
стройный,
Взглянет, новый человек,
В наш безумный, беспокойный,
Но его создавший век.

И мою постигнет муку,
Нашей грустью загрустит,
И поймет любви науку
И тебя благословит.

1945 год.

Поэт-шлиссельбуржец, почетный академик Н. А. Морозов. 1936 год.

Поэт М. Кузмин. 1915 год.

Якуб Колас. Ташкент. 14 октября 1942 года.

Н. Клюев, М. Лозинский, А. Ахматова, М. Зенкевич на заседании «Цеха поэтов». 1913 год.

Публикация Р. С. ГОРОДЕЦКОЙ.
Подготовка материалов
и комментариев В. ЕНИШЕРЛОВА.

НИКАРАГУА СТРОИТ И СРАЖАЕТСЯ

Иван ПЕТУШКОВ,
собкор АПН

Специально для «Огонька»

Никарагуанцы с гордостью называют свою страну краем озер и вулканов. И не без оснований. Уже с первых шагов, сделанных по никарагуанской земле, только выйдя за пределы международного аэропорта Аугусто Сесар Сандино, гости столицы могут увидеть гряды из пяти вулканов, изображенных на государственном гербе страны. В столице и вокруг нее — десятки мелких и крупных озер. Многие из них вулканического происхождения, весьма живописны и по чистоте воды могут конкурировать с родниками.

Озера и вулканы служат хорошим ориентиром для нас, журналистов, часто совершающих свои поездки по стране. Сверяясь с картой, по ним мы судим, сколько осталось до ближайшего города или развилки дорог. Проезжая вблизи вулканов, невольно сбавляешь скорость машины, чтобы полюбоваться их величавой красотой, особенно в эту пору, когда после дождливого сезона они покрылись буйной зеленью.

Извержения вулканов и землетрясения не раз приносили беды и страдания никарагуанскому народу. Гибли селения, города. Еще и сегодня видны следы разрушений в Манагуа от землетрясения 1972 года. Вулканы отняли у хлеборобов сотни тысяч гектаров земли, покрыв ее сплошной массой застывшей лавы. Но как бы сурово природа ни обходилась с людьми, она всегда оставляла место для жизни, создавая удивительные по красоте и благоприятные для земледелия уголки среди, казалось бы, безжизненных скал.

В один из таких уголков, в долину, раскинувшуюся вдоль реки Эль-Коко, севернее городка Килали, недалеко от гондурасской границы, мы отправились вместе с группой женщин и детей, возвращавшихся из Манагуа. Они приехали в столицу, чтобы через посла США потребовать от Белого дома прекратить поддержку сомосовских банд, которые с территории Гондураса несут разрушения и смерть...

Мы познакомились с ними у ворот американского посольства. Вдовы, многие с маленькими детьми на руках, добивались встречи с американским послом, чтобы выразить свой протест и передать письмо администрации Рейгана. Представившаяся мне женщина, Хесус Суарес, сказала: «Я приехала сюда, чтобы заявить американскому послу, что мы, никарагуанские матери, пролили уже много слез и требуем, чтобы наконец-то прекратили убивать наших мужей, наших детей». У ее ног лежали рассыпанными сотни гильз от патронов, которыми американские наемники убивали мирных жителей Эль-Коко.

Я подошел к другой женщине с ребенком на руках. Ее зовут Николаза Мартинес. Она рассказала, что убиты ее муж и все дети, которые вступили в бой с бандой. Николаза разрыдалась и больше ничего не могла мне сказать.

Нет, не принял американский посол крестьянских вдов. Не пригласил их в помещение посольства. Со двора, из-за металлической решетки, кто-то из сотрудников американского дипломатического представительства объяснил, что посла нет и в ближайшее время не будет.

...Мы приехали в Килали в полдень, остановились у здания баптистской церкви, где временно поселились жители Эль-Коко после бандитского налета сомосовской банды. Знакомимся с Венсеславо Перальтой, членом революционной сандинистской организации кооператива, и ее секретарем и председателем кооператива Доминго Мартинесом.

— Сельскохозяйственный кооператив имени Аугусто Сесар Сандино был создан здесь после победы революции, — рассказывает Венсеславо Перальта. У него уставшее лицо, припухшие веки, в глазах боль и страдание. — В 1979 году, — вспоминает он, — пять братьев Рамирес Матей и их отец Хулио решили создать первый кооператив в районе, где еще Сандино мечтал о коллективизации. Братья Рамирес сотрудничали с партизанами, и, когда победила народная сандинистская революция, они, получив землю, решили объединиться в кооператив. Их поддержали и другие крестьяне.

— Мы хорошо помним первые дни деятельности кооператива, — вступает в разговор Доминго Мартинес Матей. — Тогда мы питались только фасолью и несолеными котлетами — даже соли не было. К нам присоединились другие крестьяне. Они были вынуждены оставить свои усадьбы в зоне Пусмапа из-за частых налетов сомосовских головорезов с территории Гондураса. Наша сандинистская организация сделала все, чтобы эти двадцать пять крестьянских семей, переехавших к нам из Пусмапы и других пограничных зон, как можно быстрее почувствовали, что они не гости здесь, а равноправные хозяева.

Наш кооператив значительно окреп, нам выделили дополнительно землю и 6 тракторов. Начали строить дома для членов кооператива, организовали женский комитет, добровольную милицию, гражданскую оборону. Мы добились заметных успехов в 1983 году. Были собраны хорошие урожаи кукурузы, сорго, увеличилось стадо коров, начались экспериментальные посадки табака. Наши враги не смогли запугать нас, не смогли заставить отступить от своих целей людей, которые познали вкус свободы.

— Нас было пять братьев, — дрожащим голосом говорит Доминго, — но в живых остался я один. Четверо погибли, защищая кооператив, его жителей, детей и женщин.

После нашего вопроса, как это произошло, Доминго Матей предложил нам поехать в кооператив Эль-Коко, на месте увидеть преступления контрреволюционных банд, вооружаемых и оплачиваемых администрацией Рейгана.

Мы сели в «джип» и отправились в Эль-Коко. В пути Доминго рассказал:

— Около шести часов утра нам сообщили, что в сторону кооператива движется банда сомосовцев. Мы слышали выстрелы в горах, недалеко от нашего поселка. Немедленно подняли по тревоге всех членов нашей гражданской обороны. Под руководством Ермохеноза Риверы мы направили две группы по четыре и пять человек добровольной милиции к окраинам поселка, чтобы, с одной стороны, они наблюдали за передвижением противника, и с другой — в случае необходимости приняли бы бой на месте. Примерно в десять часов утра находившиеся в засаде члены гражданской обороны обнаружили, что около двухсот контрреволюционеров приближаются к кооперативу. Передовая группа добровольной милиции находилась в девятистах метрах от первого дома деревни. Там было шесть человек, вооруженных пятью автоматами и одним

пулеметом, который находился в руках Аугустино Варгаса, тракториста кооператива.

...Наш «джип» на приличной скорости все ниже спускался с гор. Из-за поворота открылась зеленущая долина, разрезанная вдоль небольшой речушкой. На участке в три-четыре гектара четко виднелись черные квадраты пожарищ. «Это все, что осталось от наших домов», — пояснили сопровождавшие нас крестьяне.

Мы прошли по улице бывшей деревни. Уцелевшие от пожара дома были разрушены взрывами снарядов и гранат. В одном из них мы увидели деревянную колыбельку, пропущенную автоматной очередью. В другом доме были убиты две маленькие девочки, спрятавшиеся во время перестрелки под кровать.

— Бандиты смогли прорваться в деревню только через два часа после начала нападения, — продолжает свой рассказ Доминго Мартинес. — За это время мы успели отвести в безопасное место более ста детей, женщин, стариков. Когда наши патроны были уже на исходе, мы решили отходить. В бою смертью героев пали наши друзья и подруги. Погибла Мария Кристиана, член Ассоциации никарагуанских женщин. Она отстреливалась до последнего патрона. Последней очередью убила двух «контрас». Ее окружили, один из бандитов приставил к лицу Марии ствол винтовки и выстрелил...

Около пепелища, где находился дом погибшего Хоакина Рамиреса Матея, я подобрал обгоревшую книгу с красной обложкой. Развернув ее, прочитал попавшиеся на глаза строки: «СФНО в течение многих лет воспитало поколение никарагуанцев, которые, возглавив народ, сделали возможным победу революции в июле 1979 года. Эти люди были примером самоотверженности, простоты и честности. Каждый их шаг был отмечен смелостью и бесстрашием». Это слова из устава членов СФНО, эту книгу Хоакин Матей, как мне рассказал его брат, бережно хранил вместе с другими документами. И в трудные моменты своей жизни он поступал так, как велела его революционная совесть. Смелость и героизм, проявленные Хоакином Матеем и его товарищами, сохранили жизнь десяткам их односельчан. Враги не добились главного — не запугали население, не заставили людей отказываться от идей коллективной обработки земли.

...Мы видели здесь разрушения, пепелища, но видели и зеленущие поля, мягкие, нежные побеги пшеницы, которая всходит на никарагуанской земле. Мы видели решимость народа отстаивать свою свободу, свою землю.

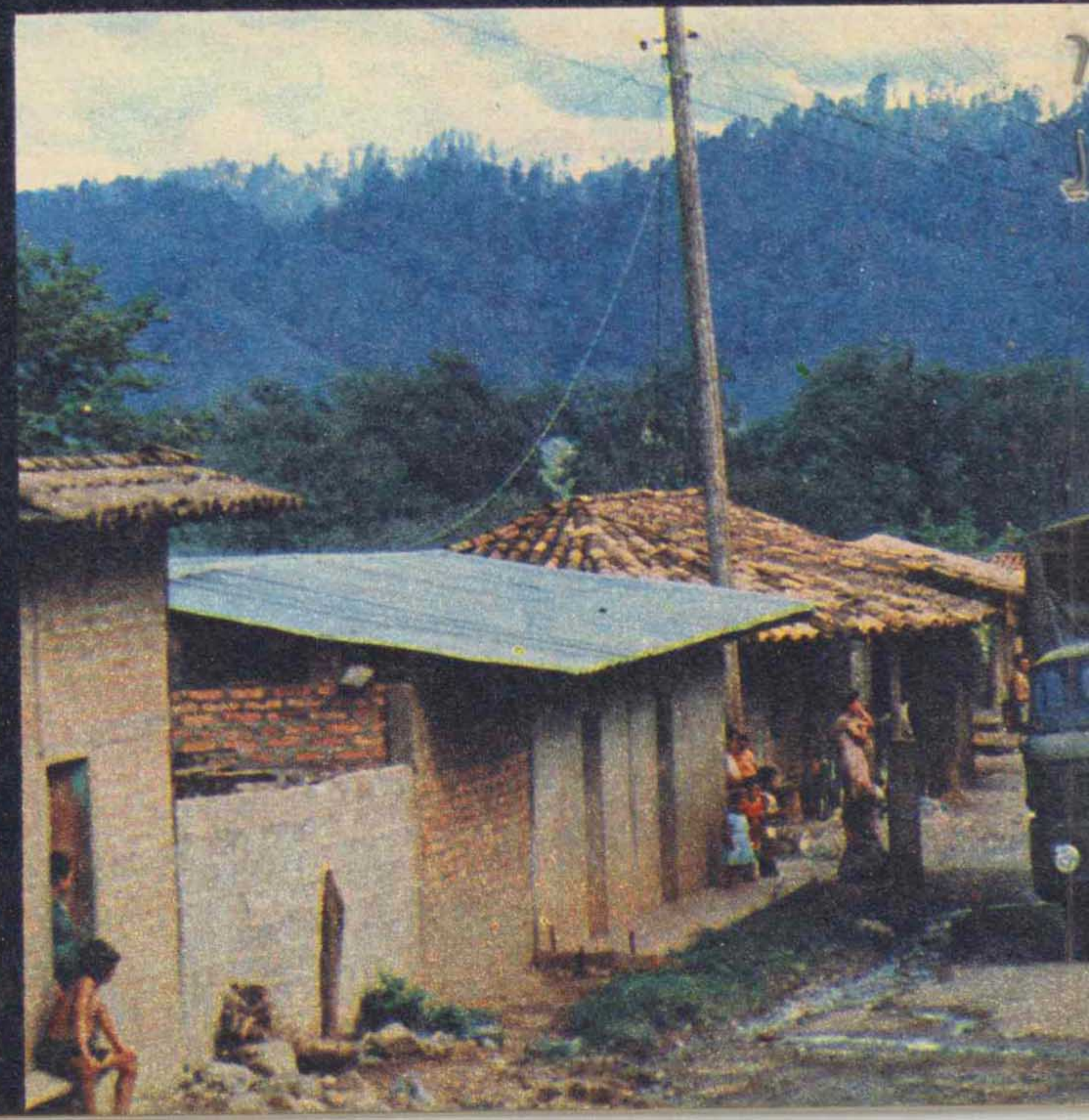
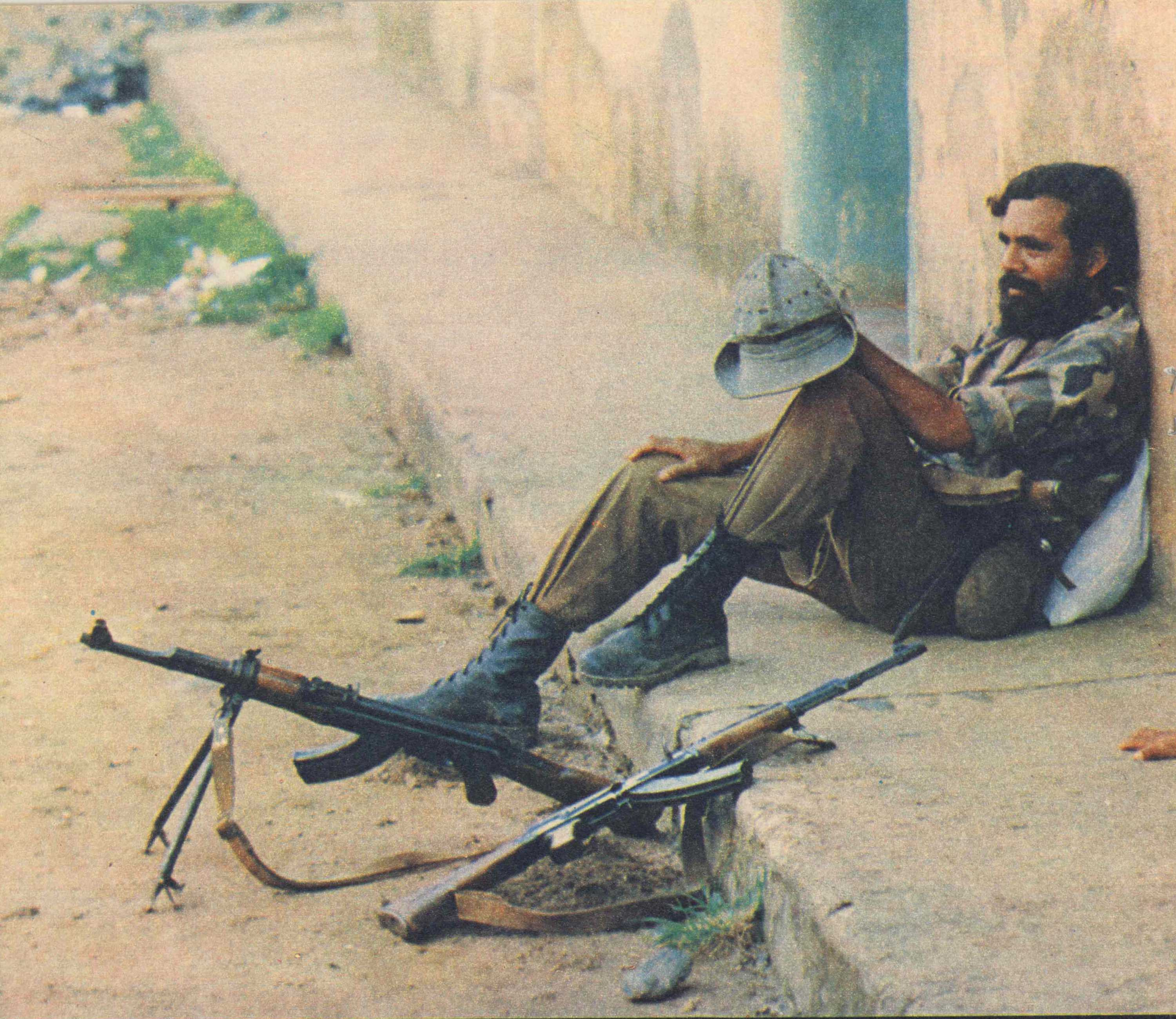
Манагуа.

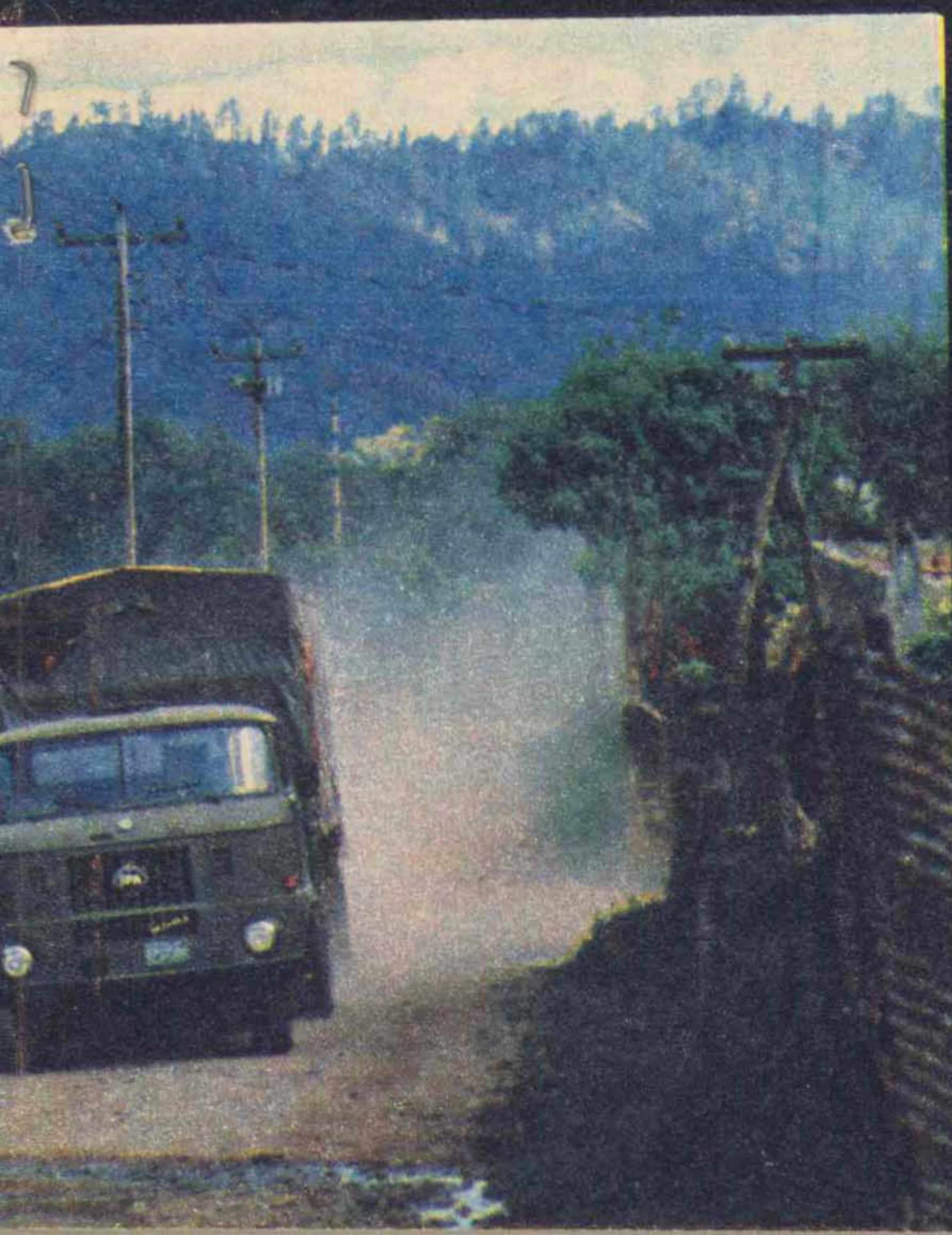
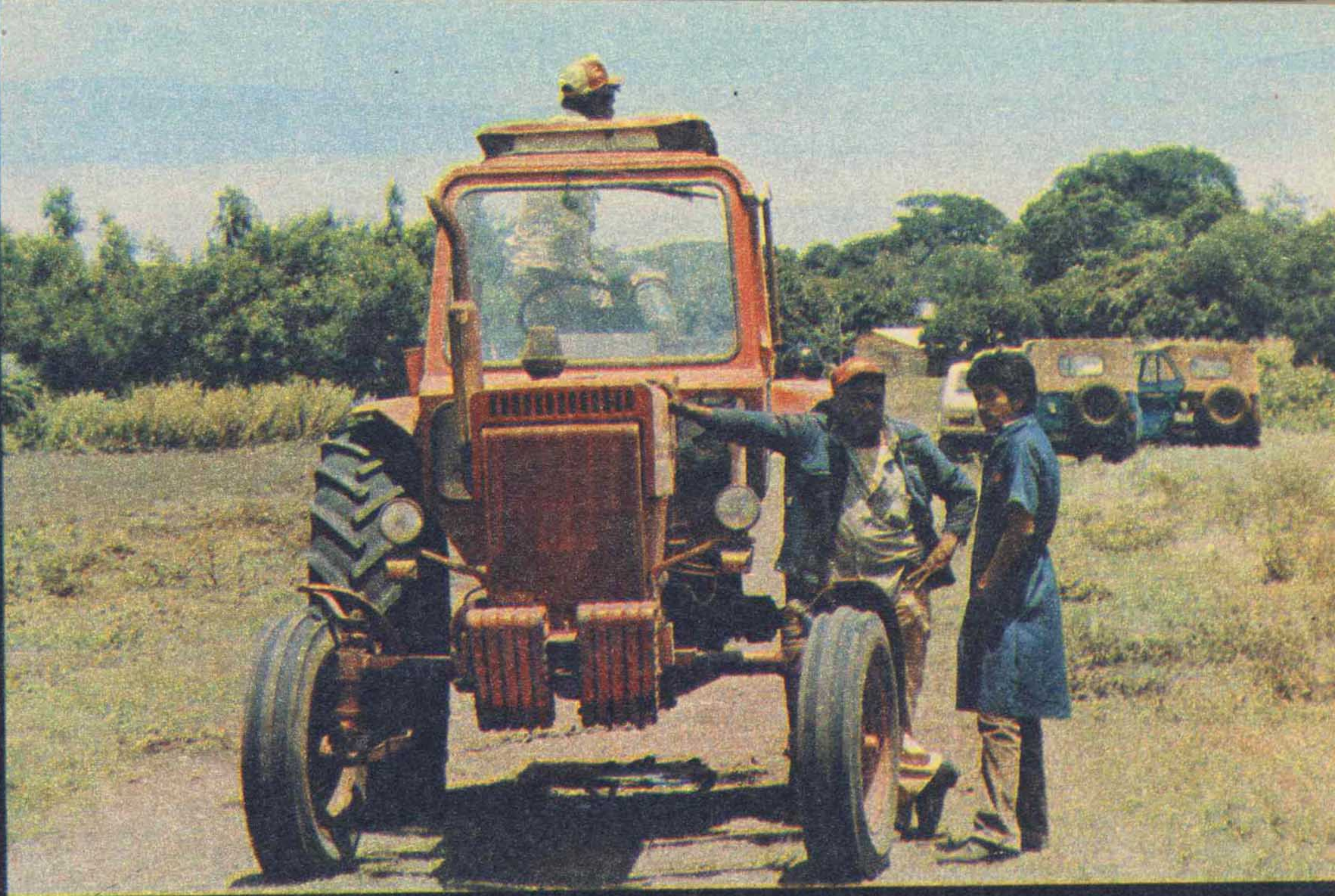
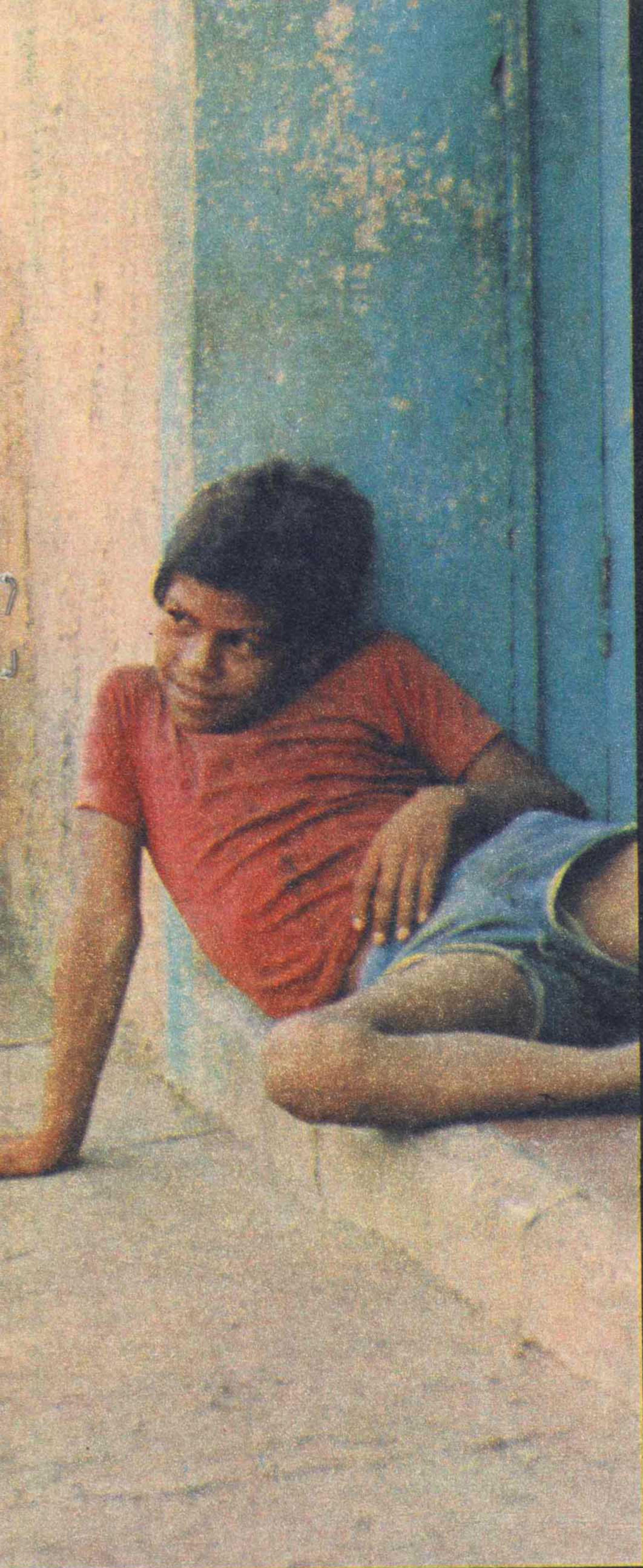
Крестьянам вручают дипломы на владение землей * На одной из улиц столицы страны — Манагуа.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
После боя * Советские трактора на полях госхоза имени Оскара Мартинеса * Вершина вулкана Момотомбо * Врач-бактериолог В. Голованова (в центре) со своими никарагуанскими коллегами * Окраина приграничного города Халапы * Защитники революции.

Фото Г. НАДЕЖДИНА (ТАСС)

рампа

Актриса, которую мы любим

Когда студентку третьего курса Московского городского театрального училища Веру Васильеву решили представить на киностудии «Мосфильм» всемирно известному режиссеру И. А. Пырьеву как одну из претенденток на центральную роль Настеньки в создаваемом им кинофильме «Сказание о земле Сибирской», она испытала страх. И от страха стала делать то, что не нужно было. На роль Настеньки Пырьев-то искал крепкую, сильную, с деревенским здоровьем девушку, далекую от столичной суеты. Юная дебютантка, естественно, об этом не знала, не догадывалась. И все сделала наоборот. Украсилась самой модной прической, выбрала самое красивое свое платье... И в таком виде предстала перед Иваном Александровичем.

Прическу Пырьев просто не заметил — не обратил внимания. Платье тоже не разглядел. Но сразу увидел глаза — озорные и ласковые, на редкость живые Верочкины глаза. Режиссер дал ей несколько репетиций и более уже не сомневался в ней.

Глаза и впрямь выдавали талант: подлинную неординарность натуры, интерес к жизни и богатое — от природы — воображение.

Пырьев не ошибся: после выхода на экран «Сказания о земле Сибирской» об актрисе заговорила вся страна. В народе ее так просто, по-домашнему и звали: Верочка Васильева. Для всех она была «из нашей жизни», из нашего дома, может быть, даже из нашей семьи. Всем, как родная, она являла плоть от плоти не только Сибирской земли, но всей России, вносила в каждое сердце уют и тепло. Ее нельзя было не любить: в ней предстали на экране русские люди, их сердечность, красота и стать.

А потом Вера Васильева — сначала у себя «дома», в Московском театре сатиры, а позже и на экране — сыграла еще и в «Свадьбе с приданным». И снова сказала свое слово о хорошем русском человеке, его духовном облике, извечном желании сделать добро людям.

Вот, кажется, только две роли, а каждая — как сама судьба человеческая.

Играла Васильева на редкость бесхитростно — хорошо сказал один критик: «Положа руку на сердце». В ней не было ничего искусственного, фальшиво-театрального. Она ничего не выдумывала. Не пугалась того, что ее первые героини — эти юные девочки — в чем-то напоминали ее самое, Веру Васильеву, выросшую, как и они, в советской семье, с детства полюбившую труд.

Секрет стойкого актерского успеха Веры Кузьминичны Васильевой в общем-то необычайно прост. Его нужно искать прежде всего в личном, человеческом ее обаянии, в готовности действовать, не мудрствуя лукаво, отдавать все, что по силам, а брать только то, что нужно. И, конечно, всем сердцем любить людей...

— Люблю играть человека, которого люблю, — сказала однажды Васильева. И добавила: — Принято думать и говорить, что женщина, мол, расцветает, когда у нее роман.

А у меня каждый спектакль — роман! Новая роль — и я влюблена. Не сплю ночами...

Однако задумаемся: что значит любить? И работу и человека? Любить — разве это значит все прощать? О нет!..

Когда Вера Кузьминична играла Клавдию Бояринову в спектакле «Ложь для узкого круга», критика увидела совсем другую Васильеву. Да ведь это Тартюф в юбке! Она вся пропитана лицемерием. Она воплощенная хитрость.

Откуда же все это нашлось, откуда взялось у актрисы, такой знакомой, всеми любимой! Ведь она после «Сказания о земле Сибирской» и «Свадьбы с приданным» для целого поколения людей пятидесятых годов была живым идеалом советского человека. Однако же Клавдия Бояринова стала в актерской биографии Веры Кузьминичны не менее важной ролью. Именно тогда, в том спектакле, она впервые во всеуслышание заявила о себе как об актрисе, обладающей искусством перевоплощения, которой по силам роли самых разных амплуа.

Васильева пуще всего боялась на сцене самоцитирования, повторения самой себя. Актриса редко оглядывалась назад. Свои творческие вечера она неизменно начинала так, как обычно их принято заканчивать: «Сегодня я работаю над новой ролью в спектакле...»

Она сыграла — и играет — десятки спектаклей, самых разных. В ее репертуаре Анна Андреевна в гоголевском «Ревизоре», графиня Альмавива из спектакля «Безумный день, или Женитьба Фигаро» Бомарше, тетя Тони в комедии Дарфаша «Проснись и пой»... Не стоит перечислять далее: ролей много. В этом смысле актрисе везло. В шестидесятые годы она по праву стала одной из ведущих в Театре сатиры и «держит» это звание по сей день. По какому праву? По праву таланта. И в этом легко убедиться. Ведь и в кино фортуна вот уже сколько лет благоволит Васильевой: она снималась в десятках фильмов. Многие из них, такие, как «Чук и Гек», «За все в ответе», наверняка памятли всем, кто читает эти строки.

Я сказал — фортуна. И вдруг понял, что не прав. Нет, это не фортуна вовсе! Васильевой посчастливилось с самого начала — при встрече с Пырьевым, — но ведь все дальнейшее продолжение творческой жизни было не менее интересным и не менее значительным. Так при чем же здесь фортуна?!

Впрочем, сама Вера Кузьминична считает, что возможностей у нее, «ресурсов» все равно гораздо больше, чем реально использованных ею. На них, она думает, все же подчас скупится жизнь. Наверное, дело в том, что Васильева — одна из самых активных и работоспособных наших актрис: ее трудовой день всегда начинается ранним утром. Человек редкостно деятельный, она трижды была депутатом Моссовета. Сейчас она председатель центральной социально-бытовой комиссии Всероссийского театрального общества. А сколько встреч со зрителями, шефских поездок для участия в спектаклях театров страны.

Я опять ловлю себя на мысли, что сбиваюсь на перечисление, а перечислять можно без конца: Вера Кузьминична — известный общественный деятель. Она очень нужна людям. И люди ждут Васильеву, с огромным доверием принимают каждое ее слово.

Совсем недавно Вера Кузьминична вернулась из Чебоксар, где проходил заключительный этап Всероссийского фестиваля «Театры — селу».

— Чувашия сегодняшняя произвела на меня необычайно сильное впечатление, — говорит артистка. — Мы ежедневно выезжали в чувашские села, встречались с тружениками полей и ферм, присутствовали на занятиях сельских самодеятельных коллективов. Более увлеченных людей я, пожалуй, еще и не встречала! Здесь в селах многое напоминало город. Представьте — ведущие чувашские театры открыли на селе свои филиалы. Мы видели афишу-репертуар, расписанную на много дней вперед. Здесь в театр попасть бывает, словно в Москве, очень трудно, люди приносят друг другу как подарок билеты в театр, дарят их на дни рождения. Неудивительно, что театральная самодеятельность здесь на очень высоком уровне. Я побывала на одном из занятий коллектива самодеятельных актеров, и для меня это было как праздник. В зале царила подлинно творческая атмосфера, быстро исчезла стеснительность, и я вдруг поймала себя на мысли, что даже нам, актерам-профессионалам, не грех было бы поучиться у них той высокой требовательности, которую они к себе предъявляют. И еще — увлеченности, согревающей их труд. Запомнилось обсуждение постановки «Тринадцатый председатель», увиденной в Чебоксарском русском драматическом театре. Спектакль прошел хорошо, а потом состоялось его обсуждение. И разговор, который вели зрители, был живым, ярким продолжением того разговора о жизни, который шел на сцене. Один за другим из партера поднимались люди на сцену. Выступил председатель колхоза, чем-то неуловимо напоминавший главного героя пьесы, потом учительница, агроном. Я слушала их затаив дыхание; это было интересно, неподдельно правдиво. Ради подобных откровений и должно существовать наше искусство!..

Такова человеческая и актерская миссия Веры Васильевой.

— Надо непременно любить свою работу, — говорит она. — Любить жизнь. Любить ребенка... Посмотрите, как хочется детям, чтобы их мамы всегда были самые красивые, самые молодые.

Об этом же говорит она в своем новом фильме, «Несовершеннолетние», где играет учительницу. Ее героиня — уже бабушка! Да, да, не удивляйтесь, вот они, метаморфозы актерского труда. Одна из самых привлекательных, самых женственных актрис, нестареющая Вера Васильева играет бабушку. Но ведь это интересно вдвойне! Каждая новая встреча с ней — всегда неожиданность. Их много было! И, к счастью, они будут впереди.

МОСКВА, 41-й

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Виктор Рублев еще не успел принять решение, как заметил, что навстречу и во фланг строя бомбардировщиков потянулись прерывистые золотистые нити пулеметных очередей. Значит, эскадрилья капитана Титенкова и их эскадрилья уже вступили в бой, а он, лейтенант Рублев, из-за того, что позабыл вовремя отключиться от телефонной линии, особнячком «топает» сзади... Тут же в лучах прожекторов начали взблескивать фюзеляжами сами истребители — это при заходах на повторные атаки...

И Виктор с удвоенной злостью пошел на сближение с самолетами врага, кинув своего «ишака» в крутое пикие наперерез бомбардировщикам.

Истребитель с хищной скоростью скользил вниз, и Виктор видел, что бомбардировщики немцев, подсвеченные снизу, по мере приближения к ним будто сами начинали излучать свет, но только с той стороны, откуда он пикировал, и было похоже, что там, внизу, летели продольные половинки бомбардировщиков — знакомых Виктору по очертаниям «юнкерсов-88» и «хейнкелей-111».

Рублев решил атаковать «юнкерса», который прикрывал левое крыло армады. Он, этот «юнкерс», мог скорее других оказаться в его пулеметном прицеле. Но что это?.. Чуть в стороне и справа от истребителя лейтенанта Рублева, лоснясь в белом сиянии мерцающего света зеленой окраской, пронесся остроносый Як-1. Виктор даже успел заметить черные цифры бортового номера: это самолет капитана Титенкова. Скорость его была столь высока, что Виктору показалось, будто его И-16 не пикирует на всю силу мотора, а просто падает, скользя по косой линии.

Еще несколько мгновений, и Як-1 Титенкова был над центром армады немецких бомбардировщиков, нацеливая удар по флагманской машине, шедшей впереди строя. Из десятков немецких самолетов навстречу Як-1 тут же брызнули красные трассирующие нити пулеметных очередей. Но Як-1 Титенкова уже «гвоздил» флагмана из пушки и пулеметов...

Наблюдать за этим воздушным поединком Виктор больше не мог. Ему навстречу тоже ударили из пулеметов немецкие воздушные стрелки. Рядом с его «ястребком» замелькали злые красные светлячки, словно впереди летел невидимый самолет и обильно выхлопывал из патрубков мотора искры.

Далее наступили для Виктора те мгновения, когда действия и мысль становятся для летчика-истребителя чем-то единым. «Юнкерс» будто наплывал на него, укрупняясь и в прожекторных лучах превращаясь из светящегося серебром зверя с распахнутыми в стороны лапами в медленно ползущую черепаху.

Почувствовав, как самолет его привычно задрожал, Виктор понял, что он инстинктивно, однако вовремя, нажал на гашетку спускового пулеметного механизма. И почувствовал, увидел сквозь прицел, что пули его секут вражескую машину. Но «юнкерс» будто был при-

паян к своему месту в воздушной армаде. Его борт вдруг ошетинился целыми снопами огня, устремившегося навстречу атаковавшему истребителю.

Виктор вспомнил, что «ю-88» вооружен пятью пулеметами и тремя пушками. Это умерило его пыл. Он отвернул свой самолет в сторону, чтобы, описав круг, повторить заход. И когда вновь, побывав в темени за пределами светового поля, устремил самолет в атаку, то был поражен до такой степени, что у него перехватило дыхание: армада «юнкерсов» и «хейнкелей» уже не существовала. Потеряв флагмана, она распалась на группы, группки и одиночные самолеты, которые устремились в разные стороны от центра светового поля, открыв на полную мощь огонь из бортового оружия по советским истребителям, сновавшим золотыми шершнями между бомбардировщиками или бившим по ним пулеметно-пушечным огнем откуда-то из темных закоулков неба.

Виктор с восторгом проследил, как почти одновременно «юнкерс» и «хейнкель» клюнули к земле командирскими кабинами и, разваливаясь на части, стали падать. «Свою» цель Виктор потерял и пошел наперехват «юнкерсу», который оказался к нему наиболее близким и который торопился, полупикируя, скорее вырваться из объятий прожекторных лучей. Зная, где находились в бомбардировщике гнезда воздушных стрелков, Виктор как бы нырнул под вражеский самолет и ударил из пулемета по его левому мотору. И даже закричал от радости, увидев, как от мотора, будто щепки от колоды при ударе топором, полетели металлические осметки.

Еще разворот, и новая атака на того же «юнкерса»; сбросив куда попало бомбы и развернувшись, он пытался удрать на одном моторе. А Виктор уже предвкушал победу, намереваясь с тем же подходом ударить по работающему мотору... И вот «юнкерс» все ближе... Виктор нажал на гашетку спускового механизма. Самолет задрожал от пулеметной очереди, и вдруг она захлебнулась... Что это еще за фокусы?.. Виктор судорожно сделал перезарядку и еще ближе подобрался к вражескому самолету. К этому времени «юнкерс» успел вырваться из пространства светового поля. Он угадывался в темном небе только по выхлопам из патрубков мотора и виделся, как расплывчатое темное пятно. Виктор нажал на гашетку... Пулемет щелкнул замком, но очереди вновь не последовало... Тоскливо заняло сердце, липкий холодок пробежал по спине: Виктор понял, что израсходовал все патроны и сейчас его «ишачок» никакой опасности для «юнкерса» не представляет...

«Никакой?» — задал себе злой вопрос лейтенант Рублев, вспомнив, что читал в «Красной звезде», как в первый день войны лейтенант Рябцев в районе Бреста, а лейтенант Мисяков под Мурманском таранными ударами сбили каждый по одному немецкому бомбардировщику. Да и здесь, в Подмосковье, лейтенант Гошко ударом винта истребителя Як-1 скосил с неба, казалось, неприступного «хейнкеля-111». А капитан Морозов не только таранил вражеский самолет, но и, выбросившись

потом на парашюте, захватил в плен немецкого летчика...

Все это пронеслось в памяти одной стремительно-обжигающей мыслью, которая тут же родила мучительное желание настигнуть «юнкерса» и врезаться в него своим «ястребком»!

Экипаж «юнкерса», словно угадав намерение советского лейтенанта Рублева и уже будучи без бомбовой нагрузки, с пологим пикированием стал уходить от преследования... Виктор понял этот маневр, чертыхнулся про себя, что его маломощному И-16 трудно тягаться со скоростным бомбардировщиком, да еще ночью... Но тут же кинул в пики и свой «ястребок», до предела открыв заслонку подачи бензина...

Пикируя, бомбардировщик обнаруживал себя только факелом пламени, порхавшим у закраины выхлопной трубы мотора. Больше всего сейчас боялся Виктор Рублев потерять из поля зрения этот факелок, похожий на красно-голубой платочек, полоскаемый свирепым ветром. Но пикировать до бесконечности было нельзя, и немецкий самолет взмыл вверх. Виктор раньше вывел истребитель из пики и более четко разглядел на фоне звездного неба уже совсем недалеко от себя темное пятно самолета, будто застывшего в неподвижности.

Только б не заметил «ястребка» хвостовой стрелок-радист: в упор расстреляет.

Газ — до предела. Казалось, что не истребитель настигал «юнкерса», а будто сам бомбардировщик надвигался на «ястребка». Уже совсем близко... Все как в дурном сне... Еще несколько секунд, и раздался треск, заглушивший на мгновение гул мотора. Винт истребителя за какие-то секунды размолотил хвостовое оперение «юнкерса», и тот словно наткнулся на каменную стену, тут же нырнул вниз и исчез в пучине темноты.

Лейтенанту Рублеву казалось, что он вырвался из удушливого кошмарного сна оттого, что его начала свирепо тормозить какая-то неподвластная разуму сила. Но сразу понял: это трясется всем своим металлическим телом «ястребок», срезавший пропеллером, словно гигантской циркулярной пилой, стабилизатор и киль немецкого «юнкерса». К удивлению пришедшего в себя Виктора, отключившегося было на какие-то мгновения мыслями и чувствами от реальности, его тяжело пораженный И-16, продолжая горизонтальный полет, бился в лихорадочной тряске, которая передавалась всему корпусу истребителя от мотора. Невидимые во вращении лопасти пропеллера, наверное, безобразно изогнулись и ввинчивались в воздух с разной шириной «шага». Вслушиваясь в работу мотора, Виктор опытным слухом различал, как захлебывался тот в своей железной боли и был готов вот-вот заглохнуть.

Вдруг по козырьку кабины «ястребка» туго хлестнул сгусток жидкости. Это была горячая вода; кабину заволочло белесым непроглядным паром. В лицо Рублеву упруго ударило смесью тошнотворных запахов масла, сгоревшей краски и бензина. Тут же в горле ворохнулись позывы к рвоте, глаза заслезнились от рези, и звезды в небе будто растаяли, и само небо исчезло.

Если летчик, сидя за штурвалом самолета, потерял чувство горизонта, если не имеет возможности определить, где небо, а где земля, надо идти на поклон приборам, иначе неминуемая гибель.

Виктор вплотную прильнул лицом к щитку и сквозь стекла летных очков уцепился глазами в тускло светившиеся циферблаты приборов. Вглядевшись в часы, прикинул, что бензина должно бы хватить, чтобы дотянуть до аэродрома, если только самолет не начнет разваливаться.

Тряска не прекращалась, но истребитель продолжал лететь, хотя с трудом, даже при больших усилиях летчика, подчинялся рулям. Развернув его строго на юг, Рублев вдруг со смертной тоской подумал, что аэродром он сумеет найти лишь по счастливой случайности. Ведь не просматривался на земле ни один ориентир. Редкие огоньки, мелькавшие в разных местах, и несколько пожаров ни о чем ему не говорили. Сверить карту с местностью невозможно: ни местность не видна, ни карту не разглядеть. Правда, в полусотне километров слева небо густо искрилось и вспыхивало зарницами, словно в воробьиную ночь. Москва...

Среди множества прожекторов там будто раздула горнила невидимая из-за расстояния гигантская кузница, и тысячи молотобойцев гвоздили в ней тяжелыми кувалдами по наковалям, расплющивая раскаленный, брызжущий золотыми жуками металл.

На И-16 лейтенанта Рублева не было ни радиации, ни какого-нибудь другого навигационного устройства. Компас уже не мог помочь летчику, ибо его самолет в схватке с «юнкерсами» много раз уклонялся в разные стороны и на разные расстояния от линии, именуемой на военном языке азимутом, по которой он пришел к световому полю; оно сейчас разматало свои лучи по всему небу, встречая новые эшелоны немецких бомбардировщиков, шедших к Москве на разных высотах.

Оставалась надежда на помощь «господина случая». Нужно было разглядеть сквозь темноту ночи пересечение Белорусской железной дороги с шоссе Москва—Минск. Оттуда же нехитро будет даже без бензина спланировать на поле Кубинского аэродрома.

Потянувшись рукой к сектору газа, чтобы ускорить снижение, и поймал себя на мысли о том, что завтра найдут тараненный им немецкий бомбардировщик, восхитятся его подвигом, а его, Виктора, возможно, уже не будет в живых... Тяжко было об этом думать, печально сознавать, что такое вполне может случиться, но... Но он все-таки не пустил к Москве вражескую машину, несшую в своем чреве две тысячи килограммов бомб. Лейтенант Рублев хорошо помнил тактико-технические данные самолетов Германии. «Юнкерс-88» — самый мощный бомбовоз после «хейнкеля» и «дорнье». Это скольких своих людей могла лишиться Москва от фугасок сбитого им «юнкерса»!

Мысли самые разные совсем некстати врывались в его голову. А ведь надо было уловить тот момент, когда проглянется земля, чтобы успеть вывести самолет в горизонтальный полет, но в воспаленном воображении маячили то школьный бал в Ленинграде, где они с Ириной Чумаковой кружат в вальсе, то могильный холмик, над которым плачет Ирина. Над кем же она плачет? Ведь это он, ее Виктор, подходит к ней с букетом цветов в руке и со скомканным шелком парашютного купола на плече.

А вот и земля, как дно чудовищно-огромного водоема... Пар из кабины улетучился, и Рублев четко увидел, что высотомер показывал пятьсот метров. Но земля просматривалась мутно, будто очки его шлема были закопчены: лес не отличишь от поля, и о выборе площадки для вынужденного приземления не могло быть и речи. Виктор, напрягая зрение, пытался разглядеть три спасительных огня на аэродроме — один красный и два белых, которые должны быть расположены треугольником. Заходить на посадку надо со стороны красного... Но нигде не видно огня... А бензина в баке оставалось всего лишь на несколько минут... Садиться куда попало вслепую?... Верная гибель... Хотя бы озеро заметить да спланировать на воду.

С креном пошел по кругу, не отрывая взгляда от земли. Мотор в это время сделал несколько перебоев, и Виктор почувствовал, что истребитель теряет скорость. Еще хлопок мотора, и наступила тишина... Только тихий свист рассекаемого крыльями «ястребка» воздуха...

Виктор выровнял истребитель, подтянулся на руках, держась за края кабины, и вывалился из нее. И-16 тут же исчез, уносясь по наклонной к земле...

Не хватило Виктору времени оглядеться, развернуться по ветру и принять нужное положение тела под раскрывшимся куполом парашюта после того, как рванул на груди вытяжное кольцо...

11

Борьба двух миров... Какой страшный смысл в этих будто бы простых словах. Сражаются миры — истребляют друг друга народы. Истребляют самую здоровую, сильную часть человечества, наделив обязанностью воспроизводить род людской главным образом тех, кто непригоден, неполноценен по физическим и духовным качествам для борьбы с оружием в руках. Эта азбучная истина ясна всем, но войны, к сожалению, являют собой главные вехи в истории человечества. И каждая

из них имеет свои классовые причины и выражает тенденции эпохи. Вторая мировая война охватила пожаром Европу из-за того, что фашистским главарям во главе с Гитлером пожелалось утвердить свою власть над всеми континентами планеты.

«По одежке вытягивай ножки» — исстари бытовала на Руси поговорка. После покорения европейских стран у фашистов одежды прибавилось, ножки, естественно, подвытянулись. И возмнили они, что Московия стала им доступной. Загремели громы очередной войны, полились реки крови. Противоборство разгорелось на земле, на морских просторах и в воздухе. И если на суше и на морях боевые операции в большей степени подчинялись общим закономерностям и утвердившимся методам военного искусства, то борьба в воздухе часто распадалась на индивидуальные поединки, исход которых зависел от многих слагаемых. Не последнюю роль в этих поединках играла крепость духовной брони, в которую был одет характер советских летчиков. Их метод познания мира, их образ мышления исходил из главной истины — от сохи и навалы они вознеслись в небеса Родины, стали ее стражами...

Да, у каждого класса есть свои закономерности жизни и свои принципы следования этим закономерностям. Ими и диктуются поступки человека, принадлежащего к тому или иному классу.

Спасшийся на парашюте командир экипажа «юнкерса», тараненного Виктором Рублевым в районе Солнечногорска, категорически утверждал, что его не мог настигнуть советский истребитель И-16. Немецкий полковник фон Рейхерт, конечно, не без основания, был убежден в значительном превосходстве технических и боевых качеств своей летающей бронекрепости. Высокий, бледнолицый, мужественно-красивый, он щурился, глядя на советского переводчика, и искренне недоумевал по поводу задаваемых ему вопросов:

— Если вы так уверены в своем «ю-88», так почему же сбросили бомбы, как утверждаете, неизвестно куда, и повернули на запад? — спрашивал майор-переводчик.

— Я поступил точно так, как поступало большинство моих коллег, — ответил фон Рейхерт.

— Кто вы по происхождению, кто ваши родители?

— Я из знатного рода баронов... Мой отец — известный скульптор, коллекционер работ древних ваятелей.

— Как же сын такого отца может стать разрушителем творений рук человеческих и убийцей?

— Долг перед Германией превыше всего!.. И я еще проникся пониманием, что большевизм угрожает миру.

— Чем же он угрожает?

— Отнимает у людей собственность, накопленную веками, переходящую от старших к младшим. Большевизм нивелирует человека, лишает его признаков личности...

— Да, крепко замусорил вам мозги доктор Гейбельс!

— Простите, а мне можно задать вам вопрос? — Фон Рейхерт устремил внимательный взгляд на переводчика.

— Спрашивайте, — удивился майор.

— У Советов появился новый вид оружия, если вы сумели сбить даже флагмана нашей эскадры?..

Жаль, что не слышали этого вопроса советские летчики-истребители Виктор Рублев, Титенков К. Н., Еремеев П. В., Гошко С. С., Лукьянов А. Г., Мазепин П. А. и другие, сумевшие в прошлую ночь низвергнуть с небесных высот на просторы Подмосквы более десяти бронированных чудовищ, а многие десятки немецких бомбардировщиков вынудить к позорному бегству...

Допрос фон Рейхерта происходил на второй день, а пока налет на Москву продолжался и советские летчики-истребители были заняты боевой работой, к которой всей своей мощью подключились иные средства ПВО и особенно зенитная артиллерия, ибо отдельные немецкие бомбардировщики все-таки прорвались к столице.

Поднялась в воздух и эскадрилья истребителей, которой командовал Герой Советского Союза полковник Юмашев. Все ее экипажи впервые взлетели в ночное небо на боевое

задание. Среди них был и летчик-испытатель Марк Галлай...

...Хуже всего, когда не знаешь, как быть. Сердце ноет, томится, в голове сумбур от сталкивающихся мыслей, а ты никак не можешь ни на что решиться, будучи уверенным, что везде откажут...

Так чувствовали себя летчики из отряда испытателей, в том числе и Марк Галлай, узнав, что упустили реальную возможность попасть на фронт. Ведь совсем рядом, в родственном научном авиационном центре, формировали два истребительных полка, комплектуя экипажи из таких же, как и они, летчиков-испытателей. Прослышали об этом, когда уже было поздно: полки улетели воевать, но... без них и без него, Марка.

И вдруг, словно стремясь навстречу желаниям Марка, разнеслась весть: создаются две отдельные эскадрильи авиационных ночных истребителей для противовоздушной обороны Москвы! Летный состав для одной из них набирают из числа летчиков-испытателей авиационной промышленности... Тут уж Марк не упустил случая и был зачислен во 2-ю эскадрилью знаменитого Юмашева Андрея Борисовича — полковника, Героя Советского Союза, — того самого, который прославился на весь мир еще в 1937 году участием в самом дальнем перелете по прямой без посадки: Москва — Северный полюс — США. Юмашев был не только герой, но и душа человек, один из лучших летчиков-испытателей.

Радуюсь такой удаче, Марк Галлай не учел только одного: эскадрилья-то предназначалась для ночных действий. А летать ночью ему пусть и приходилось, но не в условиях затемненности земли. Стрелять же в воздухе не приходилось вовсе. Впрочем, не одному ему!.. Другие летчики-испытатели тоже и не нюхали ночной боевой работы, но были уверены, что справятся с ней, ибо настоящий испытатель обязан на ходу во все вникнуть, все освоить и понять. Однако, не будучи военными летчиками, «новобранцы» все-таки предполагали, что им дадут хоть какое-то время для ночных тренировочных полетов и ночных стрельб по подсвеченному конусу-мишени. Да и казалось, что война еще где-то далеко...

Но увы! После формирования эскадрильи ей сразу же приказали начать ночные боевые дежурства, с готовностью в любую минуту подняться в небо навстречу врагу. И для Марка Галлая такой момент не замедлил наступить, хотя в это ему пока не верилось.

Вечером он принял от техника Тимашкова машину, посидев в кабине, проверив работу рулей, зажигания, сектора газа; потрогал руками и ощупал взглядом все, что заставляет проснуться мотор и работать на разных режимах с разными нагрузками, прикоснулся к гашеткам пулеметов. А потом, как и другие летчики дежурного звена, улегся на расстеленных у самолета чехлах, готовый вздремнуть или побалагурить...

И тут приказ: «Готовность номер один!» Это означало, что надо надеть парашют, сесть в кабину самолета, прогреть мотор и быть готовым к взлету...

Но все-таки никак не верилось, чтоб вот так сразу — и в настоящий бой... А когда со стороны Москвы донеслись приглушенные расстоянием гудки заводов, вой сирен, частые вскрики паровозов, тревога тоскливым холодком шевельнулась в груди. Почудилось, что в столице уже случилось что-то страшное, непоправимое.

Потом внимание Марка привлек странный отблеск на стеклах приборного щитка в его кабине, и он, повернув голову, увидел, что на западе, где-то в стороне Можайска, с неба будто смахнули ночную темень, и оно белесо высветилось там, как огромная прогалина в сплошных облаках, сквозь которую падали на землю потоки солнечного света. Это, как догадался Галлай, наши прожектористы взметнули в небо «световое поле», в котором ночным истребителям легче будет обнаружить немецких бомбардировщиков.

Начали полосовать ночное небо белые столбы прожекторных лучей и над Москвой. Тут же они будто стали сшибать с неба звезды, высекая при этом целые снопы искр, которые густо и ярко расцвечивали черный горизонт, рассыпались, гасли и вспыхивали вновь, все шире охватывая кровавыми всплесками про-

странство над Москвой. Могло показаться, что там бесновался необычайных размеров фейерверк, вышедший из-под власти пиротехников...

Это открыла заградительный огонь наша зенитная артиллерия. Значит, враг все-таки прорвался в небо Москвы...

Марк с тревогой оглянулся на темные силуэты соседних самолетов дежурного звена. Их острые носы были устремлены к взлетной полосе, которая серым клином вонзилась в невидимую даль аэродрома. И в это время в кабину Марка втиснулась голова полковника Юмашева; было слышно его учащенное дыхание от быстрого бега.

— Марк, надо лететь!.. — сказал он как-то буднично, будто речь шла не о боевом вылете. Потом голос Юмашева стал строгим и чужим: — Высота три — три с половиной тысячи метров. Центр Москвы... Ниже двух с половиной не спускаться: там привязные аэростаты заграждения. Обнаружить противника. Атаковать. Уничтожить!

Наступили те мгновения, когда у летчика мысль сливается с рефлексивными движениями. Марк Галлай, может, и не фиксировал своего внимания на всем том, что связано с запуском мотора самолета и вырубиванием на старт. Но как только прибавил газу заработавшему мотору, тут же был ослеплен огромными потоками пламени, яростно заструившимися с обеих сторон кабины из выхлопных патрубков; а ведь днем и не замечал этого хвостатого огня, мешающего сейчас смотреть вперед между крылом и мотором. Наблюдать же из глубокой кабины поверх капота мотора можно было только после взлета.

Но как взлететь вслепую, чтоб не сбиться с направления?.. От встревожившей мысли вскинул глаза в ночное небо и... увидел звезды... Есть решение!..

Прежде чем закрыть фонарь, Марк заорал стоявшему невдалеке механику Тимашкову:

— Скажи ребятам: на разбеге, чтоб не слепило, пусть смотрят поверх капота на какую-нибудь звезду! Понял?..

Механик кивнул головой и помчался к соседнему самолету, а Галлай, вырубив МиГ на старт, начал разбег... Когда земля оказалась внизу, даже изумился, что ночной взлет прошел так благополучно — ведь это впервые, без всякой подготовки.

Набрал высоту и, осваиваясь с необычным чувством отсутствия для взгляда простора, поглощенного темным покрывалом неба, густо проткнутым яркими звездами, стал разворачивать самолет в сторону Москвы. И тут ему показалось, что вновь, как и при взлете, произошло что-то непредвиденное и пока непонятное. В глаза ударило слепящее сияние, словно носовая часть самолета — капот с мотором, передние кромки крыльев — вспыхнула белым пламенем, осветив бездну пространства... И вслед за этим, как кинжальный удар в сердце, догадка: горит Москва!.. Город во всей своей необъятности был охвачен бушующим огнем, будто на него низверглась лава сотен взорвавшихся вулканов.

Подобное не могло привидеться даже в кошмарном сне. И Марк действительно не поверил увиденному, не поверил потому, что не мог проникнуть мыслью в случившееся. Все в нем завопило протестом и страхом... Скольким же вражеским самолетам надо было ворваться в небо Москвы, чтобы такое количество кварталов с сотнями улиц было сейчас затоплено столь зловеще-белым слепящим, мечущимся в дикой пляске огнем?

В это невозможно было поверить еще и потому, что нисколько не редел в небе над Москвой кипящий, густо сверкающий вспыхивающими заградительный вал зенитно-артиллерийского огня. Не уменьшилось и количество прожекторов, лучи которых, будто светящиеся доски гигантского, крест-накрест, с разной степенью прочности сколоченного штакетника, метались под упругим ветром, ударявшим по ним с разных сторон...

Но Москва все же горела. Панорама огня в безбрежье затемненной земли все ширилась — это он хорошо видел из-под звездного неба, ощущая, как липкой росой покрывался его лоб, как от острого внутреннего страдания руки напряглись до предела, удерживая ручку управления и увеличивая сектором газа тягу самолета... В нем проснулось то нечело-

веческое бесстрашие, когда грань гибели делается чуть ли не желанной чертой, за которой исчезают душевные муки.

Но, видимо, нередко в моменты крайнего человеческого потрясения наступает рубеж, когда воображение и знание, осененные лучом разума, соединяются одно с другим и, став единым, просветляют человека. Марк вдруг вспомнил, что даже один тяжелый бомбардировщик способен сбросить до двух тысяч «зажигалок» — легких кассетных бомб, начиненных белым фосфором, термитом или магнием. И даже одна такая бомба в затемненном городе способна своим заревом ярко освещать целый квартал...

Самолет Галлая оказался над Москвой, когда психика его все еще была всклокоченной, как речка на горном, порожистом склоне, тем более что Марка неотвязно терзала мысль: с чего начать, как найти и как атаковать врага? Заметив на другом конце ночи в скрещении лучей прожекторов серебряный крестик бомбардировщика, он круто развернул в ту сторону истребитель, прибавил газу, но вражеский самолет, видимо, сбросив бомбы, нырнул в темноту.

И тут же Галлай почти физически почувствовал удар прожекторного луча по своему самолету: в ярком, наступившем внезапно, как взрыв, свечении инстинктивно пригнул голову, прильнул лицом к приборному щиту и почти прикоснулся носом к ручке управления. Но вновь нахлынула темень: прожектористы, видимо, опознали свой самолет... Так повторялось несколько раз, а потом вокруг самолета начали вспыхивать брызжащие огненными стрелами разрывы зенитных снарядов... Ох, как же тяжка эта беспомощность, когда нет возможности связаться с землей, предупредить или вскрикнуть на всю вселенную, что свои стреляют по своим... А может, и сам Марк был виноват, что не обошел полюсу заградительного огня?.. Спас маневр: ручку управления в одну сторону, ножную педаль — в другую, и стремительно заскользил из опасной зоны...

И тут увидел, как в скрещении лучей нескольких прожекторов ярко засветилась точка. Лучи, вцепившись в нее, будто осмысленно вели ее прямо навстречу ему, Галлаю... «Это мой!..»

Не отрывая взгляда от светящейся точки, которая заметно росла, распухла, приобретая очертания бомбардировщика, Марк отвернул свой самолет в сторону, чтобы, сделав полукруг, зайти врагу с хвоста. Атаковать сбоку не решался, боясь промазать: ведь никогда не приходилось стрелять по быстро движущейся цели, брать упреждение, чтоб пули встретились с самолетом безошибочно.

Странное ощущение, когда ты надвигаешься из темноты на световое поле, в котором распластался вражеский самолет, раскинув обрубленные желтоватые крылья с черными крестами на них и чуть приподняв два киля хвостового оперения. «Дорнье», — узнал Марк тип немецкого бомбардировщика... А ты буд-то бы сам по себе, без машины и даже тела собственного не ощущаешь, а несешься в темноте сгустком присмиривших в напряженном ожидании чувств, среди которых главенствует одно: не упустить врага...

«Дорнье» уже метрах в четырехстах... И Марк, прильнув к прицелу, ударил длинной пулеметной очередью по крылу с черным крестом... Но зачем с такого большого расстояния и почему по крылу?! Надо подойти ближе и стрелять по моторам, по кабине экипажа!.. Подошел ближе и опять дал очередь — уже по центру бомбардировщика. И, кажется, точно прошел машину, хотя подставил и себя двум воздушным стрелкам, сидевшим в гнездах за колпаками «дорнье» — один сверху, второй в хвосте. Марк увидел, как ему навстречу брызнули две струи светящихся пуль и пронеслись мимо... В темноте он был невидим для ослепленных стрелков.

Отвалив в сторону, сделал новый заход и чуть снизу ударил из пулемета по кабине пилота, а затем по правому мотору... И опять встречная очередь светлячков, от которой успел вовремя уклониться.

Еще несколько заходов, и «дорнье» перестал огрызаться огнем. Теперь его можно было расстрелять почти в упор, что Марк и сделал...

Продолжение следует.

Сергей КРЫЖАНОВСКИЙ

По родовым неписаным законам
Я принял землю и простор небес.
Мой дядя был на шахте коногоном,
Отец мой был пилотом ВВС.
Они-то мне, родные, и вручили
Фамильное наследство целиком
Из той червонной криворожской пыли,
Из тех военных энских облаков.
При чем тут пачки личных и наличных,
Когда причастен ты к судьбе такой,
Что посылает к черту на кулички
Или смущает господу покой!
От этих уз я счастливо зависим
И своего лица не отверну.
Я должен жить, не изменяя выси,
Не оскверняя рода глубину.
Мой дядя был на шахте коногоном,
Отец мой был пилотом ВВС.
По родовым неписаным законам
Я принял землю и простор небес.

КАЧАЯ СЫНА

Так устроила природа —
Те же губы, нос.
Дремлет продолжение рода,
Рученьки вразброс.
Ночь прохладна и сторожка,
В серебре бока.
Дремлют ладунки в ладошках
У озорника.
Песня древнего мотива,
Баюшки-баю.
Мальчик, крошечное диво,
Я тебе пою.
Поднимаюсь я навстречу
Звездочке твоей,
Как светло она лепечет

Там, среди ветвей.
Наш, фамильный, без остатка
Русый хохолок.
И плывет, плывет кроватка
Чуть наискосок.

Я выпустил всю голубиную стаю,
И стало унылое небо светлей,
Я выстругал лодку и мачту поставил,
И ветры слетелись для свежих затей.
Я выбелил ствол абрикоса больного
И всласть напоил родниковой водой,
Поникшие ветви очнулись и снова
Зеленою песней делились со мной.
Я вынес на свет приумолкшие ульи,
По старым приметам поставил их в ряд,
И тихому вечеру пчелы вернули
Почти что забытый степной аромат.
Мерцала река, на излуке играя,
Светился уютом наш маленький дом,
И чувство разлуки с родительским краем
Впервые по сердцу прошло холодком.

Сколько было их, ярких созвездий,
Как я легок был на подъем.
И стоял в ожиданье известий
Наш совсем невысокий дом.
И пока я летал на пределе
По небесным своим делам,
Старики в нем все больше старели,
Тени шастали по углам.
И сейчас, намотавшись по свету,
По-земному могу сказать:
Что мне жизнь на далекой планете,
Были б живы отец и мать...

ПАМЯТЬ

В ДЕНЬ СТОЛЕТИЯ

На его напряженном лице мудрость мыслителя и тревога, сочувствие врачевателя, будто он принял на себя чужую боль. В энергичном движении большой, сильной руки горячая готовность прийти на помощь, вселить надежду и успокоить. Таким его знали, можно без преувеличения сказать, тысячи людей — он был долгожителем, — таким его изваяла скульптор И. В. Маркелова. Таким, и тому же с доброй улыбкой, запомнился он и мне, бывшей его пациентке. «Жизненный путь врача, которому чаще других приходится встречаться с людьми страданиями, требует не только добросовестного отношения к своим обязанностям, но и беспредельной любви к человеку», — говорил он своим ученикам. И был таким сам, основатель советской стоматологии, член-корреспондент АМН СССР Александр Иванович Евдокимов. Восемьдесят лет назад, когда он, крестьянский сын, еще юношей стал фельдшером и начал постигать таинства медицины; шестьдесят пять лет назад, будучи врачом красноармейского

полка под Перекопом и помощником начальника санитарной части в легендарной Чапаевской дивизии; сорок два года назад, когда был назначен консультантом эвакогоспиталей и организовал специальное отделение челюстно-лицевой хирургии для раненых солдат и офицеров... За эту работу в годы Великой Отечественной войны А. И. Евдокимов был удостоен своего первого ордена — Ленина. Вторая высшая награда Родины — за большие лечебные и научные успехи. В стоматологии нет буквальных областей, в которую он бы не вторгся. Этиология и патогенез кариеса зубов, разработка теории возникновения, развития и методы терапии пародонтоза, наконец, хирургическая стоматология с ее многочисленными разделами... Учебник, написанный им совместно с Г. А. Васильевым, стал настольной книгой для специалистов многих поколений; среди воспитанников его школы 15 докторов и 70 кандидатов наук.

Третьим орденом Ленина были отмечены исключительные заслуги профессора Евдокимова в организации в нашей стране высшего стоматологического образования. Это вместе с ним большевик-ленинец Павел Георгиевич Дауге добился создания в Москве еще в 1922 году первого в стране государственного научно-практического института зубо-стоматологического образования. Он долгие годы возглавлял Московский медицинский стоматологический институт и был заместителем директора по научной работе ЦНИИ стоматологии.

Четвертый орден Ленина был вручен А. И. Евдокимову вместе с Золотой Звездой Героя Социалистического Труда в связи с его восьмидесятилетием. Юбилея приветствовали зарубежные научные стоматологические общества, почетным членом которых он был избран.

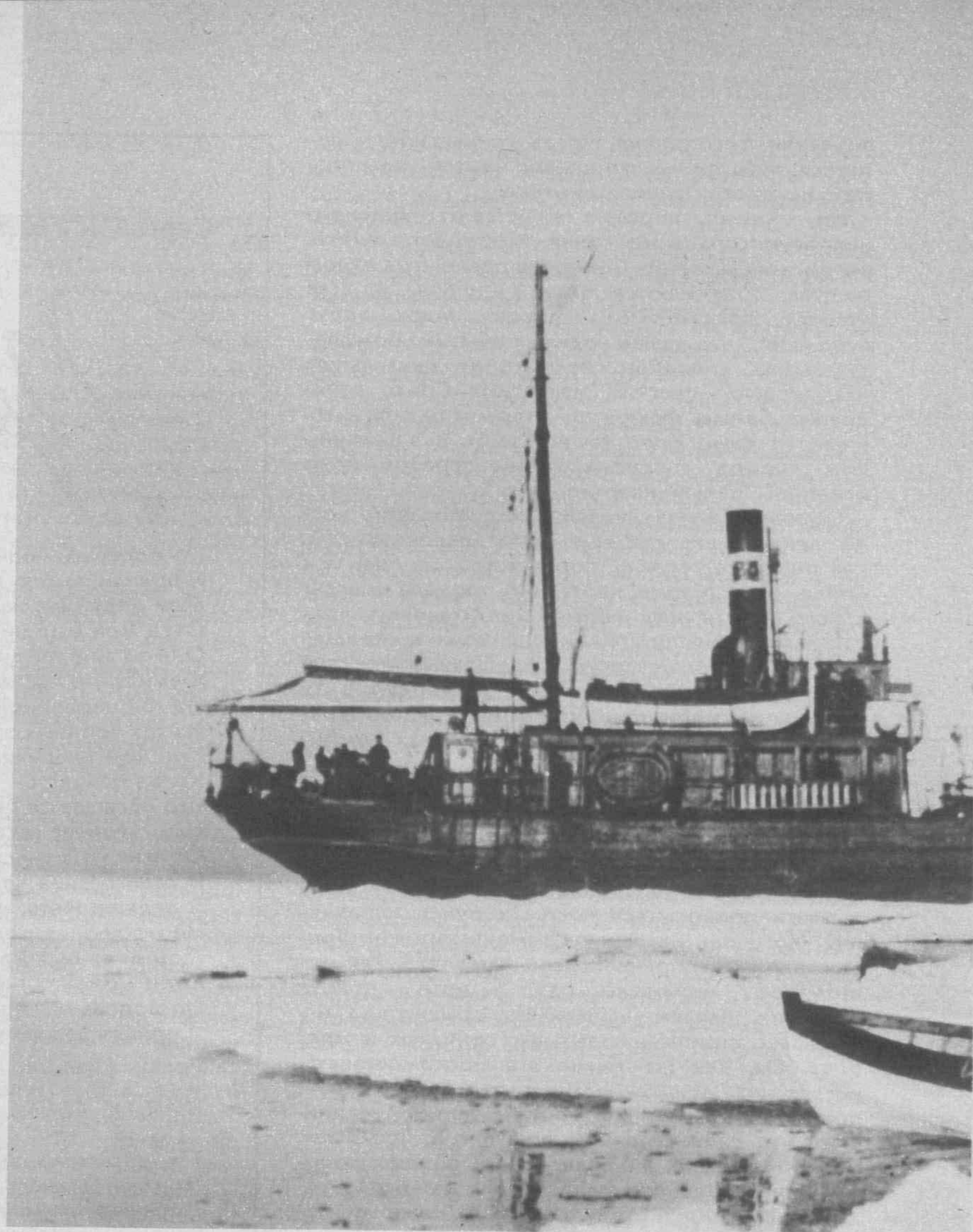
Ныне, в день столетия со дня рождения А. И. Евдокимова, на улице Вучетича, где расположены сверкающие белизной новые корпуса института, им взлелеянного, благодарные ученики воздвигли вот этот памятник...

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Всеволод Аполлинарьевич Васнецов в первом рейсе «Персея», 1923 год.

ПОД ФЛАГОМ

Ю. СУРХАЙХАНОВ

О встрече было условлено заранее. Нажимаю кнопку звонка, что рядом с гравированной на меди табличкой «Квартира художника А. М. Васнецова». В прихожей музея успеваю бросить взгляд в распахнутую дверь в мастерскую: в углу большое полотно на историческую тему. Но музей и картины я увижу потом... А сейчас, переступив порог комнаты, куда меня проводит заведующая Екатерина Константиновна Васнецова, оказываюсь в совершенно другом мире: в кабинете путешественника, одного из пионеров советской океанологии, В. А. Васнецова.

Всеволод Аполлинарьевич, сын и племянник знаменитых живописцев, всю жизнь провел в северных экспедициях. Он участвовал и в создании первого советского научно-исследовательского судна «Персей» и в его первом походе, совершенном шестьдесят с небольшим лет тому назад в высоких широтах Арктики. Об этих событиях наша беседа.

— Всеволод Аполлинарьевич, плавающий морской научный институт был создан по декрету, подписанному В. И. Лениным в 1921

году, а «Персей» совершил первый поход лишь спустя два года...

— В год создания Плавморни — это было сокращенное название нашего института — мы вышли в экспедицию на представленном нам пароходе ледокольного типа «Соловей Будимирович». Но это судно не было освобождено и от своей основной работы — проводки грузовых караванов. Такая двойственная задача никого не устраивала... И стало ясно, что институту необходимо собственное судно. Вернувшись в Архангельск, стали искать, и вскоре нам повезло.

Мы узнали, что еще в начале 1917 года поморский коммерсант по фамилии Могуций начал строить большое зверобойное деревянное судно по норвежским чертежам. Достраивать и оборудовать его он предполагал в Норвегии и отбуксировал «Персея» в Архангельск к Лайскому доку. Но тут грянула революция. Могуций уехал за границу, а недостроенный корпус судна так и остался в устье речки Лаи. Там и нашли мы его, обросшего по ватерлинии длинными зелеными космами водорослей, пришвартованного прямо к деревьям полусгнившими тросами.

— А название у него уже было?

— Да. Могуций, по-видимому, питал пристрастие к греческой мифологии. У него уже было зве-

робойное судно, но поменьше, — «Андромеда», и он решил создать ей супруга... Мы сохранили название, нас оно устраивало, ведь Персей — победитель Медузы — морского чудовища, а судну предстояло раскрывать тайны моря.

— Достраивал корабль, очевидно, судоремонтный завод, нынешняя «Красная Кузница»?

— Не совсем так. Время-то было какое? С нашего Севера только что изгнали интервентов. Они оставили после себя полнейшую разруху — ушли, хлопнув дверью. На складах не было никаких материалов, на заводе станки изношены, и сам он с трудом справлялся с текущим ремонтом даже небольшого количества плававших тогда судов. А тут предстояло проделать работу почти заново: отремонтировать то, что обветшало, достроить корабль, начинить корпус машиной, механизмами, оборудованием... Так что всем этим мы занимались сами. Но помогал нам буквально весь Архангельск: и торговый флот и завод... Даже городской трамвай, зная, что средств у нас в обрез, разрешил нашим сотрудникам бесплатный проезд с грузом на передней площадке. Нам позволили снимать все необходимое для «Персея» с пароходов, втиснутых на «вечную» стоянку в залив «Собачья дыра».

Конечно, дело шло с большим

трудом. Казалось бы, все должно было тормозить работы: многого не хватало, денег не было, зарплату мы не получали, нас только кормили, да и то не особенно сытно. Все держалось только на преданности делу, желании во что бы то ни стало создать корабль и плавать по северным морям.

И здесь я не могу не вспомнить одно имя. Имя человека удивительной судьбы, старого революционера, немало времени проведенного в царских тюрьмах и в крепости на Кавказе, — крупного гидробиолога, профессора МГУ Ивана Илларионовича Месяцева. Он возглавил все работы и впоследствии экспедиции. А нас, молодых, он заразил своей верой в будущее. Вопреки всем тяготам «Персей» был создан меньше чем за полтора года. К пятой годовщине Октября в котлах были подняты пары, мы переселились на судно окончательно, а в день праздника над «Персеем» взвился флаг РСФСР.

— Всеволод Аполлинарьевич, а как обстояло дело с оснащением «Персея» оборудованием для научных исследований?

— Начали готовиться к первому экспедиционному рейсу после ходовых испытаний в Белом море. Опыта у нас, как и научного оборудования, не было. Разработали план работ и кое-какие приборы

Тяжелые льды не позволили пробиться к мысу Флора. 1923 год.

« П Е Р С Е Я »

удалось для них одолжить, а большей частью опять-таки изготовили сами, пользуясь рисунками и чертежами в специальной литературе. Наконец, все было готово, и 23 августа 1923 года мы отвалили от Соборной пристани в Архангельске (теперь она называется «Красная»), по традиции от нее уходили корабли в далекие арктические экспедиции.

Плавание по 41-му меридиану проходило благополучно, мы постепенно осваивались с судном, привыкали обращаться с приборами, разрабатывали методику исследований. Погода нам благоприятствовала. И вот наступил знаменательный момент: «Персей», созданный специально для плавания в высоких широтах, впервые вошел во льды. Сплоченность их была 3—4 балла, корабль шел совершенно легко, только льдины шуршали по ватерлинии. Нашему восторгу не было границ, мы ликovali: мечта сбылась!

Через двое суток уверенного хода во льдах на горизонте показалась Земля Александры в архипелаге Франца-Иосифа. Я сфотографировал эту панораму. Между нами и землей лежала зона мелкобитого льда, вполне преодолимого для «Персея». Но тут, впрочем, я покажу запись из дневника тех лет...

И Всеволод Аполлинарьевич прочел следующее:

«Любуясь целый день сверкающими льдами, я промерз на мостике и спустился вниз погреться. Дверь моей каюты выходила в коридор жилой палубы, почти напротив каюты начальника экспедиции. Жарко, все двери открыты. Не успел я выкурить трубочку, как по проходу быстро прошел старший механик Хлопов и постучал к начальнику. «Войдите!» И тут я услышал такое, что чуть не вывалился из кресла:

«Иван Илларионович, угля осталось на три ходовых дня».

«И это во льдах, у Земли Франца-Иосифа, — мгновенно мелькнула у меня мысль, — в районе, никем не посещаемом, вдали от радиостанций, в сотнях миль от обитаемой земли, без топлива».

Видимо, и Месяцев был настолько ошеломлен, что некоторое время молчал.

«Что вы такое говорите?» — раздался наконец его голос.

«Дак вот я говорю: угля-то у нас осталось на три дня...»

— Я сидел как оглушенный, — продолжает свой рассказ Всеволод Аполлинарьевич, — трубка потухла в моей руке.

Месяцев послал меня в наблюдательную бочку на мачте ознакомиться с обстановкой. Она была неутешительна: всюду лед и лед, причем к земле более сплоченный. Решили простоять до утра, может, разведет. Нет, не раз-

вело. Пришлось повернуть к югу.

Самая северная, достигнутая нами точка в первом плавании была 80 градусов северной широты и 46 градусов восточной долготы. Но само плавание еще не кончилось.

Выбравшись из ледяной ловушки, мы поставили паруса. К счастью, дули ветры северных румбов, и мы могли экономить наш ничтожный запас угля. Но потом ветер начал стихать, менять направление на юго-западное, и пришлось искать надежное убежище.

Мы собрали под метелку остатки угля, добавив все, что может гореть, даже паклю, смоченную машинным маслом, подняли пар и вползли кое-как в губу Белушью на Новой Земле. Там, укрывшись за островом, отдали оба якоря на долгую стоянку, подали последнюю радиogramму, сообщая, где мы находимся, и погасили котлы.

Это произошло 7 сентября. Началась наша вынужденная стоянка, которая продолжалась полтора месяца, пока с рейсовым пароходом не прислали нам уголь и про-

подул сильный встречный ветер, а это весьма сбавило ход судна. Угля нам дали в обрез, и мы с трудом дотянули до Архангельска, где и закончили свой первый поход 23 октября 1923 года.

— Как в дальнейшем сложилась судьба «Персея»?

— Он плавал еще около двадцати лет. Проделал около ста экспедиций, научно-практическое значение которых сохраняется по сей день. «Персей» ходил к Шпицбергену и дальше к берегам Гренландии. В 1932 году, выполняя гидрологический разрез и исследуя Шпицбергенское атлантическое течение, мы достигли 81-го градуса северной широты. До нас ни один корабль типа «Персея» — деревянная парусно-паровая шхуна — не достигал такой географической широты.

«Персей» погиб 25 июля 1941 года в Эйна-Губе, возле берега Кольского полуострова, был затоплен в результате налета восьми фашистских самолетов. Но служба его не кончилась. Эйна-Губу вскоре превратили в центр снабжения наступающих частей для освобождения Норвегии. И когда стали строить причал, то опорой ему послужило тело погибшего «Персея».

— Одна из ваших книг называется «Под звездным флагом «Персея». Как появился этот флаг?

— Мы уже заканчивали работы по созданию «Персея». Большинство из нас были молоды, настроены романтично. Вечерами в нашем домике на улице Вологодской в Архангельске мы говорили о будущих походах, мечтали... И вот как-то Володя Голицын, он потом стал известным художником, в таком разговоре воскликнул: «Друзья! Корабль у нас будет, экспедиции тоже будут, а под каким флагом станет плавать «Персей»? Морскому научному институту надо иметь свой флаг!» И сам сделал его рисунок, который мы горячо одобрили. Выглядел он так: вдоль внутренней стороны полотнища — белая полоса, на ней начертаны синим начальные буквы названия нашего института — ПМНИ, поле флага ярко-синее, а на нем семь главных звезд созвездия Персей.

Больше шестидесяти лет отделяют нас от времени первого похода первого советского научно-исследовательского судна...

...Академия наук СССР сейчас располагает исследовательским флотом, равного которому нет в мире. А в просторах Арктики уже несколько лет несет вахту первый в мире научно-исследовательский ледокол «Отто Шмидт».

Преемником Плавморнина стал Полярный институт морского рыбного хозяйства и океанографии. Он тоже имеет целую флотилию исследовательских судов, и звездный флаг «Персея», который развевается на этих кораблях, можно встретить на всех морях земного шара.

Автор звездного флага «Персея» — художник, изобретатель, моряк В. М. Голицын. 1923 год.

довольствие. Но и в эти недели голода, холода и тьмы надвигающейся полярной ночи мы не сидели сложа руки. Капитан и штурман занимались описанием губы Белушьей, карта которой была весьма неточной, а биологи и геологи — изучением этой губы, а также многочисленных озер и островов. Результаты исследований были опубликованы потом в специальном выпуске трудов института.

Но вот, получив топливо, мы покинули нашу стоянку. В открытом море сразу попали в шторм,

В. И. БУГАНОВ,
доктор исторических наук,
заместитель директора
Института истории СССР
АН СССР

— Виктор Иванович! Внимание к минувшему. Оно было характерно, кажется, для всех времен. Но нам представляется, что сейчас этот интерес особый, обостренный. Чем вы это объясняете?

В. Буганов. Интерес к своему прошлому во все времена существования «человека разумного» был и остается характернейшей его чертой. С глубокой древности люди задумывались о своем происхождении, о своих предках-родоначальниках. Появлялись легенды, предания, нередко дожившие вплоть до нового и новейшего времени в устной передаче или в записях древних поэтов и писателей, историков и философов, в обычаях и народном искусстве. Подтверждений тому великое множество. Например, древнегреческие мифы и описания Гомера долгое время казались красивыми выдумками, фантазиями. Но раскопки Г. Шлимана открыли миру развалины Трои, могилу Агамемнона, наполненную царскими сокровищами; «ожили» древние герои Троянской войны, правители Эллады. Археологи выявили реальную историческую основу библейского мифа «о всемирном потопе» — сильном наводнении, которое обрушилось на Вавилон. Геродот, знаменитый историк Древней Греции V века до нашей эры, путешествовавший по северному Причерноморью и Днепру, сообщил со слов очевидцев немало преданий о скифах и их соседях, проживавших тогда в этих местах. Ученые установили, что эти предания во многом отразили реальную действительность. В частности, высказано мнение, что под скифами — земледельцами или скотоводами, проживавшими по среднему течению Днепра, Южного Буга, Днестра, Геродот подразумевал славянские племена. Упомяну еще о недавно опубликованной книге академика Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян». В ней на примере языческих верований наших предков убедительно показано, что они, зародившись подчас много тысячелетий и даже десятков тысяч лет назад (культ солнца, медведя, оленя, почитание женщины-рогатицы), дожили, в трансформированном, конечно, виде, до времен Киевской Руси (записи летописей, сказаний) и даже до XIX—XX веков (обряды, сказки, песни, узоры на полотенцах, деревянная резьба на избах). Эти примеры, число которых можно увеличить, говорят о глубине исторической памяти народа, о национальных истоках многих сторон мировоззрения людей, в частности древних славян и их потомков — русичей эпохи Киевского государства, русских, украинцев и белорусов более поздних эпох. Поразительная живучесть и стойкость представлений об окружающем мире неразрывно связаны с самосознанием народа, дорожащего памятью о деяниях предков, с глубиной и

прочностью национальных культурных традиций трех братских народов.

Что касается «взрыва» повышенного интереса к истории в последние годы, своего рода феномена в отношении общества к исторической науке, то можно сказать, что подобные явления не раз имели место и в прошлом. Так было, например, во времена образования древнейшего государства у восточных славян — Киевской Руси (появляются летописи, повести о начале Руси, о первых князьях киевских, записываются легенды о Кие — основателе Киева и его братьях Щеке, Хориве и их сестре Лыбеди). Эпоха

гической мотивации. Стиль, язык работ на исторические темы стали более живыми, яркими.

— Как же конкретно удовлетворяется интерес к истории?

В. Буганов. Академические, вузовские и прочие издательства выпускают в свет из года в год большое количество научно-исторических трудов, публикаций источников. Тиражи их за последние годы заметно выросли. Так, сейчас не редкость, скажем, тираж в 5—10 тысяч экземпляров для научной книги по специальному вопросу. А научно-популярные книги по истории издаются в нескольких десятках, иногда даже сотнях тысяч экземпляров. И

интервью «огонька»

НАРОД И ИСТОРИЯ: ГЛУБИНА ПАМЯТИ

борьбы с иноземным игом — особенно Куликовская битва — породила большое количество произведений, звавших к единству Руси, воспевавших победу над извечным врагом («Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище»). Так было и позднее. Цикл замечательных повестей и сказаний возникает в начале XVII века, а в начале XVIII века многолетняя борьба со Швецией за Балтийское море находит отражение в «Истории Свейской войны», в работе над которой принимал участие Петр I. Столетие спустя русские поэты, писатели, историки снова обращаются к славному прошлому Отечества, воспевают подвиги воинов «Ледового побоища» и Куликовской битвы, ополчения Минина и Пожарского, богатырей Петра Великого и Суворова. Революционеры начала XX века отдают должное своим предшественникам — декабристам, революционерам-демократам, народолюбцам...

Повышенным интересом отмечено и наше время. Сказалось влияние общего роста культуры советского народа, распространение информации, объем которой необычайно возрос. Далее, можно смело говорить о повышении профессионального уровня научно-исторических исследований, преодолении известной недооценки далекого и не очень далекого прошлого, изучение которого считалось одно время «неактуальным». Если раньше в советской исторической науке, и это было естественно, уделялось преимущественное внимание социально-экономическим проблемам, то в последнее время наряду с ними проявляется большой интерес, внимание к политической истории, вопросам истории, культуры, деятельности отдельных личностей, ее социально-психоло-

что примечательно — большинство книг и брошюр расходуется очень быстро, становится библиографической редкостью. Огромным спросом пользуются книги об Октябрьской революции, Великой Отечественной войне, героическом прошлом народов СССР, отечественной культуре, жизни и деятельности выдающихся людей прошлого и настоящего. Книжки из серии «Жизнь замечательных людей» (например, об Александре Невском, Дмитрии Донском, Степане Разине), как известно, на книжных прилавках не залеживаются.

Немало материалов по отечественной истории стало появляться на страницах центральных и местных газет, в научно-политических, литературно-художественных журналах. Историческая тема получила невиданное, пожалуй, доселе освещение в художественной литературе, музыке и живописи, театре и кино.

— Какие темы, по вашему мнению, вызывают наибольшее внимание читателей? Как отвечают специалисты-историки на их запросы?

В. Буганов. Тем, интересующих читателей, очень много. Сейчас не только у нас, но и во всем мире огромный интерес к историческому пути, который прошла наша страна — родина Октября.

А ведь каких-нибудь несколько десятилетий назад многие темы даже не столь отдаленного прошлого, скажем, XVIII—XIX веков, считались глубокой древностью, чем-то неинтересным и ненужным. История не прощает подобного к себе отношения. Его результатом становятся такие малопривлекательные явления, как снижение культуры личности и общества, уровня самосознания, развития науки. А. С. Пушкин однажды сказал, что уважение к минувшему — черта, отличающая

образованность от дикости. Большой отряд советских историков проделал и продолжает сейчас значительную работу по изучению всех периодов отечественной истории. Созданы многие труды, и специальные и научно-популярные, о первых шагах человека и древнейших человеческих сообществах в нашей стране, о появлении рабовладельческих и феодальных государств на Кавказе и в Средней Азии, у восточных славян и жителей Прибалтики, развитии хозяйства и культуры всех народов, населяющих ныне СССР, в феодальную и капиталистическую эпохи, их братском содружестве в годы Советской власти. Так что глубина памяти народа, можно сказать, ее углубление — результат закономерного развития социалистического общества, целенаправленной политики Коммунистической партии. Таким образом, глубина исторической памяти народа оказывается весьма прочной и длительной, той духовной основой, которая, увеличиваясь от поколения к поколению, является бесценным фондом, достоянием общенационального значения. Наша наука оказывает незаменимую услугу обществу, сохраняя и умножая этот фонд, выполняя функцию «службы памяти».

— Вы говорили о работе ученых, создающих фундаментальные труды и научно-популярные работы по отечественной истории. А что можно сказать об издании источников — различных памятников, живо, зримо воспроизводящих исторические события, в гуще которых они возникли?

В. Буганов. Да, эта сторона — дело в науке очень важное, и ему издавна уделяется немалое внимание. Можно сказать, что публикация источников началась со времени появления в России книгопечатания. Иван Федоров, его помощники и последователи с середины XVI века до конца следующего столетия издали немало текстов. Среди них «Соборное уложение» 1649 г., тексты по истории, географии, военному делу. С XVIII века начинается научное издание источников; с этого времени ведут отсчет своего существования и собственно историческая наука, и ее дочерние дисциплины, в том числе археология — наука о публикации текстов, получившая в следующем столетии широкий размах. Этим делом занимаются ученые общества, Археологическая комиссия, Русское историческое общество, Общество истории и древностей российских при Московском университете и другие. Издаются «Полное собрание русских летописей», «Письма и бумаги Петра Великого», «Сборники Русского исторического общества» — многие сотни, тысячи томов. В годы Советской власти продолжается издание некоторых старых серий и издаются новые — «Свод древнейших источников» по истории народов СССР, «Восстание декабристов», «Внешняя политика России XIX — начала XX в.». Опубликованы или издаются серии документов по истории первой русской революции, Октябрьской революции, «Декреты Советской власти».

Значение этой работы трудно переоценить. Здесь уместно вспомнить слова И. П. Павлова: «Факты — воздух ученого».

Беседу вел С. ДОРНИН.

А. Боголюбов. 1824—1896. ТОРРЕ ДЕЛЬ ГРЕКО. 1895.

Омский музей изобразительных искусств

Н. Касаткин. 1859—1930. У ЧАСОВНИ. 1883.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

СЧАСТЬЕ, ОБРЕТЕННОЕ В БОРЬБЕ

Жизнь этого человека сравнима с факелом — настолько она была яркой, светлой и бурной. Он и сам был таким — искрометным, темпераментным, деятельным, с добрым юмором. Книга Волеслава Седых, «Жак Дюкло» уводит в увлекательное и очень познавательное путешествие по жизни ветерана Французской коммунистической партии. Помимо того, что это первая политическая биография Жака Дюкло, она представляет собой солидный труд по истории современной Франции.

Личная судьба Дюкло была воедино слита со всей деятельностью Французской компартии с момента ее создания, и автор сумел убедительно и достоверно это показать. Хорошо сказал Луи Арагон: «Жак Дюкло — это часть истории Франции, это вся история ФКП». В. Седых удалось развить эту мысль, развернуть ее на полотне

В. Седых. Жак Дюкло. М., «Мысль», 1983, 302 с.

оригинального литературного повествования.

Сын сельского плотника, рабочий, солдат во время первой мировой войны, Дюкло становится одним из первых членов созданной в 1920 году Французской компартии, а уже через шесть лет — членом ее ЦК, затем секретарем по пропаганде, членом Политбюро. Вместе с Марселем Кашеном и Морисом Торезом он стоял у истоков создания Французской компартии и прошел с ней полвека своей жизни. Нелегким был этот путь, но он считал себя счастливым человеком. Конечно, у каждого свое понимание счастья. «И можно представить себе, — пишет В. Седых, — какого-нибудь удачливого держателя акций, в глазах которого судьба Жака Дюкло выглядит не такой уж благополучной... Какое же это счастье: с юных лет и до последнего вздоха — непрерывный, самоотверженный труд, вместо прибылей и наград — гонения, клевета и репрессии со стороны

власть имущих, в течение долгих лет — нелегальщина, несколько раз — тюремные застенки, пули наемных убийц, участие в двух войнах, окопы, германский плен, смертельно опасная подпольная борьба против гитлеровских оккупантов?..» Жак Дюкло был счастливым тем, что горячо любил избранное им главное дело своей жизни. «Я верю, — писал он, — в возможность преобразования человеческого общества — в этом для меня смысл жизни и борьбы».

Да, это был человек, находивший в борьбе свое счастье, как тот мятежный, который «просит бури, как будто в бурях есть покой». В. Седых, много лет работавший корреспондентом «Правды» во Франции и лично хорошо знавший Дюкло, вспоминает, как в свои 78 лет, тяжело больной, он вызвал министра внутренних дел на политическую дуэль — на публичное объяснение в сенате в связи с оскорблением, нанесенным министром Французской компартии. Дискуссия вылилась в публичное разоблачение облыжной, клеветнической кампании властей против французских коммунистов. «Мы никому не позволим ставить под сомнение патриотизм, демократический характер Французской компартии, ее преданность национальным интересам», — заявил тогда Дюкло с трибуны сената.

Книга В. Седых «Жак Дюкло» насыщена богатым фактическим материалом. Причем не только собранным в двухстах самых разнообразных источниках, но, что особенно ценно и что придает ей форму живого, увлекательного повествования, полученным от собственных встреч, бесед, наблюдений. Благодаря этому автору удалось написать яркий портрет разносторонней личности Дюкло — руководителя компартии, государственного деятеля, сенатора и парламентария, талантливого публициста и писателя, историка, выдающегося оратора. Все, кто знает и помнит этого человека, неизменно

сходятся на том, что он был прекрасным журналистом, блестящим памфлетистом и рассказчиком, а его ораторское искусство и по сей день изучается во Франции.

В. Седых по ходу повествования умело приводит яркие места из публицистических выступлений Дюкло, которые знакомят нас с ним и как с пропагандистом и литератором и как с дальновидным политическим деятелем. Вот что прозорливо писал Дюкло еще в 1925 году: «...Фашизм — это убийство, пожар, насилие, грабеж, совершаемые именем капиталистической цивилизации». Раскрывая подоплеку одной колониальной авантюры против Марокко, он саркастически писал: «Отправляйтесь же на убой, бедные рабочие и крестьянские паренки, отдавайте вашу жизнь ради вящей славы родины: гиены уже собрались, они ждут подходящего момента, чтобы растерзать ваши трупы и превратить вашу кровь в звонкую монету!»

А вот слова из обращения Дюкло в день нападения гитлеровской Германии на нашу страну: «Ныне каждый француз солидарен с миллионами советских тружеников, которые завтра раздавят гитлеризм и тем самым помогут Франции вновь обрести свою свободу».

Жак Дюкло оставил после себя большое научное и литературное наследство — 15 трудов по проблемам классовой борьбы, философии и истории, а также 6 томов мемуаров. Советский исследователь жизни и творчества Дюкло В. Седых знакомит читателя с темами и содержанием его работ, многие из которых изданы в нашей стране. При этом непринужденно возникает желание прочесть эти произведения, глубже и лучше узнать их автора. В этом, на мой взгляд, состоит особенность книги В. Седых — ее пропагандистская направленность, ее способность серьезно заинтересовать читателя.

В. КАТИН

ЗАПАХ МЯТЫ И МОРЯ

среди книг

Как-то беседуя с Михаилом Годенко, я услышал от него такое признание: «Пишу о том, что лично пережил, что случилось со мной, с близкими мне людьми, что хорошо, досконально знаю. Это, разумеется, не означает, что я создаю свое жизнеописание. Но судьбы моих героев как бы вобрали в себя и мою собственную судьбу, мой жизненный путь и опыт. Пишу о том, что тронуло, взволновало меня. Взволновало так, что уже не могу не писать об этом. Все должно идти от сердца, все нужно пропускать через сердце...»

Эти слова невольно вспомнились мне, когда я раскрыл недавно вышедшие избранные произведения М. Годенко в двух томах. Михаил Годенко принадлежит к поколению, чью юность, чью молодость опалило грозное пламя Великой Отечественной. Всю войну, от первого до последнего дня, ладный хлопец из южного украинского села вблизи города Бердянска прошел, сражаясь на Балтийском флоте. Он оборонял Таллин, участвовал в знаменитом переходе кораблей из горящей эстонской столицы в Кронштадт. Тонул и был подобран одним из наших судов. Служил в бригаде морской пехоты, защищавшей осажденный Ленинград. Был минером, перенес блокаду...

А потом, после войны, молодой моряк, поэт, чье первое стихотворение было опубликовано в областной газете еще в 1936 году, учился в Литературном институте, на одном курсе с Ю. Бондаревым, В. Солоухиным, Г. Баклановым, В. Тендряковым, Е. Винокуровым,

Михаил Годенко. Избранные произведения в двух томах. М., «Художественная литература», 1983.

Э. Асадовым, другими фронтовиками.

Будучи уже известным поэтом, автором проникновенных лирических стихотворений, посвященных родному Приазовью, поэм о судьбах сельских тружеников, Михаил Годенко обратился к прозе.

Нынешний его двухтомник открывается романом «Минное поле». В центре его — образ Михайло Супруна, крестьянского парня из села Белье Воды в Донбассе. И если в первой части рассказывается о формировании характера героя в предвоенные годы, его учебе в школе, увлечении литературой, первой любви, то во второй части, словно озаренной пороховыми всполохами военного лихолетья, перед читателем предстает Мишко Супрун, моряк Краснознаменного Балтийского флота, честный и мужественно выполняющий свой ратный долг.

Кончилась война, но в мирной жизни его ждут новые испытания и трудности, и об этом мы узнаем в повести «Студент в бушлате», являющейся как бы продолжением романа. Супрун — студент творческого вуза, он пишет стихи и считает, что поэзия — его истинное призвание. Все, однако, не так просто. Тяжки поиски своего самобытного поэтического слова. О чем писать и как писать, как увлечь, взволновать людские сердца? Герой повести хорошо сознает, сколь мучителен и ответствен труд литератора, и постепенно, много пережив и переудав, начинает верить в себя, в свои творческие возможности. И он полностью согласен с мнением строгого и взыскательного Сан Саныча, руководителя семинара: «...необходимо рисковать, рисковать! Литература — занятие для смелых, робким здесь делать нечего!»

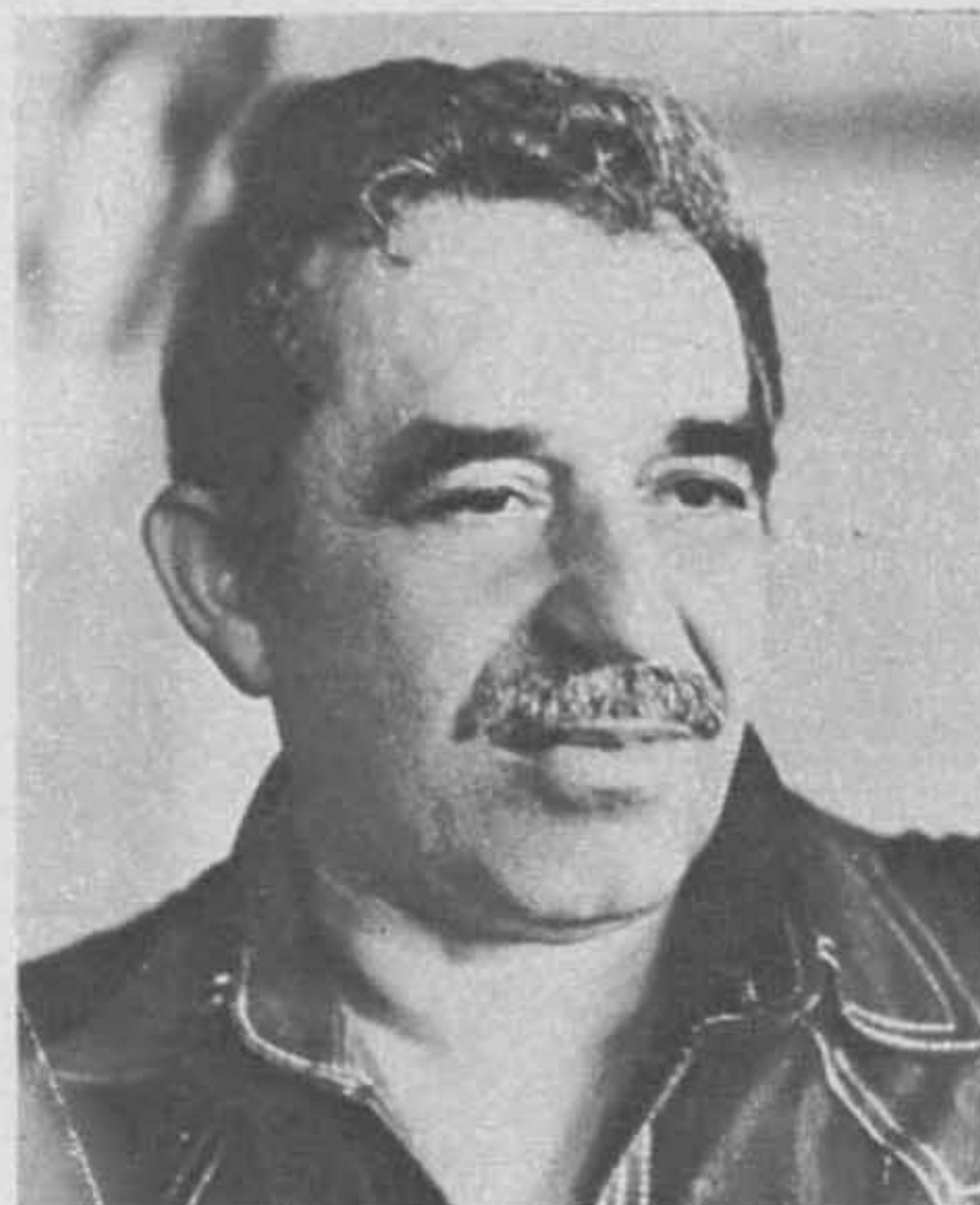
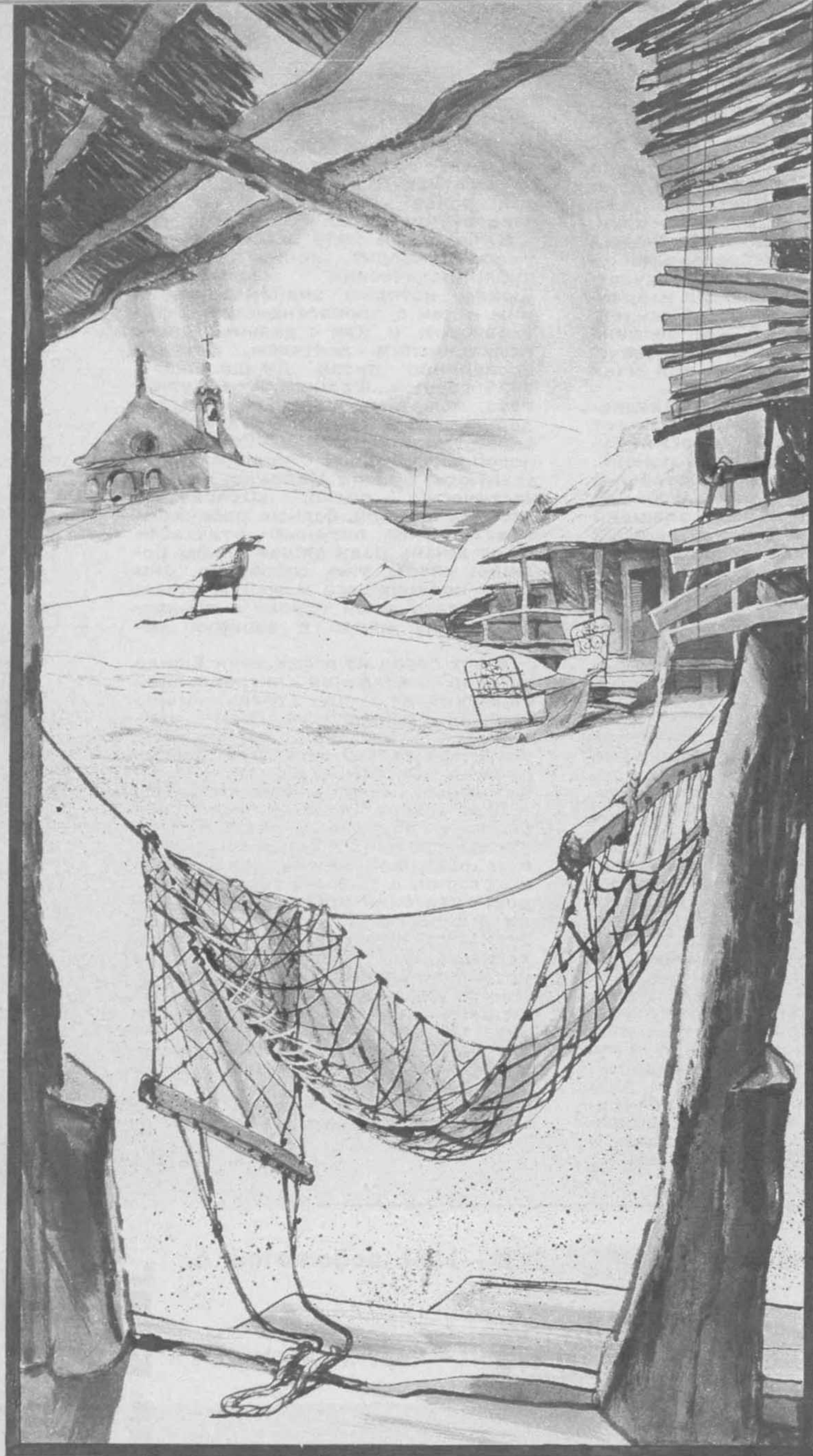
М. Годенко постоянно обращается в своих книгах к отчету степному краю. Там живут и трудятся люди, ставшие прообразами героев многих его произведений. Одно из них — роман «Зазимок». В свое время он привлёк внимание читателей своей искренностью, поэтичностью, жизненной достоверностью человеческих характеров. В романе изображены судьбы четырех подростков из украинского села в 30-е годы, в войну и после нее. Трое из них храбро сражались на фронте, а вот четвертый не выдержал испытаний, стал полицаем в своем селе и понес за это заслуженную кару... В романе немало впечатляющих картин сельской жизни, примет новой, колхозной деревни. Хорошо передана поэзия природы, степного раздолья. В этом произведении ярко проявилась одна из характерных особенностей дарования автора, которую правильно подметил в своем предисловии к двухтомнику критик и поэт Виктор Кочетков, подчеркнув, что писатель «умеет соединять суровый реализм с тонким, акварельным рисунком родного украинского пейзажа, с мягкостью лирических сцен, когда только-только проклевывается молодое чувство любви, с лирикой крестьянского труда, утверждающего неразрывную связь человека с природой, с отзывчивой на ласку землей».

В степях Приазовья развертывается вначале и действие романа «Потаенное судно», который вместе с вышедшим ранее романом «Каменная баба» составил дилогию. Главный герой «Потаенного судна» — Юрий Баяла, живущий в своем селе, а затем, после призыва в армию, проходящий службу на подводном атомоходе на Севере. Вообще есть, пожалуй, у Ми-

хаила Годенко два основных неизменных пристрастия, две любви — его родная южная украинская степь и море, крестьянская жизнь, дружный коллективный труд на земле и подвиг тех, кто посвятил себя морской службе. Не только на войне, но и в мирное время. Именно о подвиге в наши дни повествует роман «Потаенное судно». Старшина команды торпедистов Юрий Баяла спасает в отсене подводной лодки товарища, отдав ему свою маску...

И, наконец, казалось бы, насколько неожиданная в творчестве М. Годенко повесть «Полоса отчуждения». Типично городская повесть, и по сюжету и по проблематике. Но это лишь на первый взгляд. А если вдуматься, то можно увидеть, что и в этом произведении писатель продолжает получившую отражение в его прозе тему личной ответственности человека — перед самим собой, перед обществом, в котором он живет, перед временем. Фабула повести проста: ее герой, возвращающийся из отпуска в собственной автомашине, попадает по своей неосторожности в катастрофу, в результате чего тяжело пострадали, едва не погибли его жена и дочь. Но, отталкиваясь от того, что произошло на трассе Москва — Орел, автор начинает размышлять о жизни и смерти, о том, как следовало бы жить, о нашем сложном, тревожном веке, о космосе, Вселенной... «Полоса отчуждения» воспринимается как незаурядное, остросовременное произведение, побуждающее читателей не только к сопереживанию, но и к раздумьям над важными проблемами сегодняшней действительности.

Олег ДОБРОВОЛЬСКИЙ

З а любовью неизбежность смерти

Габриэль ГАРСИЯ МАРКЕС

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Когда сенатор Онесимо Санчес встретил женщину своей жизни, до смерти ему оставалось шесть месяцев и одиннадцать дней. Он увидел эту женщину в Вице-королевском Розовом Саду, селении, подобном двуликому Янусу: ночью оно было тайной бухтой, дававшей приют приплывающим издалека кораблям контрабандистов, зато при свете дня казалось ни к чему не пригодным уголком пустыни на берегу похожего на пустыню моря, в котором нет ни севера, ни юга, ни запада, ни востока. Селение это было настолько удалено от всего на свете, что никому бы и в голову не пришло, что здесь может жить кто-то, способный изменить чью бы то ни было судьбу. Казалось, что само название дано селению в насмешку, потому что единственную розу, какую здесь когда-либо видели, привез сенатор Онесимо Санчес, привез в тот самый день, к концу которого он познакомился с Лаурой Фариной.

Избирательная кампания, проводившаяся каждые четыре года, шла как обычно. Утром прибыли фургоны с комедиантами. Потом грузовики доставили индейцев, которых наняли и возили из городка в городок, чтобы они изображали толпу во время предвыборных собраний. Около одиннадцати под звуки музыки и треск фейерверков прибыл министерский автомобиль цвета земляничной воды. Внутри, в кондиционированной прохладе, сидел сенатор Онесимо Санчес, какой-то неуместно безмятежный, и едва он открыл дверцу машины, как содрогнулся от дохнувшего на него зноя, рубашка из натурального шелка в одно мгновение промокла насквозь, и се-

натор сразу почувствовал себя на много лет старше и таким одиноким, каким не чувствовал себя никогда. Ему только что исполнилось сорок два года, в свое время он получил в Геттингене диплом инженера-металлурга с отличием и уже много лет упорно, хотя и без особой для себя пользы, читал латинских классиков в плохих переводах. Женат он был на неизменно веселой и улыбающейся немке, у них было пятеро детей, и все были счастливы в его доме, и счастливее всех он сам — до тех пор, как три месяца назад ему сказали, что в ближайшее рождество он умрет.

Пока заканчивались приготовления к собранию, сенатору удалось побыть одному и отдохнуть хотя бы час в отведенном для него доме. Прежде чем прилечь, он поставил в свежую воду розу, которую сумел провезти живой через пустыню, а потом, чтобы не есть лишний раз жареной козлятины, предстоявшей ему днем, пообедал диетической кашей, которую возил с собой повсюду, и, не дожидаясь, когда начнется боль, принял несколько обезболивающих таблеток. После этого он поставил около гамака электрический вентилятор, сбросил с себя всю одежду и улегся на пятнадцать минут в тени розы, в полудремоте собирая все силы для того, чтобы не думать о смерти. Кроме врачей, никто не знал, что он приговорен и ждет своего заранее известного ему часа, потому что он решил нести крест этой тайны в одиночку, ничего не меняя в своей жизни, и решил так не от гордыни, а из скромности.

Он ощущал себя господином всех своих способностей, когда в три часа дня по-

явился на людях снова, отдохнувший и свежее выбритый, в брюках из грубого полотна, в пестрой, в цветах, рубашке и с успокоенной обезболивающими таблетками душой. Однако подтачивавшая его смерть была, по-видимому, гораздо коварней, чем он думал, потому что, поднявшись на трибуну, он испытал странное презрение к тем, кто добивался чести пожать ему руку, и не пожалел, как прежде, индейцев, которые стояли рядами, босые, на раскаленной почве маленькой голой площади. Властным, почти гневным взмахом руки он оборвал аплодисменты и начал говорить, совсем не жестикулируя и устремив взгляд в изнемогающее от зноя море. Говорил он размеренно, в его глубоком голосе было что-то от неподвижной воды, однако слова, затверженные наизусть и столько раз уже им произносившиеся, всплывали у него в памяти не потому, что им владело желание сказать правду, а потому, что ему хотелось возразить на одну фаталистическую сентенцию из четвертой книги воспоминаний Марка Аврелия.

— Мы в этом мире для того, чтобы победить природу, — начал он фразой, которая шла вразрез со всеми его убеждениями. — Тогда мы перестанем быть найденными отечества, сиротами бога в царстве жажды и бесприютности, изгоями в своей собственной стране. Так давайте же станем иными, дамы и господа, станем могучими и счастливыми!

Это были обычные формулы его цирка. Он говорил, а его помощники бросали в воздух пригоршни бумажных голубей, и те, оживая, описывали над дощатой трибуной круги и улетали к морю. Другие помощники в это время вытаскивали из фургонов бутафорские деревья с фетровыми листьями и сажали их за спиной у толпы в грунт площади. Кончив сажать деревья, они поставили картонный задник, на котором были нарисованы дома из красного кирпича, со стеклянными окнами, и загордили этой декорацией жалкие лачуги реальной жизни.

Чтобы дать труппе время подготовить спектакль, сенатор удлинил свою речь двумя латинскими цитатами. Он обещал дождевые машины, переносные инкубаторы, чудо-удобрения, от которых на солончаковой почве будут расти огурцы, а на подоконниках зацветут анютины глазки. Когда же он увидел, что нафантазированный им мир уже собран и установлен, он показал на него пальцем и прокричал:

— Вот как мы будем жить, дамы и господа! Смотрите, вот как мы будем жить!

Все обернулось. За нарисованными домами плыл трансокеанский лайнер из цветной бумаги, и он был выше самого высокого из домов города на заднике. Один только сенатор заметил, что картонный городок, из-за того, что его возили с места на место и много раз собирали и разбирали, уже пострадал изрядно от непогоды и стал почти таким же бедным, пыльным и печальным, как Вице-королевский Розовый Сад.

Впервые за двенадцать лет Нельсон Фарина не пошел приветствовать сенатора. Речь он слушал сквозь послеполуденную дремоту, лежа в своем гамаке под сплетенным из свежих веток навесом у домика из необструганных досок, который сам же и построил своими руками аптекаря, теми же, что разрезали на куски первую его жену. Впервые в Вице-королевском Розовом Саду он появился на лодке, груженной невинными длиннохвостыми попугаями ара, и вместе с ним в ней была красивая и склонная к сквернословию негритянка, которую, бежав с кайенской каторги, он встретил в Парамарибо и которая родила ему дочь. Довольно скоро эта женщина умерла, но естественной смертью, не такой, как другая, та, чье изрубленное тело послужило удобрением для грядок цветной капусты на ее же собственном огороде; нет, негритянку погребли целой на местном кладбище, увековечив табличей ее голландское имя. От нее дочь унаследовала пышные формы и цвет кожи, а от отца — глаза, золотистые и словно изумленные; и у Нельсона Фарины были основания считать, что

в доме у него растет самая красивая женщина на свете.

Познакомившись еще в первую избирательную кампанию с сенатором Онесимо Санчесом, Нельсон Фарина попросил того помочь ему обзавестись фальшивым удостоверением личности, которое позволило бы ему жить спокойно. Сенатор вежливо, но твердо ему отказал. Нельсон Фарина не сложил оружия и несколько лет подряд, в каждый новый приезд сенатора, находил повод обратиться к нему со своей просьбой. Однако ответ он всегда получал один и тот же. Так что на этот раз он решил остаться в гамаке, обреченный гнить заживо в этом пышущем зноем месте, которое когда-то было прибежищем корсаров. Услышав аплодисменты, раздавшиеся после окончания речи, он приподнялся, вытянул шею и увидел поверх забора оборотную сторону представления: косые подпорки зданий, арматуру деревьев, служителей, которые, оставаясь недоступными глазу толпы, двигали трансокеанский лайнер. Из Нельсона Фарины выплеснулась вся накопившаяся в нем злость.

— Merde, — сказал он, — c'est le Blacaman de la politique¹.

После выступления сенатор, как обычно, совершил под музыку оркестра и вспышки пиротехнических ракет прогулку по улицам, во время которой жители селения, окружив его, докучали ему рассказами о своих невзгодах. Сенатор доброжелательно выслушивал каждого и всегда находил способ утешить, не беря на себя при этом никаких трудновыполнимых обязательств. Одной женщине, взбравшейся со своими шестью малолетними детьми на крышу дома, удалось перекричать шум толпы и взрывы петард.

— Я совсем малого прошу, сенатор, — кричала она, — мне нужен только осел, возить воду из Пруда Висельника!

Сенатор посмотрел на шестерых грязных и худых малышей.

— Что случилось с твоим мужем? — спросил он ее.

— Отправился искать счастья на остров Аруба, — ответила добродушно женщина, — а встретил иностранку, из тех, что вставляют себе в зубы алмазы.

Толпа встретила ее ответ взрывом хохота.

— Хорошо, — сказал сенатор, — осел у тебя будет.

И скоро один из его помощников привел в дом женщины вьючного осла, на боках которого несмываемой краской был написан избирательный лозунг, дабы никто не забыл, что этот осел подарен сенатором.

За время своей недолгой прогулки сенатор оказывал небольшие знаки своего доброго расположения и другим жителям городка, а кроме того, собственноручно дал ложку лекарства больному, который, чтобы посмотреть, как пройдет сенатор, велел вынести себя на кровати на улицу. Огибая последний угол, сенатор сквозь щели в заборе патио увидел Нельсона Фарину, лежащего в гамаке; Нельсон Фарина показался ему пепельно-серым и печальным, однако сенатор, хоть и без особой радости, его приветствовал:

— Как поживаете?

Тот повернулся к сенатору и утопил его в янтаре своих грустных глаз.

— Moi, vous savez², — ответил он.

Услышав разговор, в патио вышла его дочь. На ней был старенький халат, голову украшали разноцветные банты, а лицо было намазано кремом от загара, но даже видя ее такой, можно было предположить, что красивее нет никого на свете. У сенатора даже дыхание перехватило.

— Черт возьми, — изумленно выдохнул он, — надо же было, чтобы бог такое создал!

Тем же вечером Нельсон Фарина велел дочери надеть на себя лучшее, что у нее было, и послал ее к сенатору. Двое охранников с винтовками, разморенные жарой и клюющие носом в предоставленном го-

стю доме, приказали ей сесть на единственный стул в передней и ждать.

Сенатор заседал в соседней комнате вместе с самыми влиятельными жителями Вице-королевского Розового Сада, приглашенными, чтобы он мог напрямик сказать им о тех истинах, о которых в своих выступлениях он не говорил ни слова. Эти люди были столь похожи на тех, кто всегда присутствовал на таких заседаниях во всех городках пустыни, что сенатору казалось, будто каждый вечер происходит одно и то же заседание, и оно ему уже давно осточертело. Рубашка на сенаторе пропиталась потом, и теперь он пытался высушить ее на себе струей горячего воздуха от электрического вентилятора, назойливо жужжавшего в сонном оцепенении комнаты.

— Мы с вами, разумеется, бумажных птичек не едим, — говорил сенатор. — И вы и я знаем, что с того дня, как в этом отхожем месте появятся цветы и деревья, а в прудах вместо головастиков заведутся карпы, ни вам, ни мне делать здесь будет нечего. Вы меня понимаете?

Все молчали. Пока сенатор говорил, он оторвал листок от календаря и сложил из него бумажную бабочку. Просто так, машинально, он бросил ее в струю воздуха от вентилятора, и бабочка, описав круг, выпорхнула в приоткрытую дверь. Сенатор продолжал говорить с самообладанием, на какое не был бы способен, не вступи он в тайный сговор со смертью.

— В таком случае, — сказал он, — мне не нужно повторять то, что вы и сами прекрасно знаете: в моем переизбрании вы заинтересованы больше меня, потому что я гнилой водой и индейским потом сыт по горло, а вы, наоборот, этим живете.

Когда бумажная бабочка вылетела в переднюю, Лаура Фарина сразу ее увидела. Увидела одна, потому что охранники спали сидя, обхватив руками винтовки, на своих скамейках со спинками. Огромная бабочка с литографиями на крыльях сделала несколько кругов, потом лист бумаги развернулся и прилип к стене. Лаура Фарина попробовала оторвать его ногтями. Один из охранников, разбуженный звуком аплодисментов, раздавшихся в соседней комнате, сказал, что попытка ее напрасна.

— Не оторвешь, — пробормотал он сквозь сон, — потому что она нарисована на стене.

Лаура Фарина снова уселась на стул, и как раз в это время начали выходить заседавшие. Сенатор, держась за ручку двери, стоял в дверном проеме и увидел Лауру Фарину, только когда передняя опустела.

— Что ты здесь делаешь?

— C'est de la part de mon père¹, — ответила она.

Сенатор понял. Он пристально посмотрел на спящего охранника, потом на Лауру Фарину, чья немислимая красота торжествовала победу над его болью, и подумал, что за него все уже решила смерть.

— Входи, — сказал он ей.

Лаура Фарина остановилась, словно зачарованная, в дверях: по комнате, порхая, как вылетевшая к ней бабочка, летали тысячи банковских билетов. Но он выключил вентилятор, и банкноты, уже ничем не поддерживаемые в воздухе, стали опускаться на пол и на все вещи в комнате.

— Видишь, — улыбнулся сенатор, — даже дерьмо летает.

Лаура Фарина чувствовала себя сейчас школьницей. У нее была гладкая, тугая кожа, того же цвета и той же солнечной плотности, что и сырая нефть, и волосы ее были как грива молодой кобылицы, а от огромных глаз исходило сияние ярче света. Сенатор проследил за лучом ее взгляда и в конце его увидел страдающую от селитры розу.

— Это роза, — сказал сенатор.

— Я знаю, — отозвалась она чуть смущенно, — я такие видела в Риоаче.

Сенатор сел на походную кровать и, продолжая говорить о розах, начал расстегивать свою рубашку. На боку, там, где, предполагал он, у него находится сердце, была корсарская татуировка: сердце, пронзенное стрелой. Он швырнул влажную рубашку на

пол и попросил Лауру Фарину, чтобы та ему помогла снять ботинки.

Она стала перед кроватью на колени. Сенатор смотрел на нее, раздумывая, и в то время, как она возилась со шнурками, спросил себя, для кого из них двоих встреча эта обернется бедой.

— Ты же совсем ребенок, — сказал он.

— Вовсе нет, — возразила она. — В অপারে мне исполнится девятнадцать.

Сенатор заинтересовался:

— Какого числа?

— Одиннадцатого, — ответила она.

Настроение у сенатора поднялось.

— Мы оба Тельцы, — сказал он. И добавил, улыбаясь: — Это знак одиночества.

Лаура Фарина не обратила внимания, потому что не знала, что ей делать с ботинками. Сенатор же, со своей стороны, не знал, что ему делать с Лаурой Фариной, потому что не привык к непредвиденным любовным встречам и ясно сознавал, кроме того, низкую природу сегодняшней. Только для того, чтобы выиграть время и все обдумать, он зажал Лауру Фарину коленями, обхватил за талию и откинулся на спину в свою походную кровать. Тогда он понял, что, кроме платья, на ней ничего нет, потому что от нее исходил густой запах дикого животного, хотя сердце ее испуганно билось, а кожа, покрытая холодным потом, стала ледяной.

— Никто нас не любит, — вздохнул он.

Лаура Фарина хотела что-то сказать, однако воздуха ей хватило только на выдох. Сенатор сам уложил ее рядом, погасил свет, и комната была теперь в тени розы. Лаура Фарина отдала себя на милость providения. Сенатор начал медленно ее поглаживать, его рука стала искать ее, почти к ней не прикасаясь, но наткнулась там, где он ожидал ее найти, на что-то железное.

— Что у тебя здесь?

— Замок, — ответила она.

— Какое идиотство! — воскликнул разъяренный сенатор, а потом спросил о том, что и так уже знал: — А ключ у кого?

Лаура Фарина облегченно вздохнула.

— У папы, — ответила она. — Он велел передать вам, чтобы вы послали за ключом нарочного и чтобы у того было с собой письменное обязательство от вас уладить папино дело.

Все в сенаторе напряглось.

— Французишко проклятый! — пробормотал он возмущенно.

Потом он закрыл глаза и в наступившей полной темноте встретился с самим собой. «Помни, — вспомнилось ему, — и ты и любой другой очень скоро умрете, и вскоре после этого даже имени не останется от вас». Он подождал, чтобы унялась дрожь, и спросил:

— Скажи, что обо мне говорят?

— Истинную правду?

— Истинную правду.

— Хорошо, — ответила, осмелев, Лаура Фарина. — Говорят, что вы хуже других, потому что не такой, как все.

Сенатор ничем не выразил своего отношения к сказанному. Он долго молчал, не открывая глаз, а когда открыл, вид у него был такой, будто он только что вернулся из самых тайных глубин своей души.

— Черт с ним, — заговорил он, — скажи своему подлому отцу, что я улажу его дело.

— Если хотите, я схожу за ключом сама, — предложила Лаура Фарина.

Сенатор остановил ее.

— Забудь о ключе, — сказал он, — и поспи со мной немножко. Хорошо, чтобы кто-нибудь с тобой был, когда ты одинок.

Тогда она, не отрывая глаз от розы, положила его голову к себе на плечо. Сенатор обнял ее за талию, спрятав лицо в пахнущую диким животным подмышку и позволил ужасу взять над собою верх. Через шесть месяцев и одиннадцать дней ему предстояло умереть в этой же самой позе, опозоренному и всеми отвергнутому из-за общественного скандала, связанного с именем Лауры Фарины, рыдающему от ярости из-за того, что в эту минуту ее около него нет.

Перевел с испанского
Ростислав РЫБКИН.

¹ Здесь: «Черт побери, да он настоящий фокусник в делах политики!» (фр.)

² «Я? Сами знаете» (фр.) — Прим. перев.

¹ Здесь: «Меня послал отец» (фр.) — Прим. перев.

Вот вернется Краснокрыл

Дядюшка Краснокрыл — старый фламинго — проснулся на рассвете. Он привычно осмотрелся и повернул голову к восходу солнца. Там начинало розоветь, там нарождался новый день, и что-то подсказало ему, что он будет хорошим. Дядюшка взмахнул крыльями, разминая их, и издал резкий, скрипучий звук. Тот, кто не знал птичьего языка, мог бы подумать, что Краснокрыл чем-то недоволен. На самом деле он добродушно сказал: «Эй, лежебоки, просыпайтесь, пойдем солнышко будить». И тотчас серый островок, посреди которого он находился, вдруг ожил, задвигался и поплыл навстречу заре, в открытое озеро. Островком тем оказалась многосотенная стая серых птенцов фламинго — смешных носатых уродцев, то был их детский сад. Дядюшка-воспитатель и другие старые птицы наблюдали в нем за порядком. Фламинго постарше, со взрослым уже оперением, собирались в другие стаи самостоятельно, чтобы тоже отправиться на кормежку — нелегкую, но необходимую поденную работу. Когда они дружно взлетали, то казалось, что над водой вспыхивали языки пламени — так атели их красные крылья.

— Дядюшка, кто их так выкрасил? — за-видовали малыши.

— Солнышко, — отвечал важно Красно-крыл.

— Почему же мы не такие? Разве мы не фламинго?

— Скоро, к концу лета, вы станете та-кими же красавцами. Надо только не лениться и каждое утро встречать восход солнца. Надо не лениться и неустанно процеживать клювом горькую воду, вылавливая сладких рачков — это так вкусно, — сказал старый фламинго, опуская голову в воду. Все по-следовали его примеру, и на какое-то время бесчисленные «почему» утихли. Там и сям на зеркальной глади озера паслись другие детские сады с другими няньками, там и сям по отмелям бродили длинноногие ро-зовые птицы, не похожие ни на каких дру-гих в целом свете, как не похож, допустим, верблюд ни на одно сухопутное животное. Ноги фламинго так длинные, что казалось — птицы встали на ходули. Впрочем, это вполне оправданно. Как иначе обследовать прогретые отмели, богатые планктоном? При таких ходулях не обойтись, разумеется, и без длинной шеи — как иначе достать вкуснейшее со дна? Все эти истины дядюш-ка Краснокрыл открывал молодежи, совсем как профессор университета первокурсни-кам. Да и на самом деле, разве не был тут, на степном озере Тенгиз, самый настоящий птичий университет, причем самый север-ный в мире для южан фламинго, самое се-верное их поселение на свете.

— Почему у нас такие смешные кривые носы? — спрашивали «первокурсники» про-фессора.

— Они прекрасны, — возражал дядюш-ка, — посмотрите, как удобно процеживать ими воду, как удобно, лучше лопаты, нагр-ебать ил для постройки высокого конусовид-ного гнезда...

— Почему мы живем именно здесь?

— Потому что тут наша родина. Тут ро-дился я, и мой дед, и прадед, и все вы. Здесь рождаются ваши дети. Потому что тут хорошо: какие чудные островки для гнездо-вой посреди озера — никакому хищнику не подобраться, какая тишина вокруг, какой вольный ветер...

Да, тишины тут хватало. От озера Тенгиз, налитого в плоскую тарелку сухой степи, исходил запах соли и гниющих водорослей. Его берега, однообразные до унылости, спо-собны были нагнать тоску на самого от-чаянного оптимиста. Рыба чуралась его горько-соленых вод, в них благоденствовали лишь мельчайшие рачки, а вокруг, сколько ни ищи, не найти на многих десятках кило-метров даже малюсенького родничка прес-ной воды. По этой причине издавна обо-дили эти места стороной тропы кочевников, по этой причине пустынный берега озера и теперь, но эта же причина издревле при-влекала сюда многотысячные стаи птиц.

Старый фламинго вдруг забеспокоился. Он почувствовал скрытую опасность, кото-рую по недостатку опыта не могли еще предвидеть молодые. Опасность шла от бе-рега, от темного предмета, быстро подплыв-шего затем по воде и все растущего в раз-мерах по мере приближения. Донесся стре-кот мотора, и Краснокрыл понял, что это лодка. Не часто появлялась она на Тенги-зе — раз или два за все лето, и он уже знал, что опасаться ее не стоит: в лодке находи-лись ученые, наблюдавшие в заповеднике за жизнью фламинго и хранившие их по-кой. Но древний инстинкт, всегда побеждав-ший в нем рассудок, повелевал ему спа-саться. И тогда раздался птичий крик тре-воги: «Быстрее и отдели, там лодке не пройти». Все окружающее моментально на-полнилось шумом крыльев и плеском во-ды. В небо взметнулось розовое облако и, описав полукруг, понеслось прочь — это уходили к противоположному берегу взрос-лые фламинго. На воде остались лишь дет-ские сады, они ученых сейчас не интересо-вали, да птицы, не успевшие закончить линьку, а потому временно неспособные к полету. Вот за ними и двинулась лодка. Птицы бежали по воде с поразительной скоростью, помогая себе взмахами крыль-ев, однако долго соревноваться с мотором не могли. Фламинго, когда его догоняли, прятал голову под воду (как страус в пе-сок) и становился недвижимым. Его осторож-но поднимали в лодку, производили обмер, как в хорошем ателье, и надевали на лапу кольцо с номером. Выпущенный затем на свободу, он бурно радовался жизни, возвра-щаясь в родную стаю...

Дядюшка Краснокрыл наблюдал за этой операцией издали. Она была ему знакома, ведь он тоже был окольцован несколько лет тому назад. Никакого неудобства это ему не доставляло, но он, как и всякий фламинго, был принципиальным противни-ком насилия: случалось ведь, что люди ло-вили уже окольцованного кем-то фламинго и, чему-то радуясь, снимали старое кольцо, чтобы тут же прикрепить новое. Поэтому, сохраняя достоинство, он уводил свой дет-сад все дальше от лодки и окончательно ус-покоился лишь тогда, когда она совсем скрылась из виду...

Весь тот день мы кружили в лодке по Тенгизу, кольцевали птиц — не только фла-минго, но и забавных уток-пеганок, выси-живающих своих птенцов в норах. Одежда и лица покрылись пятнами соли, глаза сле-зились, но орнитологи были неутомимы. Я их понимал: слишком мало еще изучены фламинго, слишком много в их поведении загадок.

— Например, такая, — говорил Николай Андрусенко, изучающий уже несколько лет фламинго на Тенгизе. — Испугавшись чего-то, вся колония птиц (иногда это десятки тысяч) может покинуть гнездовья с наси-женными яйцами и улететь. Поэтому мы стараемся особенно не беспокоить их, да еще в период гнездования...

— Или такая, — добавил Александр Ми-наков. — Как удастся родителям среди сотен птенцов, находящихся вместе, безошибочно и быстро отыскать своего единственного (иногда двух и очень редко трех), чтобы по-кормить?

— Или такая, — сказал егерь Алексей Кошкин. — Почему именно Тенгиз стал род-ным домом для фламинго? Ведь рядом есть и другие озера, но они возвращаются имен-но сюда после зимовки — с Каспия, из Тур-ции, Ирана и даже из Африки...

Я посмотрел на горько-соленое озеро, полное сладкой птичьей свободы, и подум-ал, что обо всем этом мог бы, наверное, рассказать мудрый дядюшка Краснокрыл. Вот дождемся следующим летом его воз-вращения и спросим...

Ю. ЛУШИН

Целиноградская область,
озеро Тенгиз.

Приближается столетие со дня рождения великого русского ученого Дмитрия Ивано-вича Менделеева. И вот какое письмо получила недавно редак-ция «Огонька»:

«...Обращаются к вам жители села Верхние Аремзяны. Прочита-ли мы в «Огоньке» статью «В усадьбе Менделеева и вокруг нее», и нам стало обидно за свое село. Весь мир будет отмечать юбилей Д. И. Менделеева, но только не наше село, хотя это родина Менделеева. Родился он в Тобольске, а детство свое провел в селе Аремзяны, но со временем все забылось. Село наше заросло грязью, нет ни дороги до Тоболь-ска, ни телефона, даже сельский Совет в 1979 году был переведен в другое село. С 1932 года наша школа носила имя Д. И. Менде-леева, да и не только школа, но и библиотека, а сейчас все позабыто и позаброшено.

Просим вас помочь. Ведь нельзя же так относиться к памяти наше-го великого земляка...»

Да, Менделеев родился в То-больске, городе декабристов, Ер-шова, Алябьева, Перова и многих других замечательных людей, а в Аремзянке, как ее попросту на-зывали тогда, расположенной все-го в 25 верстах от Тобольска, он провел детство, здесь был знаме-нитый стекольный завод, которым управляла мать Дмитрия Ивано-вича.

И навсегда осталась в душе ученого любовь к родной Арем-зянке, к далекому Тобольску. В 1899 году, когда состоялась по-ездка Д. И. Менделеева и других ученых на Урал для ознакомле-ния с состоянием металлургии, Дмитрий Иванович так составил

Владимир ДИВАКОВ

ОЖИДАНИЕ

МЕНДЕЛЕЕВСКИЕ АРЕМЗЯНЫ

Д. И. Менделеев с крестьянами в Аремзянах. 1899 год.

маршрут, чтобы была возможность посетить родные места.

В отчете Менделеев пишет о поездке в Аремзянку: «Встречу, пребывание и проводы крестьянами, среди которых оказалось семь сверстников, описывать боюсь, чтобы опять не увлечься личными отношениями. Считаю, однако, не лишним сказать, что встретил много теплых и дорогих для меня воспоминаний о времени, когда матушка управляла заводом». В отчете Менделеев помещает фотографии: вот он с крестьянами-сверстниками в Аремзянке, тут же портрет матери, снимок на тобольском кладбище — могила отца и его портрет.

Сейчас в Верхних Аремзянах живет сто шестьдесят человек. Добраться туда действительно трудно. Даже когда землю основательно подморозило, путь оказался нелегким. Грузовые машины буксовали на крутых подъемах. Наш юркий «уазик», в котором были секретарь Тобольского райкома КПСС А. К. Мишунин и директор краеведческого музея А. В. Малышкин, ковыляя на мерзлых колдобинах, добрался наконец-то к Верхним Аремзянам.

Сельский клуб здесь возник недавно на фундаменте сгоревшей в 1974 году церкви. Это было одно из последних помнящих старую Аремзянку зданий — постройка матери Менделеева Марии Дмитриевны. В клубе располагается и библиотека. С заведующей библиотекой А. А. Соколовой и другими жителями села говорим о фактах, изложенных в письме. Да, к сожалению, все подтверждается. Правда, телефон теперь налаживают. Попутно выясняется, что в библиотеке всего восемь книг, так или иначе касаю-

щихся великого ученого-земляка, — маловато для менделеевских Аремзян.

Едем в школу. Там лишь небольшой стенд в химическом кабинете посвящен Менделееву. Нет даже хорошего портрета. Рассказывают, что в селе был памятник Менделееву, стоявший на центральной улице, но стал разваливаться, отреставрировать не собрались и... ликвидировали.

Рассеять сомнения приехавших товарищей в том, что школа в Аремзянах действительно носила раньше имя Д. И. Менделеева, помогла лишь случайная находка — старый школьный штамп с именем ученого. На новом таковое, увы, отсутствует.

Выясняется, что школа странным образом лишилась имени Д. И. Менделеева, присвоенного ей в тридцатых годах. Случилось это не так уж давно — в начале семидесятых. Почему так произошло, никто не знает. Руководство, мол, тогда часто менялось... Сейчас ни у кого нет возражений, чтобы имя Менделеева было возвращено сельской школе в Верхних Аремзянах. Но, увы, теперь нужны какие-то формальности, которых, видимо, не было, когда имя Менделеева сняли со школьной вывески.

Тобольки с гордостью рассказывают, что к юбилею Менделеева его именем назовут один из главных проспектов нового города, там будет открыт памятник ученому. Надо, чтобы и Верхние Аремзяны не остались без внимания. И здесь должна жить память о гении отечественной науки.

Михаил ПОСПЕЛОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

ДЕСЯТИКЛАССНИКИ 41-го

Оделись пухом одуванчики,
Собрался в круг десятый класс,
Под «бокс» подстриженные мальчики
Неловко танцевали вальс.

Мечтали мальчики стать взрослыми,
Сегодня их мечты сбылись.
И девочки с тугими косами
Им в вечной верности клялись.

Потом с решительными лицами
Ушли дорогами войны
И не вернулись — пали рыцари,
Хранители своей страны...

А девочки их, поседевшие,
Не прячут слез, когда тот вальс
Поет про юность, травы вешние,
Про выпускной десятый класс...

* * *

Меня гнетут воспоминанья.
И эпизоды дней былых,
И радость встреч, и расставанья—

Все, все слилось навечно в них.
И снова выплывают лица
Друзей, знакомых и родных,
И тает зыбкая граница
Меж миром мертвых и живых...
Они ко мне приходят сами
В любое время ночи, дня...
Я молча обращаюсь к маме,
И мама слушает меня.

АПРЕЛЬ

Земля без снега и цветов —
Пора безвременья в апреле,
На стыке ивовых листков
И вдруг растаявших метелей.
Ждет неживой еще сучок,
Как чуда, первого дыханья;
Во всем вопрос или намек,
Во всем безмолвье ожиданья.
Пейзаж и рядом и вдали
Не усложнен чертой случайной —
Все строго перед вечной тайной
Рожденья нового Земли!

БОРОВИЦКИЙ ХОЛМ

Москва от Боровицкого холма
Ведет отсчет и возраста и роста.
Не душит Русь ордынская кошма,
И град рожден естественно и просто.

Был холм. Под ним века текла река.
Ольху жевали лоси на Петровке.
И как непроходимо далека
Лесная глушь Стромынки и Ольховки!

В траву упала первая сосна,
Ей улыбался вятч синеокий,
Был первый терем, первая весна
И путь в веках, неровный и нелегкий.

И ведал ли тогда удельный князь,
Что от его смолистого порога
Судьба самой России началась,
Судьбы великой долгая дорога...

Громадный город в дымной синеве!
Благословен твой первый день далекий,
В ромашках холм, и вятч синеокий,
И стружка золотая на траве!

НА ОТДЫХЕ

РАССКАЗ

Ножкин и Рожкин шли из гостей.

Было уныло и пусто. Кругом ни души, как на дне морском. Некому и слово сказать сердечное.

— О! — разом воскликнули Ножкин и Рожкин, устремляя радостно горящие взоры вперед по улице.

— То никого, а то сразу двое, — уже один сказал Ножкин. — И какие похожие!

— Как близнецы! — воскликнул Рожкин.

— Эй, близнюки, вы чего такие похожие? — впал в любопытство Ножкин. — От одной мамы?

— Миряне, — сказал встречный, — вы что-то путаете. Это вас двое, а я, — он ищуще огляделся, — а я один.

— Да он нас дурачит! — пораженно выпалил Рожкин. — Белым днем обманывает нас. Насмехается. Что мы, своими глазами не видим?

— Видим, — меланхолически подтвердил Ножкин. — Их двое.

— А он, понимаешь, гово-

рит: один. Да мы из принципа не стали бы вдвоем разговаривать с одним, а два на два почему не поговорить? Даже интересно и честно, по-джентльменски. Пускай не обманывает... Дадим? — вдохновенно спросил Рожкин.

— Дадим! — торжественно разрешил Ножкин, безуспешно сясь собрать непослушные пальцы в кулак.

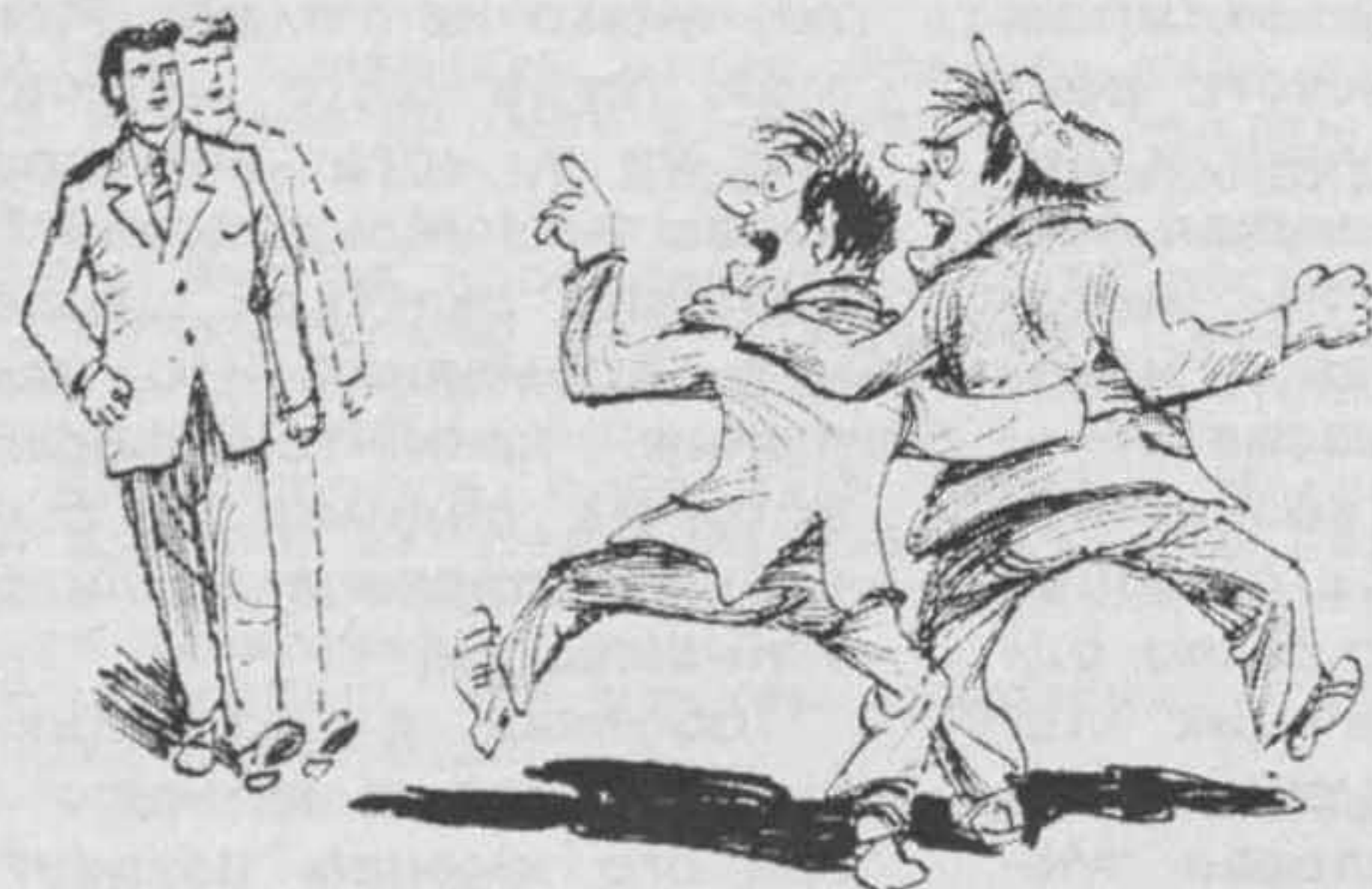
Брезгливо чиркнув ладонью о ладонь, встречный галантно приподнял шляпу. Извинительно сказал сидящим на траве в растрепанных чувствах Ножкину и Рожкину:

— Ей-ей, и в мыслях не было... Сами напросились...

И так же галантно удалился. Охая, Рожкин робко, полуоб-
радованно сообщил Ножкину:

— Как хорошо, что он был все-таки один!

— Но еще лучше, что нас было двое, — провозжая взглядом надежно уходящего прохожего, скромно похвалился Ножкин. — Тебя бьет — я отдыхаю, меня бьет — ты отдыхаешь...

Юмор

И НА ДУДЕ
ИГРЕЦ

А. КУБЛЯКОВ

РАССКАЗ

Соседи называют меня «Левшой» и несут мне весь требующий квалифицированного ремонта хлам. Они считают меня работником комбината бытового обслуживания. Я, не желая переубеждать их и подрывать трещащий по всем швам престиж КБО, вдыхаю вторую жизнь в жалкие останки некогда хороших и нужных вещей. Многие интересуются, где я приобрел столько навыков в обращении со всевозможным инструментом, и я, если сын в комнате, с гордостью показываю на него.

— Мое умение и мастерство росло и растет вместе с ним, — отвечаю я недоуменным слушателям и излагаю им полную суровой жизненной правды историю.

Осваивать азы ремонтного ремесла я начал тогда, когда стал водить сына в ясли. Уже после трех дней посещения яслей мне его вернули в придачу к игрушечной кроватке. Молодая воспитательница, ничуть не смущаясь, попросила отремонтировать и привести в «божеский вид» игрушку.

На следующий день, принимая работу, она, укоризненно посмот-

рев на меня, грустно посетовала: «Ну, Петя, у тебя и папа!» Сыну стало за меня стыдно, и он, заплакав, безутешно уткнулся в мои ноги с мыслью о положительных сторонах безотцовщины. Наши покрасневшие от стыда физиономии яснее ясного говорили о нашем родстве.

С тех пор я решил все делать так, чтобы сыну не приходилось за меня краснеть и скрывать, боясь издевательского смеха, мою причастность к какому-нибудь горе-ремонту.

Как известно, мастерство сразу не приходит.

Много труда и времени пришлось потратить, прежде чем научился клеить и клепать, лакировать и полировать, стругать и тачать. Хорошо, что умственным трудом занимаюсь. На работе времени свободного уйма, вот я и ремонтировал ясельный инвентарь, день от дня улучшая качество и повышая количество, из-за чего сына лишний год в яслях продержали.

В сад перевели — и ко мне уже требования другие: вместо игру-

ВОВРЕМЯ СКАЗАЛ

— Что там стряслось?
— Беда, беда, Теван!
Задрал мою хохлатку твой полкан!..
— Спасибо, что сказал. А то жена-дуреха
Кормить его хотела,
пустобреха...

ФИЗИЧЕСКАЯ РАБОТА

— Зачем упорно,
Будто лошадь в мыле,
Романы ты строчишь за томом том?
— А делать что?!
Врачи, брат, запретили
Мне заниматься умственным трудом.

ПОКА НИЧЕЙНЫЙ

— Чей ты, малыш?
Почему без призора?
— Самому узнать интересно.
Папа с мамой разводятся скоро:
Чьим окажусь, пока неизвестно.

ЗАТЯНУВШИЙСЯ МОНОЛОГ

— Ты знаешь, я с женой
Не говорю полгода..
— Так затянулась ссора,
старина?
— Да нет, причина тут
иного рода:
Не вставить слова —
Все трещит она.

ЛИЧНЫЙ ВКЛАД

— Докладчик утонул в цитатах
с головой.
— Что, все чужое?
— Кашель вроде свой...

МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ

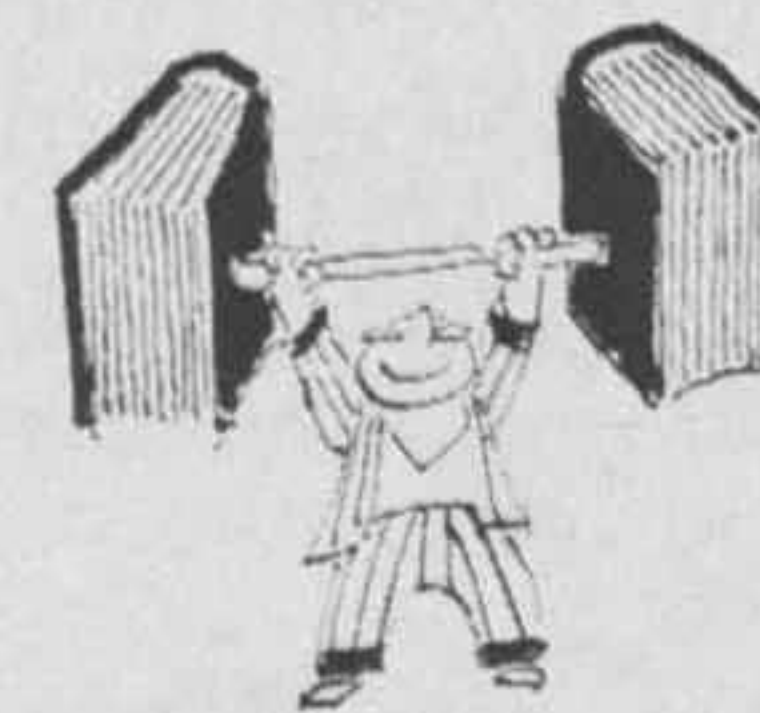
— Бабнен полгода важничает
что-то.
— С великими был снят.
На общем фото.

Перевод с армянского

Бориса ГАЙКОВИЧА.

ДИАЛОГИ

Мкртич КОРЮН

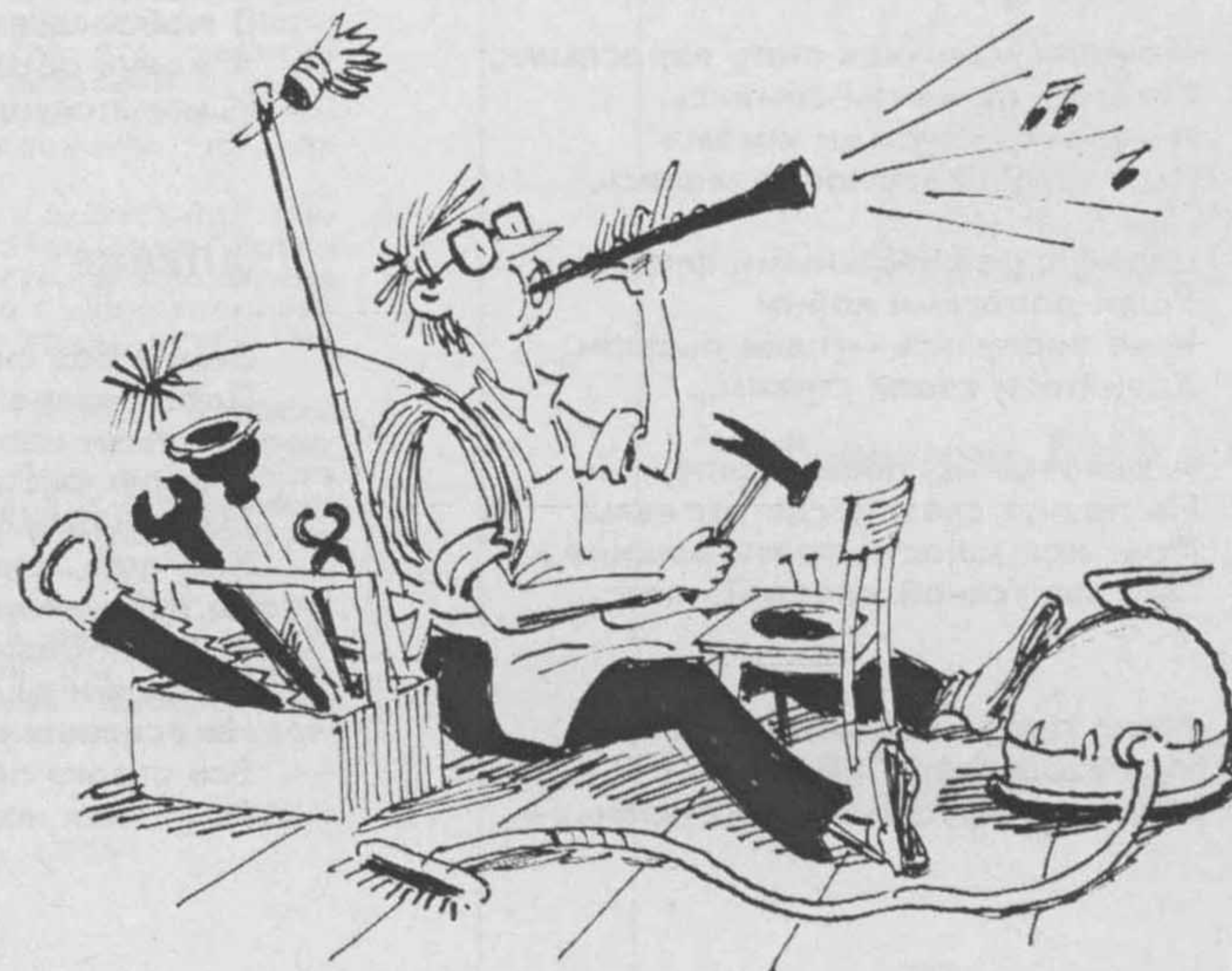
шек детскую мебель ремонтировать надо — то кроватку, то столик, то стул, будто в садике не лилипуть, а гулливеры какие-то. Мебель хоть и детская, но все равно на службу не отнесешь. Пришлось работу на дом взять, а днями и ночами в детском саду ремонтом заниматься.

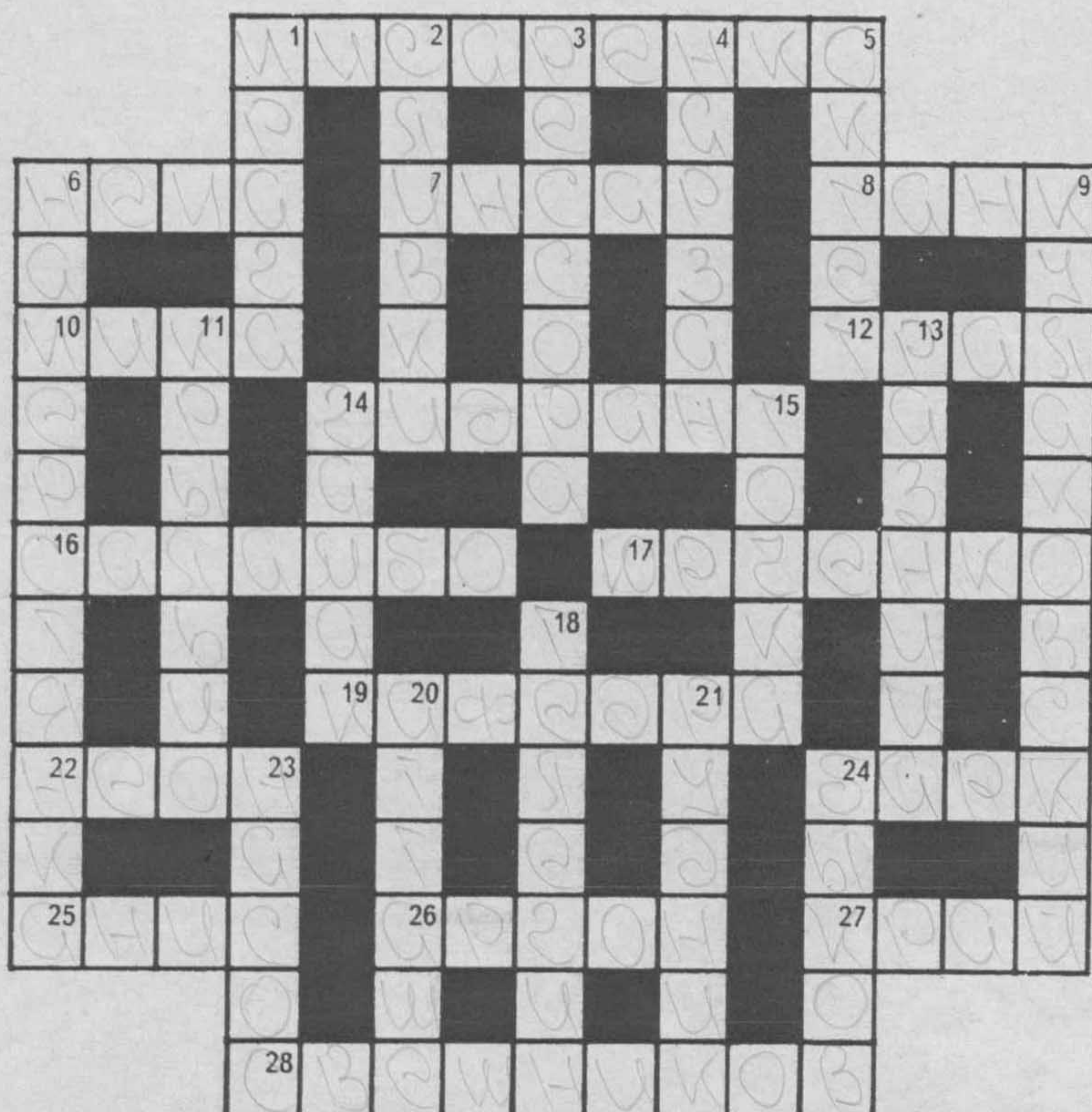
Завхоз не нарадуется, ходит передо мною, ластится. Как я потом узнал, он меня по совместительству оформил и деньги за меня получал.

Сын в школу пошел. А меня уже там ждут. Слава-то впереди меня бежит. Там уже мебель настоящая пошла, которую и в руки взять не

страшно. Ремонт помещений я тоже в школе осваивал. За одни зимние каникулы всеми строительными специальностями овладел. Металлоремонтом занимался во время реконструкции физкабинета. При реставрации учебных пособий освежил в памяти всю учебную программу и теперь с успехом могу заниматься репетиторством.

В общем, сын получит среднее, а я высшее ремонтное образование. В данный момент я экстерном осваиваю ремонт и настройку музыкальных инструментов: жена дочку в музыкальную школу отдать решила.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Рекордсмен мира по тяжелой атлетике. 6. Приток Нижней Тунгуски. 7. Город в Мордовии. 8. Боевая бронированная машина. 10. Разновидность копы. 12. Орудие лова морской рыбы. 14. Противопожарное стационарное устройство для набора воды. 16. Роман Г. Флобера. 17. Абсолютная чемпионка мира по гимнастике 1983 года. 19. Объединение научно-преподавательского состава в вузе. 22. Инертный газ. 24. Морское парусное судно. 25. Сорт яблок. 26. Химический элемент. 27. Административно-территориальная единица в Советском Союзе. 28. Хоровой дирижер, народный артист СССР.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 4. Столица государства в Центральной Европе. 2. Молочный продукт. 3. Приспособление для смягчения толчков при езде транспортных машин. 4. Минеральная вода. 5. Музыкальный ансамбль. 6. Декоративное и лекарственное растение. 9. Поэт, основоположник письменной якутской литературы. 11. Пристройка перед входом в дом. 13. Несходство. 14. Подвесное плетеное ложе. 15. Знак препинания. 18. Персонаж трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». 20. Дипломатический ранг. 21. Горнопромышленное предприятие. 23. Южное созвездие. 24. Белорусский советский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Гипотеза. 8. «Проселок». 10. Пантомима. 11. Ромм. 13. Соты. 14. Тельфер. 16. Веденеев. 17. Турмалин. 18. Победоносиков. 21. «Поединок». 23. Эклиметр. 24. Крайова. 25. Этна. 26. Муна. 27. Лейтенант. 29. Эндшпиль. 30. Сикейрос.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Мезенцев. 2. Маркизет. 3. Циклоида. 4. Этап. 5. Уста. 6. Водитель. 9. Гольденвейзер. 12. Мандолина. 13. Симпозиум. 14. «Теремок». 15. Ружичка. 19. Шестерня. 20. Земнухов. 22. Крейслер. 23. Эвкалипт. 27. Лупа. 28. Твен.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Боец сандинистской народной милиции * Советский корабль «Надежда Крупская» доставил грузы в порт Коринто.

(См. в номере материал «Никарагуа строит и сражается».)
Фото Г. Надеждина (ТАСС).

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Егерь заповедника Алексей Кошкин окольцевал фламинго.

(См. в номере материал «Вот вернется Краснокрыль».)
Фото Ю. Лушина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 26.12.83. Подписано к печати 10.1.84. А 00303. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 685 000 экз. Изд. № 257. Заказ № 1838.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НА ЛЫЖНЮ ВЫШЛИ ТЫСЯЧИ

Фото А. БОЧИНИНА

Белые Олимпиады берут свое начало на лыжне, и гонщики по праву считаются премьерными зимних Игр. Интерес к призерам лыжных соревнований большой, и на Олимпиадах в Инсбруке, а затем и в Лейк-Плэсиде нам приходилось знакомить многих журналистов с Раисой Сметаниной, Василием Рочевым и Николаем Бажуковым. И неизменно, узнав о том, что они из Сыктывкара, нас удивленно переспрашивали: «А где находится этот Сык-тив-кар?»

До последнего времени широко были известны такие лыжные оазисы, как финский Лахти, шведский Фалун, норвежский Холменколлен, грузинский Бакуриани, ленинградское Кавголово, подмосковный Красногорск, уральский Свердловск, а теперь к ним прибавился Сыктывкар!

Слава лыжного Сыктывкара поднялась не на пустом месте. Еще в давние времена охотники и рыболовы автономной республики Коми виртуозно владели своими лямпами и кусами, как назывались промысловые снегоступы, их дети и внуки давно научились бегать на гоночных лыжах, и еще лет 25 тому назад на всесоюзной лыжне прозвучали имена местных уроженцев — Григория Дуркина и Владимира Фомина, их земляк Иван Пронин вошел в состав сборной страны, выступавшей на Олимпиаде в Саппоро, а предшественница Раисы Сметаниной Нина Лыткина не раз успешно состязалась на международной лыжне.

...Уже в ноябре ложится снег на северную землю, и еще в мае многолюдно на лыжных трассах. Зимняя темень ничем не победит любителей лыжных прогулок: во всех семи городах и во многих районных центрах оборудованы освещенные трассы, построены лыжные базы. Когда в 1977 году в Сыктывкаре было решено провести чемпионат страны по лыжам, то в массовых лыжных соревнованиях, проведенных в его честь, приняло участие около 300 тысяч человек — почти все взрослое население республики.

Этот чемпионат запомнился всем, и хозяевам и многочисленным гостям. Он был проведен на специально выстроенном лыжном стадионе — на отлично подготовленных трассах и завершился триумфом команды Коми АССР. Она заняла первое место среди сборных команд союзных республик, Москвы, Ленинграда, областей, краев и автономных республик. Вот тогда-то снова прозвучали во весь голос имена трех сыктывкарцев. Василий Рочев, паренек из села Бакур, ученик местного тренера М. Г. Дуркина, победил в гонке на 30 километров, а девушка из села Мохча, дочь оленевода Раиса Сметанина, ученица тренера Г. М. Харитоновой, и Николай Бажуков, лыжник из села Троицко-Печорск, завоевали на чемпионате СССР серебряные медали. А за год до этого на Белой Олимпиаде в Инсбруке Бажуков стал олимпийским чемпионом на дистанции 15 километров, Сметанина выиграла 10 километров, — и оба они были участниками олимпийских эстафет.

И вот спустя два года, перед Белой Олимпиадой в Лейк-Плэсиде, в Сыктывкаре снова был проведен чемпионат страны, и снова знакомые нам лыжники из далеких приполярных мест выступили блестяще, вошли в сборную команду страны и все вернулись с олимпийскими медалями.

Так Сыктывкар занял свое место среди лыжных столиц мира, и нынешней зимой он снова принимает лучших гонщиков страны: на его лыжне состоялись первые гонки сезона, на которых отбиралась олимпийская команда страны, а в марте на его снегу будет разыгран Кубок СССР.

Что же удивительного в том, что почти каждый житель Коми АССР — лыжник. В новом сезоне в столице республики и во всех ее пятнадцати районах взяли старт массовые соревнования. И для того, чтобы отпраздновать вместе со своими земляками приход спортивной зимы, приехали на недолгую побывку домой Николай Бажуков, Раиса Сметанина, Василий Рочев и его жена Нина — чемпионка мира. На них всех держат равнение юные сыктывкарцы.

В. ВИКТОРОВ

ОНИ ИЗ СЫКТЫВКАРА

Товарищи по команде поздравляют победителя соревнования «Лыжня зовет» — слесаря мебельной фабрики Егора Михайловича Пашнина.

Василий Рочев на родном снегу.

«Буруны» делают лыжню.

Олимпийские чемпионы Николай Бажуков и Раиса Сметанина.

Сыктывкар — город лыжный.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

